

ISSN 1994-9960

2022

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Серия **ЭКОНОМИКА**

Том 17. № 4

Vol. 17. No. 4

PERM UNIVERSITY HERALD.
ECONOMY

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
PERM STATE UNIVERSITY

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Включен в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по отрасли науки 5.2. Экономические науки

Научный рецензируемый журнал
«Вестник Пермского университета.
Серия «Экономика» = Perm University
Herald. ECONOMY» издается
экономическим факультетом
Пермского государственного национального
исследовательского университета

Тематика статей журнала отражает научные достижения российских и зарубежных ученых в области актуального экономического знания. В публикуемых материалах освещаются теоретические и практические проблемы методологии и методики региональной и отраслевой экономики, включая вопросы регионального развития, особенности применения и разработки наиболее эффективных математических, бухгалтерско-аналитических и инструментальных методов в экономике.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, представителей общественности, бизнеса и государственных служащих всех уровней власти.

Подробные сведения о журнале, редакторская политика, условия публикации размещены на сайте Вестника <http://economics.psu.ru>

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), Директорию журналов открытого доступа (DOAJ), Электронно-библиотечную систему ЭБС IPRbooks, Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка», Национальный цифровой ресурс Руконт, Электронно-библиотечную систему Издательства «Лань», EBSCO Publishing.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-66483 от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Пресса России. Объединенный каталог»: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/e41030>. Подписной индекс: 41030.

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, ПГНИУ, Экономический факультет.
E-mail: vestnik.economy@econ.psu.ru,
vestnik.psu.economy@gmail.com
Web-site: <http://economics.psu.ru>

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миролюбова Т. В., д-р экон. наук, проф., декан экономического факультета, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Домошников А. И., канд. физ.-мат. наук, проф., зав. каф. математики, декан факультета естественных наук, Аризонский Университет, Аризона, Израиль

Крисан-Митра К. С., PhD in Management, доцент кафедры менеджмента, Университет Бабеш-Бойяи, Клуж-Напока, Румыния

Мантенья Р. Н., PhD in Physics, проф., Университет Палермо, Палермо, Италия

Нистор Р. Л., PhD in Reliability, директор департамента «Менеджмент», Университет Бабеш-Бойяи, Клуж-Напока, Румыния

Пагано Р., PhD in Management, ведущий преподаватель Школы бизнеса, Манчестерский университет «Метрополитен», Манчестер, Великобритания

Рейс Меркадо П., PhD in Managerial Sciences, проф. факультета экономики и бизнеса, Университет Анауак, Мехико, Мексика

Стефанович М., PhD in Industrial Engineering and Engineering Management, проф., руководитель Центра трансфера знаний, Крагуевацкий университет, Сербия

Дементьев В. Е., д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, руководитель научного направления, ФГБУН «Центральный экономико-математический институт РАН», Москва, Россия

Клейнер Г. Б., д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, зам. научного руководителя, ФГБУН «Центральный экономико-математический институт РАН», Москва, Россия

Клочков В. В., д-р экон. наук, канд. техн. наук, директор департамента стратегии и методологии управления созданием научно-технического задела, ФГБУ «Национальный исследовательский центр «Институт им. Н.Е. Жуковского», Жуковский, Россия

Кузнецов Ю. А., д-р физ.-мат. наук, проф., зав. каф. математического моделирования экономических процессов, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия

Нижегородцев Р. М., д-р экон. наук, зав. лабораторией, ФГБУН «Институт проблем управления РАН им. В.А. Трапезникова», Москва, Россия

Панкова С. В., д-р экон. наук, декан финансово-экономического факультета, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», Оренбург, Россия

Попов Е. В., д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, директор Центра социально-экономических исследований Уральского института управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия

Поспелов И. Г., д-р физ.-мат. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. отделом «Математическое моделирование экономических систем», ФГУ «Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН», Москва, Россия

Сузарев О. С., д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник, ФГБУН «Институт экономики РАН», Москва, Россия

Шерешева М. Ю., д-р экон. наук, проф. каф. прикладной институциональной экономики, зав. лабораторией институционального анализа, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бабаев Б. Д., д-р экон. наук, проф., проф. Межвузовского центра гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Иваново, Россия

Базуева Е. В., д-р экон. наук, доц., проф. каф. мировой и региональной экономики, экономической теории, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

Городилов М. А., д-р экон. наук, доц., зав. каф. учета, аудита и экономического анализа, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

Ермолаев М. Б., д-р экон. наук, проф., проф. каф. экономики и финансов Института управления, финансов и информационных систем, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет», Иваново, Россия

Лапыгин Ю. Н., д-р экон. наук, проф., проф. каф. менеджмента, Владимирский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Владимир, Россия

Летчиков А. В., д-р физ.-мат. наук, проф., проф. каф. управления социально-экономическими системами Института экономики и управления, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, Россия

Максимов В. П., д-р физ.-мат. наук, проф., проф. каф. информационных систем и математических методов в экономике, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

Мизурин Л. А., д-р экон. наук, проф., профессор специализированной кафедры ПАО «Газпром», ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Санкт-Петербург, Россия

Орлова Е. Р., д-р экон. наук, проф., зав. отделом «Информационные технологии оценки эффективности инвестиций», ФИЦ «Информатика и управления» РАН, Москва, Россия

Петренко С. Н., д-р экон. наук, проф., зав. каф. бухгалтерского учета, ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского», Донецк, Донецкая Народная Республика

Третьякова Е. А., д-р экон. наук, проф., проф. каф. охраны окружающей среды, ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь, Россия

Трофимов О. В., д-р экон. наук, проф., директор Центра инновационного развития медицинского приборостроения; зав. каф. «Экономика предприятий и организаций», ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия

Тургель И. Д., д-р экон. наук, проф., зам. директора Школы экономики и менеджмента, зав. каф. теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Института экономики и управления, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия

Шешукова Т. Г., д-р экон. наук, проф., проф. каф. учета, аудита и экономического анализа, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

Ковалева Т. Ю., канд. экон. наук, доц., доц. каф. мировой и региональной экономики, экономической теории, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

Новикова Т. В., ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия (ответственный редактор)

Founder: Perm State University

The periodical is included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals, where the results of scientific research are required for getting the scientific degrees of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences on the branch of science 5.2. Economic Sciences

The scientific journal
"Perm University Herald. ECONOMY"
has been published by
the Faculty of Economics
of the Perm State University

The subject area of articles published in the "Perm University Herald. ECONOMY" series demonstrates achievements of the Russian and foreign scholars in the sphere of today's economic knowledge. Theoretical and practical issues of methodology and methods in regional and industrial economy, including the issues of regional development, application and development of the most efficient mathematical, accounting, analytical, and instrumental methods in economy are described. Publication is intended for researchers, teachers, graduate students, members of the public, business and government officials at all levels.

Detailed information about the journal, its editorial policy and requirements for publication are provided at the website of "Perm University Herald. ECONOMY" <http://economics.psu.ru>

The periodical is included in the national information-analytic system "Russian Science Citation Index" (RSCI), Directory of Open Access Journals, Electronic library system IPRbooks, Scientific electronic library "Cyber Leninka", National digital resource Rucont, Electronic library system of the publishing house "Lan", University library online, EBSCO Publishing.

The periodical was registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The mass media registration certificate PI № FS77-66483 dd. July 14, 2016.

The Journal can be subscribed online on the website "Media of Russia. Unified Catalogue": <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/e41030>. Subscription number: 41030.

The founder, publisher address:

15, Bukireva st., Perm, Perm region, 614990, Russian Federation.

Editorial board address: 15, Bukireva st., Perm, Perm region, 614990, Russian Federation, Perm State University, Faculty of Economics.

E-mail: vestnik.economy@econ.psu.ru,
vestnik.psu.economy@gmail.com

Website: <http://economics.psu.ru>

CHIEF EDITOR

Mirolubova T. V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State University, Perm, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Domoshnitsky A. I., Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of Mathematics Department, Dean of Natural Sciences Faculty, Ariel University, Ariel, Israel

Crisan-Mitra C. S., PhD in Management, Associate Professor at the Department of Management, Babeş-Bolyai University, Cluj-Napoca, Romania

Mantegna R. N., PhD in Physics, Professor, University of Palermo, Palermo, Italy

Nistor R. L., PhD in Reliability, Director at the Department of Management, Babeş-Bolyai University, Cluj-Napoca, Romania

Pagano R., PhD in Management, Principal Lecturer of the Business School, Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom

Reyes Mercado P., PhD in Managerial Sciences, Full professor of the Faculty of Economics and Business, Anahuac University, Mexico, Mexico

Stefanovic M., PhD in Industrial Engineering and Engineering Management, Full professor, the Head of the Knowledge Transfer Center, University of Kragujevac, Serbia

Dement'ev V. E., Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Scientific Department, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kleiner G. B., Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Director, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Klochkov V. V., Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences, Director of the Department of Strategy and Methodology of Management of Scientific and Technical Start, National Research Center "Zhukovsky Institute", Zhukovsky, Russian Federation

Kuznetsov Yu. A., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Department of Mathematical Modeling of Economic Processes, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russian Federation

Nizhegorotsev R. M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Laboratory, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Pankova S. V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Finance and Economics, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

Popov E. V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director at the Center of Social and Economic Research, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Ekaterinburg, Russian Federation

Pospelov I. G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Mathematical Modelling of Economic Systems, Federal Research Center "Informatics and Management" of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Sukharev O. S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Sheresheva M. Yu., Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Applied Institutional Economics, Head of the Laboratory of Institutional Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL STAFF

Babaev B. D., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at Inter-University Center of Humanitarian Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

Bazueva E. V., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of the World and Regional Economy, Economic Theory, Perm State University, Perm, Russian Federation

Gorodilov M. A., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Accounting, Auditing and Economic Analysis, Perm State University, Perm, Russian Federation

Ermolaev M. B., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Economy and Finances of the Institute of Management, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation

Lapygin Yu. N., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir branch), Vladimir, Russian Federation

Letchikov A. V., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Professor at the Department of Management of Socio-Economic Systems, Institute of Economics and Management, Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

Maksimov V. P., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Professor at the Department of Information Systems and Mathematical Methods in Economics, Perm State University, Perm, Russian Federation

Mierin' L. A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Specialized Department PJSC "Gazprom", Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

Orlova E. R., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Information Technologies of Investment Efficiency Assessment, Federal Research Center "Informatics and Management" of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Petrenko S. N., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Accounting, Mykhailo Tuhon-Baranovskyi Donetsk National University of Economics and Trade, Donetsk, Donetsk People's Republic

Sheshukova T. G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Accounting, Auditing and Economic Analysis, Perm State University, Perm, Russian Federation

Tretiakova E. A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Environment Protection, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

Trofimov O. V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Director at the Center of Medical Instrumentation Innovative Development; Head at the Department of Economics of Enterprises and Organizations, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russian Federation

Turgel' I. D., Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Director of the School of Economics and Management, Head at the Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

Kovaleva T. Yu., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of the World and Regional Economy, Economic Theory, Perm State University, Perm, Russian Federation

Novikova T. V., Perm State University, Perm, Russian Federation (Executive Editor)

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. РЕГИОНАЛЬНАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Зазерская В. В.

Тенденции развития региональных интеграционных союзов: методологический аспект 375

Морошкина М. В., Мяки С. А.

Подходы к оценке трудового потенциала действующих особых экономических зон и территорий опережающего развития 391

Семячков К. А.

Дерево исследований умных городов 404

Теребова С. В., Устинова К. А., Крюков И. А.

Формирование сектора самозанятых в регионах: условия и перспективы 429

РАЗДЕЛ II. ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ

Караваяева Н. М., Гончарова Н. В., Дайнеко Л. В., Юрасова И. И.

Редевелопмент и реконцепция избыточной торговой недвижимости 453

Ибрагимова Р. С., Головкин Д. С.

Экономический потенциал как концепция стратегического управления промышленным предприятием 474

РАЗДЕЛ III. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА, АУДИТА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Попов А. Ю.

Оценка влияния новых федеральных стандартов бухгалтерского учета на индикаторы экономической безопасности субъектов бизнеса 487

CONTENTS

SECTION I. REGIONAL AND MUNICIPAL ECONOMY

Zazerskaya V. V.	375
Trends in the development of regional integration unions: A methodological aspect	
Moroshkina M. V., Myaki S. A.	391
Assessment of labor potential in operating special economic zones and advanced development territories	
Semyachkov K. A.	404
Smart city research tree	
Terebova S. V., Ustinova K. A., Kryukov I. A.	429
Development of the self-employed sector: Conditions and prospects	

SECTION II. ENTERPRISE ECONOMY AND MANAGEMENT
OF ENTERPRISES, ORGANIZATIONS, BRANCHES, COMPLEXES

Karavaeva N. M., Goncharova N. V., Daineko L. V., Yurasova I. I.	453
Redevelopment and reconception of surplus retail property	
Ibragimova R. S., Golovkin D. S.	474
Economic potential as a strategic management concept of the industrial enterprise	

SECTION III. CURRENT ISSUES OF ACCOUNTING,
AUDITING AND ECONOMIC ANALYSIS

Popov A. Yu.	487
Impact evaluation of new federal accounting standards on economic security indicators for business entities	

РАЗДЕЛ I. РЕГИОНАЛЬНАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 339.924, ББК Ф4(0).3, JEL Code F15, F13, F60, R12
DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-375-390

© Зазерская В. В.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СОЮЗОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Виктория Васильевна Зазерская

ORCID ID: [0000-0003-0333-7007](https://orcid.org/0000-0003-0333-7007), Researcher ID: [CAF-8715-2022](https://pubs.rsos.org/author/CAF-8715-2022), zazerskaya@mail.ru

Брестский государственный технический университет
(Республика Беларусь, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267)

Аннотация. Процессы, происходящие в настоящее время в мировой экономике, а именно глобализация, изменение конъюнктуры рынка, усиление конкуренции и связанная с этим неопределенность международных экономических и политических отношений, привели к возникновению новых императивов взаимного устройства государств. Исходя из этого экономическую интеграцию можно назвать самым важным процессом, способствующим устойчивому развитию ведущих и развивающихся стран мира. Все большее значение приобретают регионально интегрированные территории. При этом на интеграцию влияют критерии концентрации более интенсивных экономических отношений между регионами, институциональной координации на основе долгосрочных общих норм. Управление экономическим развитием регионов должно быть направлено на обеспечение устойчивости социально-экономической системы, выраженное в способности сохранять ее функциональные особенности и структурные компоненты. Экономическое развитие рассматривается как базовое понятие для определения условий развития трансграничных регионов, основанное на эволюционном и революционном подходах. Анализ развития трансграничных регионов показывает, что на разных этапах оно регламентировалось концепциями глобализации, регионализации, транснационализма. Недостаточность методологической базы предопределила дополнение классификации видов развития социально-экономических систем критерием «структурные изменения». В исследовании под экономическим развитием региона понимается планомерный процесс, целью которого является улучшение условий жизни населения. В достижении запланированного уровня жизни заложено выполнение целевых показателей социально-экономического развития при условии рационального и качественного использования ресурсного потенциала региона. Критерии типологии региональных интеграционных союзов систематизированы и разделены на стадии развития, уровень управления, модели приграничных и межрегиональных связей, степень институционализации трансграничного сотрудничества. Определены факторы, влияющие на региональную интеграцию и актуальные тенденции ее развития. Выявлена современная группа региональных интеграционных объединений на основе институционально-экономического подхода, позволяющего учитывать взаимодействие социально-экономических и организационно-экономических отношений и их связь с производительными силами региона. Типология региональных интеграционных союзов включает рамочную, поверхностную и рациональную интеграцию.

Ключевые слова: развитие, экономическое развитие, структурные изменения, экономическая интеграция, региональная интеграция, типология, институт, институционально-экономический подход, приграничное сотрудничество, трансграничное сотрудничество, региональные интеграционные союзы

Для цитирования:

Зазерская В. В. Тенденции развития региональных интеграционных союзов: методологический аспект // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2022. Т. 17, № 4. С. 375–390. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-375-390

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF REGIONAL INTEGRATION UNIONS: A METHODOLOGICAL ASPECT

Victoria V. Zazerskaya

ORCID ID: [0000-0003-0333-7007](https://orcid.org/0000-0003-0333-7007), Researcher ID: [CAF-8715-2022](https://orcid.org/CAF-8715-2022), zazerskaya@mail.ru

Brest State Technical University
(267, Moskovskaya st., Brest, 224017, Republic of Belarus)

Abstract. The processes currently taking place in the global economy, namely globalization, changes in market trends, tougher competition, and the associated uncertainty in international economic and political ties give rise to new imperatives for the mutual arrangement of the states. Thus, economic integration is perhaps the key process contributing to the sustainable development of the leading and developing countries of the world. Regionally integrated territories are becoming increasingly important. At the same time, integration is influenced by the concentration criteria of more intensive economic relations between regions, institutional coordination based on long-term general norms. The regions should be economically managed to ensure the sustainability of the socio-economic system, which means to maintain its functional features and structural components. Economic development is considered to be a fundamental concept rooted in evolutionary and revolutionary approaches and applied to determine the conditions for the development of cross-border regions. Cross-border regions' development was analyzed, and the results show that this concept was regulated by the theories of globalization, regionalization, and transnationalism at its different stages. The methodological framework was understudied, and this outlined the need to up-grade the classification of socio-economic system development types with a "structural changes" criterion. The economic development of the region is defined as a consistent process leading to better living conditions of the inhabitants. To achieve the target living standard, key target indicators of the socio-economic development should be achieved with the cost-efficient exploitation of the region's resource capacity. The criteria for the typology of regional integration unions are systematized and divided into the stages of development, the level of management, the models of border and interregional relations, an institutionalization level of cross-border cooperation. The factors which affect regional integration and relevant trends of its development are defined. An institutional and economic approach has been applied to define a modern group of regional integration associations. This approach accounts the interaction of socio-economic and organizational-economic relations and their ties with the efficient powers of the region. The typology of regional integration unions includes a framework, surface, and rational integration.

Keywords: *development, economic development, structural changes, economic integration, regional integration, typology, institution, institutional and economic approach, border cooperation, cross-border cooperation, regional integration unions*

For citation:

Zazerskaya V. V. Trends in the development of regional integration unions: A methodological aspect. *Perm University Herald. Economy*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 375–390. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-375-390

ВВЕДЕНИЕ

Особую роль в интенсификации экономического развития и росте конкурентоспособности стран играют интегрированные образования, способствующие экономическому сотрудничеству трансграничных регионов, выраженному в расширении торговли, реализации проектов, привлечении инвестиций в реальный сектор экономики. Динамика взаимодействия трансграничных регионов характеризуется политической и социально-экономической средой, протяженностью общих границ, правилами в пунктах пересечения границ, этническим происхож-

дением сообществ, а также экономическим потенциалом и возможностями. С учетом этого разнообразия в данном исследовании используется подход, отражающий особенности региональной интеграции при анализе экономического развития трансграничных регионов и типологии трансграничного сотрудничества между ними. Трансформация отношений внутри общества, переход к экономике знаний и цифровизации, инновационный характер процессов, обусловленных конвергенцией знаний и технологий, выдвигают на первый план решение задач территориальной

организации социально-экономических систем. Обострение конкурентной борьбы обусловливает развитие стран и регионов через расширение их участия в системе глобальной и территориальной специализации и в кооперировании труда, цепочках создания добавленной стоимости. Большой вклад в борьбу вносит использование механизмов активации факторов интенсивного характера, таких как стимулирование применения новых технологий управления, предпринимательской инициативы бизнеса, увеличение инноваций в базовых отраслях и новых производствах¹. Постоянное воздействие макро- и микроэкономических факторов на социально-экономические системы стимулирует динамичный характер протекающих в них процессов. Считаем, что управление экономическим развитием регионов должно быть направлено на обеспечение устойчивости социально-экономической системы, выраженное в способности сохранять ее функциональные особенности и структурные компоненты [1]. Обеспеченность регионов ресурсами, уровень производственного и экономического потенциала определяют систему управления социально-экономическими системами, возможности и угрозы функционирования региональных подсистем, тенденции развития регионов. Это позволяет сохранить баланс интересов между экономическим ростом и социальной стабильностью, что выражается в установлении соответствия взаимозависимых и взаимосвязанных отраслей экономической деятельности, координации объема производимой продукции, размера оказываемых услуг потребностям рынка, гарантии занятости, а также формирования приемлемого уровня жизни населения [2]. Основной целью в рамках данной статьи является изучение влияния эволюционных и революционных путей развития с учетом структурных изменений в воспроизводстве и специализации хозяйственных систем трансграничных регионов на выстраивание интеграционных взаимодействий и разработка типологии регио-

нальных интеграционных союзов на основе анализа мирового опыта экономической интеграции. Объектом исследования являются мезорегионы, предметом – институционально-экономическая дифференциация регионов с учетом эволюционных и территориальных характеристик.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Интеграция (от лат. *integratio* – «восстановление отдельных частей в единое целое») – объединение экономических субъектов, углубление их взаимодействия, развитие связей между ними [3]. В данном исследовании мы будем рассматривать экономическую интеграцию на мезоуровне и понимать под ней наивысшую ступень интернационализации, когда нарастающая экономическая взаимозависимость двух или нескольких приграничных регионов переходит в сращивание национальных рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и формирование целостного рыночного пространства с координацией внутри- и внешнеэкономической политики местными органами власти на основе национальных интеграционных стратегий [4].

Экономическая интеграция подразумевает объединение национальных рынков товаров, услуг, факторов производства нескольких приграничных регионов с нарастающей экономической взаимозависимостью². Координация внутри- и внешнеэкономической политики местными органами проводится на основе национальных интеграционных стратегий и, как следствие, зависит от того, в соответствии с какой концепцией она выстроена. Нами выделены следующие концепции интеграции.

Во-первых, либеральная концепция интеграции (*R. Aron, J. Ville, G. Cassel, A. Predol, W. Röpke*), возникшая в 1950-е гг. В соответствии с ней под интеграцией подразумевается объединение рынков нескольких стран, для которых характерна свободная конкуренция

¹ Указ Президента Республики Беларусь от 29.07.2021 № 2926 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы» // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/utverzhdjena-prog>

[ramma-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-belarusi-na-2021-2025-gody](https://president.gov.by/ru/events/utverzhdjena-prog) (дата обращения: 15.05.2022).

² Костюнина Г. М. Интеграционные объединения мира // Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник / под ред. А. С. Булатова и Н. Н. Ливенцева. М.: Магистр, 2008. С. 164–187.

и минимальное участие государства в рыночных процессах [4]. Иными словами, по мнению приверженцев данной концепции, для реализации региональной межстрановой интеграции необходимо создание единого свободного рыночного пространства для нескольких стран, на котором должна быть обеспечена полная свобода конкуренции и созданы условия для функционирования механизмов рыночной саморегуляции. По нашему мнению, применение форм трансграничного сотрудничества, которые в большей степени способствуют проявлению рыночного механизма интеграции, наиболее характерно для периода становления межтерриториального экономического сотрудничества стран.

Во-вторых, институциональная теория интеграции (*B. Balassa, G. Kremer, G. Meyer*), получившая развитие в 1960-е гг. и сосредоточившая внимание на роли государства в интеграционных процессах. Представители концепции считали, что решение социально-экономических задач равномерного регионального развития, развитие отсталых районов и отраслей, регулирование занятости, стимулирование экономики во избежание спадов невозможно без участия государства в интеграционных процессах [5, с. 62], а интеграция рассматривается как совокупность развития форм кооперации экономических субъектов. *G. Meyer* рассматривал логику развития взаимодействия посредством его участников и исходя из этого относил взаимодействие экономических субъектов микроуровня к начальным стадиям интеграции, дающим толчок развитию экономической интеграции отдельных регионов [6]. *B. Balassa*, в свою очередь, выделял следующие ступени развития региональной интеграции: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и полная экономическая интеграция [7]. *G. Kremer* рассматривал развитие интеграции через призму институциональных и неинституциональных форм взаимодействия: начальная стадия интеграции характеризуется неинституциональными формами, такими как межфирменные соглашения, создание совместных предприятий или слияние существующих, учреждение на территории интегрирующихся стран международных неправительственных организаций; для последующих стадий характерны

институциональные формы интеграции посредством односторонних государственных мероприятий, кооперативная и институциональная интеграция [5]. Таким образом, представители институциональной школы сводят интеграционные процессы лишь к ликвидации национальных ограничений в международном обмене [8], считают вмешательство государства необходимым, но не всеобъемлющим и придают особое значение регионам как участникам и посредникам интеграции.

В-третьих, неокейнсианская концепция интеграции (*R. Cooper, G. Myrdal, J. Pinder, J. Tinbergen* и др.), которая усилила свои позиции в 1970-е гг. и, в отличие от институциональной концепции, отводила главенствующую роль в процессах интеграции государству, поскольку рыночные механизмы саморегуляции не в состоянии справиться с неравномерностью развития и только государство имеет возможность проводить экономическую, финансовую и социальную политику, способствующую сбалансированному развитию стран и регионов [9]. *J. Tinbergen*, объясняя свою позицию о необходимости государственного вмешательства в процессы интеграции, говорил о том, что отмены искусственных барьеров для перемещения производственных ресурсов и товаров для эффективной интеграции недостаточно, называя такой процесс «негативной» интеграцией [10, с. 122]. Для получения эффекта от интеграционных процессов необходима «позитивная» интеграция, создание благоприятной институциональной среды, то есть не только создание институтов, но и принятие законов, способствующих усилению их мобильности. Дальнейшее развитие концепция получила с распространением идей *F. Perroux* и его представлений о социальной справедливости. Поскольку, по мнению *G. Myrdal, A. Marshalla, F. Perroux* и других ученых, снятие преград для движения товаров и факторов производства приводит к неравномерности экономического развития регионов на территории интеграционного объединения, необходимы регуляционные механизмы обеспечения равных возможностей всем участникам интеграционного процесса, так как рыночный механизм не способен обеспечить более эффективное размещение ресурсов и повлиять на рост производительности труда.

Такие рассуждения приводят нас к выводу, что интеграция должна способствовать обеспечению большего социального равенства, устранению неравномерности экономического развития разных стран и районов, а не их усилению. Выход представители данной школы видели в равном обеспечении факторами производства всех участников интегрируемого пространства. Именно эта концепция положена в основу разработки механизмов «зон интеграции» в Европейском союзе.

Таким образом, исследователи расходятся во мнениях и по вопросу необходимости государственного вмешательства в интеграционные процессы, и по целям интеграции. Если либеральная концепция опирается на классический тезис о совершенстве рыночных механизмов и способности этих механизмов перераспределять ресурсы для большей эффективности их использования (в рамках указанной концепции данный момент рассматривается в качестве целей интеграции), то по мере распространения ценностей социального равенства в теории интеграции прослеживается усиление акцентов на необходимости государственного участия в формировании благоприятной среды и регулирования интеграционных процессов. Однако это нельзя назвать принципиальным расхождением во взглядах, так как интеграция регионов по своей сути является сложноструктурным феноменом и обладает разнообразием форм.

Выявленные отличия и общие тенденции могут служить основанием для включения отдельных положений теорий региональной интеграции в поиск новых подходов к типологии региональных интеграционных союзов. Поскольку регионы отличаются социально-классовой структурой общества, экономическими моделями развития, государственным устройством, правовым регулированием, предлагаем практическую ценность и эффективность региональных интеграционных союзов рассматривать на основе эволюционного, территориального и институционально-экономического подходов. Институционально-экономический подход дает возможность учитывать взаимодействие социально-экономических и организационно-экономических отношений и их связь с производительными силами региона.

М. Perkmann эмпирическим путем вывел типы трансграничного сотрудничества, приняв за основу типологизации критерии интенсивности сотрудничества и географический охват, согласно которым трансграничное сотрудничество подразделяется на рабочие сообщества, еврорегионы в стадии становления, скандинавские еврорегионы, интегрированные еврорегионы [11].

При изучении экономического развития приграничных регионов выявляются диспропорции в развитии территорий, углублении территориального разделения труда, различная обеспеченность регионов факторами производства. Региональная интеграция заключается в использовании пространственного фактора как элемента экономического сотрудничества стран. Согласно этой точке зрения, состояние связанности территорий определяют по взаимодействию через приграничные территории, которое ограничивается эффектами пограничных барьеров. Второй подход предусматривает сокращение территориальных диспропорций, построенное на повышении однородности территорий и представленное конвергенцией территориальных характеристик.

Территориальный подход при трансграничном взаимодействии приграничных регионов дает возможность нивелировать негативные тенденции, формировать территориальные основы взаимодействия, координировать рыночные отношения. При этом первичными являются механизмы государственного регулирования.

Участие регионов в интеграционных объединениях оказывает влияние на региональное экономическое развитие и представляет интерес для научных исследований. Важной задачей является рассмотрение экономического развития как базового понятия для определения условий развития трансграничных регионов в рамках интеграционных объединений и составление на этой основе типологии регионов, базирующейся на эволюционном подходе. Развитие трансграничных регионов проходило под воздействием эволюционного и революционного подходов. Одновременно развивались и концепции интеграции: глобализация, регионализация, транснационализм, конституирование территории под влиянием социальной коммуникации [12, с. 3–4]. Кате-

гории «развитие», «экономическое развитие» рассматриваются представителями немецкой классической философии, марксистской теории, теории развития, теории систем, теории естественного отбора, теории экономического развития, теории структурных сдвигов и институциональной школы. Большинство авторов выделяют в качестве основного признака развития материалистическую диалектику. Развитие раскрывается через положения единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные.

Применение различных способов научного познания основывается на фундаменте теории систем, где категория «развитие» объективно описывает системную динамику. Так, А. В. Бузгалин и А. И. Колганов связывают закон движения и развития природы с теорией больших систем: «Если мы ставим перед собой проблему исследования законов рождения, развития и заката “больших” систем, мы неизбежно встаем перед необходимостью использования системного диалектического метода» [13, с. 151].

Эволюционный подход в рамках теории естественного отбора отождествляют с моделью конкурентной борьбы за ограниченные ресурсы. *J. Schumpeter*, например, представлял концепцию развития как изменения, рожденные рыночным устройством общества, под которым понималась сфера радикальных изменений [14]. Представитель институциональной школы *G. Myrdal* считал, что под развитием все мы фактически понимаем движение вперед всей социальной системы [15].

Обобщая существующие исследования в рамках теории экономического развития и теории структурных сдвигов, считаем необходимым выделить структурные изменения в воспроизводстве и специализации хозяйственных систем регионов, вовлеченных в интеграционное (трансграничное) взаимодействие, в закономерность, характеризующую современное изменение и развитие. Структурные преобразования являются причиной экономического роста [16, с. 36]. Имея под собой основу эволюционного либо революционного характера, они постоянно трансформируют экономическую систему, делая такой процесс непрерывным. Это дает возможность считать их видовым критерием в классификации раз-

вития социально-экономических систем, характеризующим приращение экономических результатов за счет участия в интеграционных процессах. При этом уровень интеграции определяется через связь темпов экономического развития с текущими материальными затратами и с формированием отраслевой структуры общественного продукта регионов.

С учетом сказанного в рамках данного исследования мы предлагаем классифицировать виды развития социально-экономических систем по критерию «структурные изменения»:

- катализаторное развитие, предполагающее формирование темпов расширенного воспроизводства выше среднестатистических для стабильного социально-экономического развития, сокращения разрыва в уровне и качестве жизни населения путем привлечения инвестиций и создания новых рабочих мест;
- расширенное развитие, направленное на достижение максимально возможных темпов развития народного хозяйства при максимальной степени соответствия структуры, ассортимента и качества продукции сложившимся общественным потребностям;
- прогрессивное развитие, предполагающее качественные системные изменения, вызванные ростом общефакторной производительности, которая формируется за счет технологических инноваций. Это динамичное развитие на основе качественно новых организационных, технологических, социальных инноваций, обеспечивающих технологические прорывы, нацелено на увеличение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности. Одновременно происходят качественные изменения в технологии и оборудовании уже сложившихся отраслей.

Таким образом, мы приходим к выводу, что развитие – это необратимый, направленный, взаимосвязанный процесс качественных и количественных изменений, протекающий под влиянием внешних и внутренних, управляемых и неуправляемых факторов и приводящий к новому качественному состоянию объекта – его состава и структуры.

Цель экономической системы – экономическое развитие, которое создает базу для повышения жизненного уровня населения. Количественно экономическое развитие выражает

экономический рост, а качественно – структурные изменения, приводящие к наделению системы новыми характеристиками. Представители революционного подхода к развитию экономики стоят на позициях радикальных изменений в структуре, меняющих траекторию движения развития [17]. Эволюционный подход трактует понятие «экономическое развитие» как «необратимую направленность закономерного развития, результатом которого станет новое качественное состояние объекта, в том числе его структурная трансформация» [17]. Это расширяет понятие и представляет его как процесс, охватывающий экономический рост за счет динамичных видоизменений экономической системы, повышения качества жизни населения и сокращения резких контрастов в социальной сфере.

Обобщая обзор практик концептуализации понятия «экономическое развитие» [18], мы принимаем следующее определение: экономическое развитие – это непрерывное, целенаправленное, закономерное количественное и качественное изменение системы, вызванное действием факторов внешней и внутренней среды для улучшения экономических параметров. Под экономическим развитием региона будем понимать планомерный процесс, целью которого является улучшение условий жизни населения. В достижении запланированного уровня жизни заложено выполнение целевых показателей социально-экономического развития при условии рационального и качественного использования ресурсного потенциала региона.

Экономическое развитие региона как экономической системы характеризуют следующие признаки, через которые отражается взаимосвязь всех перечисленных условий и объединение их в единый комплекс для выявления типов региональных интеграционных союзов и формулирования требований к показателям оценки экономического развития:

- способность экономической системы противодействовать флуктуациям;
- обеспечение достижения целевых показателей экономического развития системы;
- цикличность;

- сбалансированность экономических показателей развития экономической системы региона в длительном интервале времени;
- статичность и динамичность.

Указанные признаки лежат в основе развития экономических пространственных процессов. Возникновение и развитие трансграничных регионов связано с воздействием процессов региональной интеграции и направления политэкономического развития на территориальную организацию региона.

ПОСТРОЕНИЕ ТИПОЛОГИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СОЮЗОВ

Обозначим типы региональной экономической интеграции: интеграция на макроуровне, подразумевающая взаимодействие между государствами (зоны свободной торговли, таможенные союзы, общий рынок, экономический союз)³ и ликвидирующая барьеры в торговле с реализацией различного уровня мер защиты внутреннего рынка; интеграция на микроуровне, основывающаяся на частных зарубежных прямых капиталовложениях.

Одной из форм межгосударственной экономической интеграции является трансграничное сотрудничество, способствующее установлению и развитию социально-экономических, научно-культурных, природно-климатических отношений между граничащими территориально-административными единицами или их органами управления.

Типами интеграции при комплексном взаимодействии регионов может выступать двух-, трех- или многостороннее сотрудничество:

- двухстороннее, или трансграничное, сотрудничество – между органами власти местного управления и самоуправления, субъектами хозяйствования приграничных территорий;
- трехстороннее, или межтерриториальное, сотрудничество – интеграция между органами власти местного управления и самоуправления, субъектами хозяйствования несмежных территорий;

³ *Мировая политика и международные отношения. Для бакалавров: учеб. пособие для студ. вузов*

гуманит. и соц.-экон. профиля / под ред. Ю. Косова. СПб.: Питер, 2012. 400 с.

• многостороннее сотрудничество – взаимодействие органов власти различного уровня смежных территорий по транснациональным программам и проектам на глобальном уровне.

Таким образом, трансграничное сотрудничество происходит на сопредельных территориях соседних государств. Определяющим условием является наличие границы между сотрудничающими территориями. Трансграничное сотрудничество направлено на реализацию общих интересов на основе договорных отношений, ведет к формированию социально-экономического, политического, экологического, культурно-образовательного единства нескольких стран в рамках транснационального географического пространства в пограничных зонах, характеризуется более широким взаимным общением населения, высокой нагрузкой на инфраструктуру (дороги, связь, сфера обслуживания, придорожная инфраструктура).

Основой институционально-экономических отношений регионов являются институты [19]. Институты, в понимании *D. North*, – это «правила игры в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [20, с. 17].

Институционализированная форма регионального сотрудничества особенно актуальна в связи с нивелированием различий путем применения основных и правовых норм, что влияет на выстроенные алгоритмы взаимной деятельности, общую стратегию развития, автономность принятия решений. Критерием выделения типа региона становится уровень институционализации.

Правовая среда путем применения правовых методов и средств содействует экономической кооперации регионов, облекая практику трансграничных взаимодействий в формализованные институты сотрудничества.

Востребованной формой кооперации на первоначальном этапе сотрудничества регионов являются соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве. Основанием для заключения соглашений может быть стабилизация производственных связей, расширение сотрудничества в научно-технической и культурной сферах. Недостатком данной формы является отсутствие реализации заявленных

намерений по направлениям сотрудничества и областям взаимодействия. Соглашения перерастают во вторую форму кооперации в виде советов, рабочих групп и комиссий по приграничному сотрудничеству в составе межправительственных комиссий. Такая форма сотрудничества развита между Норвегией, Финляндией, Польшей, Литвой, Казахстаном, Монголией, Китаем и КНДР и заключается в объединении усилий «региональных и национальных властей пограничных государств для решения важных проблем: делимитации и демаркации границы, развития пунктов пропуска и подъездных путей к ним, организации транспортного сообщения и др.» [21, с. 35].

Еще одной формой сотрудничества выступают программы приграничного сотрудничества, ключевыми темами которых являются выравнивание производственных и торговых связей между хозяйствующими субъектами, регулирование демографической и миграционной политики регионов. Программы имеют инвестиционную составляющую, делятся на европейский и восточный типы. Европейскому типу присуще активное участие местных органов власти в разработке и реализации программ, период действия которых составляет 5–7 лет. Подавать заявки на участие в программах могут государственные учреждения, органы власти всех уровней, бизнес, некоммерческие организации. Финансирование распределяется на источники интеграционных объединений, национальное, партнеров. В европейском типе назначается управляющий орган, который осуществляет общее управление и контроль, и национальные органы, которые отвечают за реализацию программ на своей территории.

Восточный тип программ приграничного сотрудничества характеризуется отсутствием общего бюджета, реализация мероприятий зачастую не скоординирована между сторонами, управление осуществляется в пределах полномочий региональных властей согласно национальному законодательству. В зависимости от экономических особенностей региона может иметь стагнирующий и развивающийся вариант. Интенсивность сотрудничества при стагнирующем варианте невелика, институты сотрудничества выражены слабо, основаны на соглашениях о приграничной

Таблица 1. Типы региональных интеграционных союзов (РИС)

Table 1. Types of regional integration unions

Разработчик классификации	Тип РИС	Характерная черта
Л. Б. Вардомский [23, с. 94–122]	Европейский, китайский, постсоветский	Географический подход. Тип определяется по степени отношения к модели – институциональной (партнерской) или торговой (традиционной)
А. Б. Себенцов [21]	Европейский, постсоветский институционализирующийся, постсоветский стагнирующий, китайский, монгольский, северо-корейский	Признак межгосударственного сотрудничества. Сотрудничество приграничных регионов. Преобладающая форма сотрудничества – соглашения
В. Balassa [7]	Зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз	Либеральный подход. Конечная цель – свободная рыночная конкуренция без вмешательства государства. Интеграция как процесс

торговле и предотвращении приграничных инцидентов. При развивающемся варианте активизируются приграничные торговые и производственные связи, акцент в товарообороте делается на производстве базовых товаров. Создаются благоприятные условия для осуществления пассажирских и грузовых, в том числе транзитных, перевозок, рационального и безопасного использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, научного и гуманитарного сотрудничества, проводится модернизация пунктов пропуска через границы, приграничной инфраструктуры [22].

Анализ существенных характеристик региональных интеграционных союзов показывает объективную необходимость построения их типологии для выделения этапов интеграции в мировую экономику на основе стратегии экономического развития государств и регионов в связи с усилением конкурентной борьбы. Типология региональных интеграционных союзов представлена в табл. 1.

Л. Б. Вардомский придерживается институционального подхода к выделению региональных типов приграничного сотрудничества. Институционализированное сотрудничество определяется отношением к институциональной (партнерской) либо торговой (традиционной) модели сотрудничества на основе географической типологии: «Первая возникает на границах, где движущей силой сотрудничества являются создаваемые партнерами общие институты, которые формируются в разных сферах и на разных административно-территориальных уровнях. Вторая более характерна для участков границы, на которых

соприкасаются разнородные в социально-экономическом отношении и в плане общественного и государственного устройства территории» [23, с. 94–122].

А. Б. Себенцов [21] конкретизирует выделение географических типов приграничного сотрудничества:

- европейский тип – характеризуется устранением тарифов и квот, свободным движением факторов производства, высоким разнообразием различных институтов; распространен на границах России со странами ЕС;

- постсоветский тип – отличается преобладанием горизонтальных интеграционных связей, развитыми контактами между людьми, организациями и хозяйствующими субъектами; форма приграничного и торгово-экономического сотрудничества в основном реализуется посредством двусторонних рамочных соглашений;

- китайский тип – развивается путем внутреннего взаимодействия регионов и их активного вовлечения в международные связи, благодаря чему обеспечивается связанность внутренних и внешних территорий; межгосударственные органы не создаются, централизация управления устанавливает жесткий контроль национальных властей; приграничные институты с общим бюджетом и едиными органами управления практически не функционируют; по причине централизации управления национальных властей наднациональные органы, подобно европейскому типу, не создаются;

- монгольский тип – по примеру постсоветского имеет слабо выраженные институты

сотрудничества при преобладании торговых связей;

- северокорейский тип – характеризуется практически полным отсутствием полноценных приграничных контактов, взаимодействие проходит по вопросам пунктов пропуска.

По мнению В. Balassa [7], существует четыре основных типа региональной экономической интеграции:

- зона свободной торговли – предполагает отмену странами тарифных и нетарифных ограничений для перемещения товаров внутри зоны при сохранении каждой страной-участницей собственной внешнеторговой политики по отношению к третьим странам (например, Североамериканское соглашение о свободной торговле – НАФТА);

- таможенный союз – наряду с функциями зоны свободной торговли проводит единую внешнеторговую политику по отношению к третьим странам, в нем формируется единая внешняя граница; основным отличием от предыдущей формы выступает согласие членов относиться к торговле со странами, которые не являются членами, аналогичным образом;

- общий рынок – характеризуется снятием торговых барьеров, а также ограничений на перемещение рабочей силы и капитала, то есть страны создают общий интегрированный рынок; от предыдущего типа сохраняется общая торговая политика для торговли со странами, не являющимися членами (например, общий рынок Восточной и Южной Африки – КОМЕСА⁴);

- экономический союз – образуется государствами путем установления к общему рынку общих правил конкуренции, гармонизации фискальной и монетарной политики (например, Европейский союз – ЕС⁵).

Y. D. Kang выделяет дихотомические критерии типологии региональной экономической интеграции, например: по уровню эффективности – интеграция де-юре и де-факто; по открытости – закрытая интеграция, открытый регионализм; по уровню интеграции без учета либерализации торговли – неглубокая и глубокая интеграция [24].

АВТОРСКАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СОЮЗОВ НА ОСНОВЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Для построения типологии региональных интеграционных союзов на основе институционально-экономического подхода с учетом эволюционных и территориальных характеристик рассмотрим следующие критерии [4, с. 19]:

1) форма сотрудничества регионов:

- заключение двухсторонних и многосторонних соглашений по межрегиональному и приграничному сотрудничеству, расширение прямых контактов, поддержание связей между органами власти,

- экспорт и импорт, формирование внешнеторговой инфраструктуры,

- создание условий по инвестированию в местную промышленность, институтов координации национальных политик,

- создание безбарьерной среды по перемещению капиталов, трудовых ресурсов, технологий и др.;

2) уровень управления межрегиональными и приграничными связями:

- региональный,

- национальный,

- межгосударственный,

- надгосударственные институты;

3) модели приграничных и межрегиональных связей:

- традиционная – приграничная активность основана на различиях стран и их регионов в финансовой и экономической политике, направлена на поддержку и обслуживание внешней торговли,

- преференциальная – основана на комплексе преференций в пределах определенной территории, таких как налоговый и таможенный режим, стимулирование инвестирования, создание свободных экономических зон. Уровень наличия институтов низкий,

- партнерская – базируется на принципах административной и политической децентрализации. Органы местной власти пригра-

⁴ The Common Market for Eastern and Southern Africa. URL: <http://www.comesa.int> (дата обращения: 20.04.2022).

⁵ Facts and figures on the structure of the European Union. URL: <http://europa.eu> (дата обращения: 20.04.2022).

Таблица 2. Авторская типология региональных интеграционных союзов

Table 2. Author's typology of regional integration unions

Классификационный признак	Интеграция, или тип регионального интеграционного союза		
	рамочная	поверхностная	рациональная
Форма сотрудничества регионов	Заключение двухсторонних и многосторонних соглашений по межрегиональному и приграничному сотрудничеству, расширение прямых контактов, поддержание связей между органами власти. Экспорт и импорт, формирование внешне-торговой инфраструктуры	Экспорт и импорт, формирование внешнеторговой инфраструктуры. Создание условий по инвестированию в местную промышленность, институтов координации национальных политик	Создание условий по инвестированию в местную промышленность, институтов координации национальных политик. Создание безбарьерной среды по перемещению капиталов, трудовых ресурсов, технологий др.
Уровень управления межрегиональными и приграничными связями	Региональный	Национальный, межгосударственный	Межгосударственный, надгосударственные институты
Модель приграничных и межрегиональных связей	Традиционная – основана на различиях стран и их регионов в финансовой и экономической политике, направлена на поддержку и обслуживание внешней торговли	Преференциальная – основана на комплексе преференций в пределах определенной территории (налоговый и таможенный режим, стимулирование инвестирования, создание свободных экономических зон)	Партнерская – базируется на принципах административной и политической децентрализации, органы местной власти приграничных территорий имеют специальные полномочия, совместные механизмы решения общих проблем приграничных территорий. Уровень институционального обеспечения высокий
Степень институционального взаимодействия при трансграничном сотрудничестве	–	Свободные экономические зоны, кластер, треугольник роста	«Еврорегион»
Развитие социально-экономических систем	Катализаторное	Катализаторное, расширенное	Прогрессивное

нических территорий имеют специальные полномочия, совместные механизмы решения общих проблем приграничных территорий. Уровень институционального обеспечения высокий;

4) степень институционального взаимодействия при трансграничном сотрудничестве:

- «еврорегион»,
- свободные экономические зоны,
- кластер,
- «треугольник роста».

Данные критерии позволяют учесть многообразие факторов при определении типа сотрудничества регионов. Они системно учитывают географические, отраслевые и институциональные характеристики, которые способствуют ускорению темпов социально-экономического развития сопредельных транснациональных регионов.

Подводя итог исследованию, обобщающему мировой опыт по экономической интеграции на региональном уровне, предлагаем следующий подход к выделению институционально-экономических типов регионального

интеграционного сотрудничества на основе перечисленных критериев (табл. 2):

- рамочная интеграция;
- поверхностная интеграция;
- рациональная интеграция.

Данная типология на основе эволюционного подхода к экономическому развитию помогает выстраивать интеграционные взаимодействия регионов, а также соизмеряет системные изменения, вызванные структурными изменениями в воспроизводстве и специализации хозяйственных систем регионов с целями развития регионов и направлениями интеграции.

Таблица 2 иллюстрирует тип регионального интеграционного союза с учетом глубины формы сотрудничества, уровня управления и вида модели связей между регионами, степени институционального взаимодействия. *Рамочная интеграция* основана на слабом выражении институтов сотрудничества. Ведущим типом взаимодействия являются региональные торговые соглашения по исключению тарифных барьеров, развитие приграничной внешней

торговли. Основные направления сотрудничества связаны с двухсторонним форматом отношений, регулирующих визовый режим и обустройство границы, предотвращение вызовов национальной безопасности. Соглашения, за исключением связанных с либерализацией торговли, лишены конкретных обязательств и ограничиваются декларацией о намерениях. Примером может служить Евро-средиземноморское партнерство, или Евромед.

Поверхностная интеграция характерна для разнородных в плане экономики, социального и государственного устройства регионов (государств). Интеграция основана на рыночных механизмах с высоким уровнем суверенитета между членами объединения. Заключаются региональные торговые соглашения, включающие направления долгосрочного характера по торговле услугами, инвестициям, конкуренции и государственным закупкам. Интеграция принимает некоторые черты общего рынка, сосредоточивает внимание на вопросах регулирования и механизмах разрешения споров. Может создаваться торговый блок на основе свободного членства с последующей институциональной реорганизацией в зону свободной торговли. Форматом отношений являются соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, заключающиеся по инициативе регионов, рабочие группы, комиссии по приграничному сотрудничеству в рамках межправительственных комиссий. Наиболее продвинутым примером поверхностной интеграции является НАФТА. Соглашения НАФТА содержат положения об инвестициях и урегулировании споров, которые требуют определенного уровня гармонизации правовых стандартов среди членов объединения.

Рациональная интеграция регионов – это институционализированное сотрудничество между регионами-членами. Подразумевается наличие определенных особенностей (хотя, возможно, не полностью сформированных), таких как общий рынок или валютный союз. Характерен рыночный подход с жесткими институциональными рамками и наднациональным образованием.

Представленная типология отражает интегративные возможности региональной, национальной и наднациональной экономических систем, что формирует новые источ-

ники для развития регионов и стран в условиях их участия в региональных интеграционных объединениях. Новизна авторской типологии региональных интеграционных союзов состоит в теоретическом обосновании характеристик и признаков интеграционного типа развития региональных экономических систем (тип интеграционных связей, форма приграничного и торгово-экономического сотрудничества), уточнении свойств и функций его институционального обеспечения. Это позволит системе государственного управления экономическими процессами формировать конструктивные предпосылки выявления и использования системообразующих взаимодействий в региональных интеграционных объединениях (снятие торговых барьеров, ограничений на перемещение рабочей силы и капитала, гармонизация фискальной и монетарной политики) для создания новых стимулов и источников экономического роста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понимание характеристик и проблем современного регионализма становится все более фундаментальным, особенно если учитывать, что влияние экономических и политических факторов в последнее время продемонстрировало необходимость создания более эффективных региональных ответных мер. Для повышения эффективности управления экономическим развитием регионов требуется сохранение устойчивости социально-экономической системы. В процессе исследования была показана специфическая феноменологическая природа экономического развития как базового понятия для определения условий развития трансграничных регионов, и на этой основе создана типология регионов, суть которой рассмотрена в рамках эволюционного и революционного подходов и основывается на концепциях глобализации и регионализации. В рамках теории экономического развития и теории структурных сдвигов выделены изменения, происходящие в структуре воспроизводства и специализации хозяйственных систем регионов, вовлеченных в интеграционное (трансграничное) взаимодействие, характеризующее их современное изменение и развитие. Это дало возможность

считать их видовым критерием в классификации развития социально-экономических систем, который учитывает приращение экономических результатов за счет участия в интеграционных процессах.

Представленные теоретико-методологические основы исследования региональной экономической интеграции выявили, что по мере развития экономических школ прослеживается усиление роли государства в интеграционных процессах. По мнению представителей либеральной концепции интеграции, основополагающими инструментами образования трансграничных регионов являются рыночные механизмы и конкурентоспособность. Целью интеграции становится рыночная эффективность. Идеологической основой работ представителей региональной интеграции, институциональной теории интеграции, неокейнсианской концепции интеграции, теории структурализма стало определение главенствующей роли государственного регулирования и социальное равенство. Исследователи придерживались идеи экономического развития территорий при интеграции.

Основными организационными формами кооперации (сотрудничества) на данном этапе

являются соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, доминирующей моделью – горизонтальная интеграция.

Проведенный в статье обзор типологий региональных интеграционных союзов показывает, что предыдущие типологии не отражают различные черты регионального сотрудничества. Предложен институционально-экономический подход, который учитывает взаимодействие социально-экономических и организационно-экономических отношений, показана их связь с производительными силами региона. Для построения типологии региональных интеграционных союзов на основе институционально-экономического подхода с учетом эволюционных и территориальных характеристик рассмотрены следующие критерии: форма сотрудничества регионов, уровень управления и модели межрегиональных и приграничных связей, степень институционального взаимодействия при трансграничном сотрудничестве. На основании перечисленных критериев выделены институционально-экономические типы регионального интеграционного сотрудничества: рамочная, поверхностная и рациональная интеграция.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бунько С. А. Стратегическое территориальное планирование в Республике Беларусь: опыт и перспективы // *Экономическая наука сегодня*. 2017. № 5. С. 191–199.
2. Феофилова Т. Ю. Условия развития социально-экономической системы региона // *Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета*. 2014. № 36. С. 162–176.
3. Сумароков В. Н., Сумароков Н. В. Расширение Европейского союза и внешнеэкономические связи России. М.: Финансы и статистика, 2006. 256 с.
4. Зазерская В. В. Методологические основы развития социально-экономических систем на базе интеграции // *Инновации: от теории к практике: сб. науч. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Брест, 21–22 окт. 2021 г.)*. Брест: Изд-во БрГТУ, 2021. С. 16–20.
5. Максимова М. М. Экономическая интеграция: некоторые вопросы методологии // *Мировая экономика и международные отношения*. 1969. № 5. С. 40–59.
6. Meier G. M. Effects of a customs union on economic development // *Social and Economic Studies*. 1960. Vol. 9, no. 1. P. 29–36.
7. Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. London: Routledge, 1962. 318 p.
8. Васильева Е. Э., Данилюк Е. С. Теории региональной интеграции: развитие и значение в формировании основ трансграничного сотрудничества // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2009. № 3. С. 72–75.
9. Тимофеев А. В. Теоретические аспекты и тенденции развития региональной экономической интеграции // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2012. Вып. 3 (42). С. 58–63.
10. Tinbergen J. *International Economic Integration*. Amsterdam; Brussels: Elsevier, 1954. 191 p.
11. Perkmann M. Social Integration and System Integration: Reconsidering the Classical Distinction // *Sociology*. 1998. Vol. 32, no. 3. P. 491–507. doi: [10.1177/0038038598032003005](https://doi.org/10.1177/0038038598032003005)

12. *Perkmann M., Sum N. L.* Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions: Scales, Discourses and Governance // Perkmann M., Sum N. L. (eds). Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions. International Political Economy Series. London: Palgrave Macmillan, 2002. P. 3–21. doi: [10.1057/9780230596092_1](https://doi.org/10.1057/9780230596092_1)
13. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Пределы капитала: методология и онтология. М.: Культурная революция, 2009. 680 с.
14. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 401 с.
15. *Myrdal G.* Economic Theory and Under-Developed Regions. London: Gerald Duckworth & Co, 1957. 168 p.
16. *Амосов А. И.* Об угрозах деиндустриализации народного хозяйства на современном этапе // Экономическая безопасность. 2019. Т. 2, № 1. С. 35–38. doi: [10.18334/ecsec.2.1.100620](https://doi.org/10.18334/ecsec.2.1.100620)
17. *Мохнаткина Е. В., Голубев А. А.* Показатели, тенденции и факторы экономического развития хозяйствующих субъектов в Российской Федерации // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2015. № 3. С. 106–116.
18. *Зазерская В. В.* Теоретические аспекты экономического развития региона в современных условиях // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2022. № 2. С. 152–155. doi: [10.36773/1818-1112-2022-128-2-152-155](https://doi.org/10.36773/1818-1112-2022-128-2-152-155)
19. *Седов В. В.* Концепция устойчивого развития: политэкономический подход // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 8 (263). С. 5–14.
20. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 190 с.
21. *Себенцов А. Б.* Институциональное сотрудничество на российских границах: подходы к типологии // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации / под ред. Л. И. Попковой, Цезары Мадры, Л. Б. Вардомского. Курск: Курск. гос. ун-т, 2018. С. 24–38.
22. *Костюнина Г. М., Баронов В. И.* Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (17). С. 169–178. doi: [10.24833/2071-8160-2011-2-17-169-178](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-2-17-169-178)
23. *Вардомский Л. Б.* Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Либроком, 2009. 216 с.
24. *Kang Y.-D.* Development of Regionalism: New Criteria and Typology // Journal of Economic Integration. 2016. Vol. 31, no. 2. P. 234–274. doi: [10.11130/jei.2016.31.2.234](https://doi.org/10.11130/jei.2016.31.2.234)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктория Васильевна Зазерская – кандидат экономических наук, доцент, декан экономического факультета, Брестский государственный технический университет (Республика Беларусь, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267); zazerskaya@mail.ru

REFERENCES

1. Bun'ko S. A. Strategicheskoe territorial'noe planirovanie v Respublike Bela-rus': opyt i perspektivy [Strategic territorial planning in the Republic of Belarus: Practices and perspectives]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya* [Economic Science Today], 2017, no. 5, pp. 191–199. (In Russian).
2. Feofilova T. Yu. Usloviya razvitiya sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy regiona [Terms of socio-economic system of the region]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo gidrometeorologicheskogo universiteta* [University Notes of the Russian State Hydrometeorological University], 2014, no. 36, pp. 162–176. (In Russian).
3. Sumarokov V. N., Sumarokov N. V. *Rasshirenie Evropeiskogo soyuza i vneshneeko-nomicheskije svyazi Rossii* [European Union Expansion and Russian International Economic Ties]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2006. 256 p. (In Russian).
4. Zazerskaya V. V. Metodologicheskie osnovy razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh si-stem na baze integratsii [Methodological basis for developing integration-based socio-economic systems]. *Innovatsii: ot teorii k praktike: sb. nauch. st. VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Brest, 21–22 okt. 2021 g.)* [Innovations: From Theory to Practice: Proceedings from VIII International Applied Research Conference (Brest, 21–22 October 2021)]. Brest, Izd-vo BrGTU Publ., 2021, pp. 16–20. (In Russian).

5. Maksimova M. M. Ekonomicheskaya integratsiya: nekotorye voprosy metodologii [Economic integration: Some issues of methodology]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 1969, no. 5, pp. 40–59. (In Russian).
6. Meier G. M. Effects of a customs union on economic development. *Social and Economic Studies*, 1960, vol. 9, no. 1, pp. 29–36.
7. Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. London, Routledge, 1962. 318 p.
8. Vasil'eva E. E., Danilyuk E. S. Teorii regional'noi integratsii: razvitie i znachenie v formirovanii osnov transgranichnogo sotrudnichestva [Theory of regional integration: Development and importance in developing the fundamentals for cross-border cooperation]. *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права* [Bulletin of Belarus State University. Series 3. History. Philosophy. Political Science. Sociology. Economics. Law], 2009, no. 3, pp. 72–75. (In Russian).
9. Timofeev A. V. Teoreticheskie aspekty i tendentsii razvitiya regional'noi ekonomicheskoi integratsii [Theoretical Aspects and Trends of Regional Economic Integration]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Social Economic University], 2012, iss. 3 (42), pp. 58–63. (In Russian).
10. Tinbergen J. *International Economic Integration*. Amsterdam, Brussels, Elsevier, 1954. 191 p.
11. Perkmann M. Social Integration and System Integration: Reconsidering the Classical Distinction. *Sociology*, 1998, vol. 32, no. 3, pp. 491–507. doi: [10.1177/0038038598032003005](https://doi.org/10.1177/0038038598032003005)
12. Perkmann M., Sum N. L. Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions: Scales, Discourses and Governance. *Perkmann M., Sum N. L. (eds). Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions. International Political Economy Series*. London, Palgrave Macmillan, 2002, pp. 3–21. doi: [10.1057/9780230596092_1](https://doi.org/10.1057/9780230596092_1)
13. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. *Predely kapitala: metodologiya i ontologiya* [Capital Limits: Methodology and Ontology]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2009. 680 p. (In Russian).
14. Schumpeter J. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of Economic Development]. Moscow, Direktmedia Publishing Publ., 2008. 401 p. (In Russian).
15. Myrdal G. *Economic Theory and Under-Developed Regions*. London, Gerald Duckworth & Co, 1957. 168 p.
16. Amosov A. I. Ob ugrozakh deindustrializatsii narodnogo khozyaistva na sovremennom etape [Threats to deindustrialization of the national economy at the present stage]. *Ekonomicheskaya bezopasnost'* [Economic Security], 2019, vol. 2, no. 1, pp. 35–38. (In Russian). doi: [10.18334/ecsec.2.1.100620](https://doi.org/10.18334/ecsec.2.1.100620)
17. Mokhnatkina E. V., Golubev A. A. Pokazateli, tendentsii i faktory ekonomicheskogo razvitiya khozyaistvuyushchikh sub"ektov v Rossiiskoi Federatsii [Indicators, tendencies and factors of economic development of a business in the Russian Federation]. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya «Ekonomika i ekologicheskii menedzhment»* [Scientific Journal NRU ITMO. Series “Economics and Environmental Management”], 2015, no. 3, pp. 106–116. (In Russian).
18. Zazerskaya V. V. Teoreticheskie aspekty ekonomicheskogo razvitiya regiona v so-vremennykh usloviyakh [Theoretical aspects of the economic development of the region in modern conditions]. *Vestnik Brestskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Brest State Technical University. Series: Economics], 2022, no. 2, pp. 152–155. (In Russian). doi: [10.36773/1818-1112-2022-128-2-152-155](https://doi.org/10.36773/1818-1112-2022-128-2-152-155)
19. Sedov V. V. Kontseptsiya ustoichivogo razvitiya: politekonomicheskii podkhod [Sustainable development theory: A political economic approach]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 8 (263), pp. 5–14. (In Russian).
20. North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutes, Institutional Changes and Economy Performance]. Moscow, Nachala Publ., 1997. 190 p. (In Russian).
21. Sebentsov A. B. Institutsional'noe sotrudnichestvo na rossiiskikh granitsakh: podkhody k tipologii [Institutional cooperation at the Russian borders: Approaches to typology]. *Strategiya razvitiya prigranichnykh territorii: traditsii i innovatsii / pod red. L. I. Popkovo, Ts. Madry, L. B. Vardomskogo* [Development Strategy for Border Territories: Traditions and Innovations. Ed. by L.I. Popkova, Ts.Madra, L.B. Vardomskii]. Kursk, Kursk. gos. un-t Publ., 2018, pp. 24–38. (In Russian).
22. Kostyunina G. M., Baronov V. I. Transgranichnye svobodnye ekonomicheskie zony v zarubezhnykh stranakh (na primere Kitaya) [Cross-border free economic zones in foreign countries (from China)]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2011, no. 2 (17), pp. 169–178. (In Russian). doi: [10.24833/2071-8160-2011-2-17-169-178](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-2-17-169-178)

23. Vardomskii L. B. *Rossiiskoe porubezh'e v usloviyakh globalizatsii* [Russian Border Zones in Globalization Context]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 216 p. (In Russian).
24. Kang Y.-D. Development of Regionalism: New Criteria and Typology. *Journal of Economic Integration*, 2016, vol. 31, no. 2, pp. 234–274. doi: [10.11130/jei.2016.31.2.234](https://doi.org/10.11130/jei.2016.31.2.234)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria Vasilievna Zazerskaya – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics, Brest State Technical University (267, Moskovskaya st., Brest, 224017, Republic of Belarus); zazerskaya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.05.2022, принята к печати 28.09.2022

Received May 30, 2022; accepted September 28, 2022

УДК 332.05, ББК 65.9, JEL Code R58
DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-391-403

© Морошкина М. В.,
Мяки С. А., 2022

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕЙСТВУЮЩИХ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН И ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Марина Валерьевна Морошкина ^a

ORCID ID: [0000-0001-6520-4248](https://orcid.org/0000-0001-6520-4248), Researcher ID: [O-9248-2015](https://orcid.org/0-9248-2015), maribel74@mail.ru

Светлана Александровна Мяки ^b

ORCID ID: [0000-0001-7055-4410](https://orcid.org/0000-0001-7055-4410), Researcher ID: [HIR-3198-2022](https://orcid.org/HIR-3198-2022), sveteart@ya.ru

^a Институт экономики – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Россия, 185030, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50)

^b Карельский филиал РАНХиГС (Россия, 185002, г. Петрозаводск, ул. Чапаева, 6А)

Аннотация. Особые экономические зоны являются значимым стратегическим инструментом территориального развития. Социально-экономическое развитие особых экономических зон представляется важной экономической задачей, для решения которой на данных территориях созданы особые условия для развития и функционирования производственных предприятий и сектора услуг. Наличие особых условий должно стимулировать развитие экономики и обеспечить устойчивый экономический рост. Основная цель исследования заключается в оценке развития трудового потенциала в разрезе российских регионов, в рамках которых создана особая экономическая зона и действует преферентный налоговый режим. Исследовательской задачей является оценка развития экономических и социальных показателей территории особой экономической зоны. Оцениваются показатели трудового потенциала, влияющие на развитие и функционирование данных территорий. Новизна работы состоит в проведении сравнительного анализа показателей трудового потенциала территории до и после образования на ней особой экономической зоны, результаты которого позволят оценить влияние преферентных условий на занятость, темпы снижения безработицы и сокращение структурной диспропорции и разработать рекомендации для принятия наиболее эффективных управленческих решений в этой сфере. Информационной базой для проведения аналитических исследований послужили статистические данные Росстата, а также информационные ресурсы территориальных образований. На основании статистических данных исследовано поведение отдельных экономических и социальных индикаторов, определена роль статуса территории в процессах экономического роста. Показано, что наличие особых условий для производственной деятельности и сектора услуг не стимулирует процессы развития территорий. Большая часть действующих территориальных образований не демонстрирует высоких темпов развития, в том числе по показателям развития трудового потенциала. Исключение составляют столичные и крупные городские агломерации, характеризующиеся высокими темпами экономического развития, обусловленными высоким уровнем развития финансового и банковского секторов, сосредоточением производственных мощностей и значительным агломерационным эффектом. Выявленные тенденции развития позволяют оценить эффективность механизма налогового стимулирования, процессов развития особых экономических зон и определить механизмы совершенствования направлений развития. Результаты исследования позволяют эффективно изучать социально-экономическую ситуацию в особых экономических зонах и корректировать направления их развития, могут использоваться при разработке стратегических и программных документов развития территориальных образований, в частности территорий с особыми налоговыми льготами и преферентными условиями функционирования.

Ключевые слова: трудовой потенциал, особые экономические зоны, численность населения, численность экономически активного населения, численность занятых, уровень безработицы, среднесписочная численность работников малых предприятий

Для цитирования:

Морошкина М. В., Мяки С. А. Подходы к оценке трудового потенциала действующих особых экономических зон и территорий опережающего развития // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2022. Т. 17, № 4. С. 391–403. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-391-403

ASSESSMENT OF LABOR POTENTIAL IN OPERATING SPECIAL ECONOMIC ZONES AND ADVANCED DEVELOPMENT TERRITORIES

Marina V. Moroshkina ^a

ORCID ID: [0000-0001-6520-4248](https://orcid.org/0000-0001-6520-4248), Researcher ID: [O-9248-2015](https://orcid.org/O-9248-2015), maribel74@mail.ru

Svetlana A. Myaki ^b

ORCID ID: [0000-0001-7055-4410](https://orcid.org/0000-0001-7055-4410), Researcher ID: [HIR-3198-2022](https://orcid.org/HIR-3198-2022), sveteart@ya.ru

^a Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(50, Al. Nevsky Prospect, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185030, Russia)

^b Karelian Branch of RANEPa (6A, Chapaev st., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185002, Russia)

Abstract. Special economic zones are an important strategic tool of territorial development. Socio-economic development of special economic zones is seen to be a key economic task. To perform this task, special environment is arranged for their development and manufacturing enterprises and the service sector. These special conditions should stimulate their economic development and ensure their sustainable economic growth. The main objective of the study is to assess the development of labor potential in the Russian regions with the special economic zones and a preferential taxation scheme. The research task is to evaluate the economic and social indicators of the special economic zones. The study looks at the labor potential indicators which affect the development and functioning of these territories. The novelty is a comparative analysis of the labor potential indicators before and after a special economic zone is established. The results of the analysis show the impact of preferential conditions on the employment rate, a decrease of the unemployment rate, and changes in the structural disproportion rate and contribute into developing recommendations for efficient managerial decisions in this area. The statistical data of the Federal State Statistics Service, as well as information resources of territorial entities served as the information base for analytical studies. The statistical data analysis revealed the behavior of individual economic and social indicators; the role of a territorial status in economic growth was determined. The results also show that special environment does not stimulate territorial development in manufacturing and service sectors. Most existing territorial entities do not demonstrate high development rates, including by labor potential indicators. The exceptions are metropolitan and large urban agglomerations characterized by high economic development rates due to a high development level in financial and banking sectors, concentration of manufacturing capacities, and a significant agglomeration effect. The identified development trends evaluate the efficiency of tax incentives, the development of special economic zones, and reveal the mechanisms to improve areas of development. The results obtained in the study contribute into a more efficient investigation of the socio-economic situation in special economic zones, adjust their development directions, can be used for preparing strategic and policy documents for the development of territorial entities, including the territories with special tax privileges and preferential conditions for work.

Keywords: *labor potential, special economic zones, population, number of economically active population, number of employed, unemployment rate, average number of employees of small-sized enterprises*

For citation:

Moroshkina M. V., Myaki S. A. Assessment of labor potential in operating special economic zones and advanced development territories. *Perm University Herald. Economy*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 391–403. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-391-403

ВВЕДЕНИЕ

Вопросам оценки трудового потенциала посвящено большое количество научных исследований [1–3]. Авторы научных разработок Международной организации труда отмечают, что период глобализации и роста инновационных технологий сопровождается изменениями на рынке трудовых услуг. В рамках региональных исследований ученые приходят к заключению отно-

сительно экономического роста и процессов развития, которые становятся возможными благодаря эффективной реализации, в частности, трудового потенциала [4]. Исследователями региональных вопросов развития признается важность повышения трудового потенциала населения [5]. В региональном аспекте трудовой потенциал позволяет территориям упрочить свои позиции и сформировать тен-

денции процесса экономического развития. Особую актуальность процесс эффективного использования трудовых ресурсов приобретает в современный период: ограничения, вызванные пандемией COVID-19, и введенные санкции стран мирового сообщества против России существенно изменили сложившуюся ситуацию. В результате основной акцент в производственном и технологическом развитии делается на трудовые ресурсы и их эффективное использование.

В работе Т. Ю. Крышталевой [4] уровень развития трудового потенциала определяется как количественный индикатор, позволяющий оценить характеристики трудового потенциала в соответствии с вызовами и потребностями современной экономики. Сказанное находит отражение в контексте территорий, имеющих особые условия ведения производственной деятельности ввиду значимости трудовых ресурсов в процессах социально-экономического развития.

Изучение трудового потенциала в рамках особых экономических зон (ОЭЗ), действующих на территории Российской Федерации, является целью исследования. Объектом анализа выступают функционирующие особые экономические зоны. Результаты позволят получить информацию о потенциале трудоспособного населения и могут стать основой для принятия управленческих решений в контексте территорий, имеющих налоговые преференции.

Проведение сравнительного анализа показателей трудового потенциала территории до и после образования на ней ОЭЗ с целью оценки влияния преферентных условий на занятость, темпы снижения безработицы и сокращение структурной диспропорции и разработки рекомендаций для принятия наиболее эффективных управленческих решений в этой сфере определяет новизну исследования.

Поставленная в работе задача исследования трудового потенциала регионов, в которых расположены ОЭЗ, имеет важное значение и связана с необходимостью его изучения в контексте данных территорий. В результате аспекты исследования будут включать оценку различных уровней формирования, развития

и воспроизводства трудового потенциала в ОЭЗ, что представляется значимым направлением развития.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в оценке факторов, ограничивающих развитие ОЭЗ, и факторов, способствующих экономическому росту. Совершенствование процесса функционирования ОЭЗ является актуальной стратегической задачей и научной проблемой, имеющей высокую практическую значимость. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при разработке долгосрочной Стратегии развития ОЭЗ в России, при разработке региональной политики в области развития ОЭЗ и инновационной инфраструктуры, а также при подготовке учебных курсов «Региональная экономика», «Государственное и муниципальное управление», «Инновационная политика» и др.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Методологические основы и подходы к анализу трудового потенциала находят отражение во многих исследованиях [6; 7]. В рамках проводимой работы авторами поставлена более узкая задача – изучить формы, функционирование и развитие трудового потенциала на территориях ОЭЗ, для которых его наличие представляет основу для успешного развития. В законодательных документах¹ особой экономической зоной признается территория или часть территории, в которой действует особый режим предпринимательской деятельности. Получение статуса «особая экономическая зона» предполагает развитие определенных отраслей экономики, таких как обрабатывающая промышленность, высокотехнологичные производства, туристическая и рекреационная деятельность, развитие портовой и транспортной инфраструктуры [8]. Особенность режима предпринимательской деятельности в данных территориях включает ряд преференций, которые позволяют развиваться различным направлениям производства [9]. К подобным преференциям следует отнести налоговые льготы,

¹ Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах» // СПС Консультант

Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599 (дата обращения: 12.05.2022).

которые существенно снижают налоговую нагрузку, создание инфраструктурных объектов за счет бюджетных средств, что значительно экономит производственные расходы и т.д. Созданные условия позволяют территории развивать объекты производственного и предпринимательского направлений [10]. Не менее важной составляющей развития любой территориальной структуры является наличие трудового потенциала, способного обеспечить производственный процесс благодаря необходимым навыкам, знаниям и компетенциям [11; 12]. Оценивая влияние рынка трудовых ресурсов на экономические показатели территории, стоит говорить о различных направлениях, в рамках которых может происходить их оценка. В современных условиях выделяются количественные и качественные характеристики, влияющие на развитие и функционирование трудового потенциала [13]. К количественным характеристикам могут быть отнесены показатели численности населения, проживающего на территории, численности экономически активного населения, уровень безработицы, количество малых и средних предприятий и т.д. К качественным относят уровень образования, наличие учебных заведений и т.д. Исследователи приводят доказательства высокой степени эластичности количественных и качественных показателей [14].

В работах ученых по анализу рынка труда рассматривается влияние различных процессов и факторов на изменения в тенденциях рынка трудовых ресурсов [15–17]. Оценка основных показателей трудового рынка основывается на анализе численности населения, численности рабочей силы, уровня безработицы и др., показателей демографического, социального и экономического характера [18].

Исследование неравенства рынка трудовых ресурсов является актуальным, что подтверждают рейтинги российских регионов, которые оценивают данное направление. В рейтинге информационного агентства РИА представлен совокупный индекс рынка труда, полученный на основании процедуры агрегирования нескольких показателей по рынку трудовых ресурсов. В результате рассчитанного индекса предложена классификация российских регионов по уровню развития трудовых ресурсов. Разрыв между регионами-лидерами

(Москва, Санкт-Петербург) и отстающими регионами (Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика) составляет около 70 баллов [19].

Для территорий ОЭЗ качественные и количественные характеристики трудового потенциала имеют особое значение [20–22]. Наличие преферентных условий функционирования производственных предприятий вызывает необходимость в трудовом потенциале, способном обеспечить производственный процесс. В таких условиях стратегически значимыми становятся не просто квалифицированные кадры, а оценка и учет трудовых ресурсов.

МЕТОДОЛОГИЯ

В ходе анализа трудового потенциала должен использоваться комплексный подход, который будет учитывать специфику и многоаспектность объекта изучения. Исследователи отмечают [12], что в процессе формирования и функционирования трудового потенциала особое значение приобретают факторы, которые определяют воспроизводственный процесс, реализацию и процессы формирования трудовых ресурсов. В большом количестве исследований (например, [1–3; 7; 11; 18; 22]) рассматриваются демографические, социальные и экономические показатели, влияющие на динамику и тенденции развития трудового потенциала. В контексте ОЭЗ влияние трудового потенциала особенно актуально ввиду того, что налоговые преференции создают условия для развития производственных структур, которые нуждаются в квалифицированных кадрах.

В зависимости от исследовательских задач и аналитических подходов к факторам формирования и функционирования трудового потенциала могут относиться разные направления [23]. Факторами, формирующими трудовой потенциал, являются факторы, мотивирующие к трудовой деятельности, которые могут быть оценены через количественные и качественные показатели уровня образования. В отношении ОЭЗ подобная оценка позволит понять уровень квалификационной подготовки и возможности населения обеспечить спрос на трудовые ресурсы определенного профессионального уровня.

Оценка развития трудового потенциала ОЭЗ может происходить на уровне исследования динамики предпринимательской активности. Ученые говорят о необходимости оценки влияния развития предпринимательского сектора достаточно активно, особенно когда речь идет о территориях с налоговыми преференциями [24]. Предпринимательский потенциал территории может проявляться в развитии предпринимательской активности, количестве работников малых предприятий и т.д.

Основной акцент на территориях особых экономических зон ставится на функционировании предприятий, имеющих определенную специализацию. Исходя из этого факта особое значение приобретают количественные показатели трудового потенциала, такие как численность занятых и численность безработных. Наличие трудовых ресурсов и возможных резервов позволяет наращивать темпы производства на таких территориях.

Проведенная оценка развития трудового потенциала по социальным и экономическим показателям позволит определить возможности экономического развития территории с позиции человеческого капитала, а также направления и потенциал развития.

Факторы, определяющие развитие трудового потенциала, рассматриваются в значительном количестве исследовательских работ. Так, Е. В. Строительева выделяет «демографические составляющие трудового потенциала региона» [25], которые дополняются в контексте других исследований. В работе О. С. Потаповой [26] представлены дополнительные компоненты формирования трудового потенциала. В рамках данных исследований сложившаяся система факторов подразделяется на количественные и качественные направления формирования трудового потенциала.

Естественный фундамент трудового потенциала составляют такие показатели, как население и трудовые ресурсы. Количественной оценкой являются численность трудовых ресурсов, численность экономически активного населения, занятых и безработных, численность населения трудоспособного возраста.

В рамках исследования выделены факторы, влияющие на формирование, функционирование и использование трудового потенциала. Показатели, рассматриваемые в контексте данной работы, характеризуют количественные факторы формирования трудового потенциала.

При проведении исследования применяются следующие методологические принципы:

- комплексность – рассмотрение явлений в совокупности условий и факторов, влияющих на формирование трудового потенциала, взаимосвязь социального, экономического, институционального развития общества;
- системность – исследование взаимосвязи показателей эффективности деятельности и экономического развития региона;
- специфичность – выполнение исследования на основе анализа статистических данных.

Для оценки трудового потенциала в регионах России используются методы:

- демографического анализа – статистическая информация анализируется и приводится к сопоставимому виду;
- эконометрического моделирования и статистического анализа – информация представлена графически с помощью стандартных программ, таких как MS Excel;
- сравнительного анализа – сопоставление данных статистики с основными показателями экономического развития;
- оценки вклада и взаимодействия показателей человеческого капитала в социально-экономическое развитие территорий.

Статистической базой являются данные Росстата. Источником полученной статистической информации и формирования базы данных по российским регионам – сборник «Регионы России» за десятилетний период. Выборка, по которой проводится анализ, состоит из российских регионов, исследуются экономические и социальные показатели за 1990–2020 гг. Для решения поставленных задач сформирована база статистических данных по российским регионам за исследуемый период. Статистической базой является также составленная авторами база данных по экономическим и социальным показателям².

² Морошкина М. В. Социально-экономические показатели развития регионов РФ за период 1991–2015 гг. // Официальный бюллетень «Программы для ЭВМ.

Базы данных. Топологии интегральных микросхем». 2017. № 8. Номер регистрации: 2017620849. Дата регистрации: 07.08.2017.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Территории, которым присвоен статус «особая экономическая зона», представляют собой особый вид территорий, имеющих налоговые преференции и наделенных определенными возможностями в процессе создания производственных предприятий. Территории особых экономических зон различных типов должны демонстрировать более высокие показатели развития по причине создания более благоприятных условий для предпринимательской и производственной деятельности. Однако регионы, в которых созданы ОЭЗ, по основным социально-экономическим показателям в отдельных случаях уступают по динамике и тенденциям роста другим российским регионам.

За исследуемый период (1990–2020) были проанализированы показатели социально-экономического развития в контексте развития трудовых ресурсов, поскольку именно они обеспечивают производственные и предпринимательские процессы в данных территориях. В указанный период наблюдается снижение численности населения в большинстве регионов, на территориях которых расположены ОЭЗ, за исключением Москвы, Московской области (МО) и Республики Татарстан (РТ), на показатели численности населения которых оказывают влияние различные экономические и социальные процессы, не связанные с наличием преференционных условий

функционирования обозначенных предпринимательских структур (табл. 1).

По отношению к базовому периоду (1990) снижение численности населения в ряде регионов составляет до 20% (Хабаровский край), в то же время в г. Москве прирост населения составляет около 40% (рис. 1, 2). По отношению к периоду создания ОЭЗ изменение численности фиксируется, однако его динамика не очень значима.

Проведенная оценка динамики численности населения территорий, на которых действуют ОЭЗ, имеет различные тенденции: крупные территориальные образования увеличивают численный потенциал населения на протяжении всего исследуемого периода и периода функционирования ОЭЗ. Полученный результат позволяет отметить, что создание ОЭЗ в регионе не оказывает значимого влияния на увеличение численности населения в большей степени, чем иные факторы. Другие территории, не имеющие динамики роста численности населения, включают регионы различных направлений специализации. Проанализируем показатель численности экономически активного населения регионов, на территории которых действуют ОЭЗ.

На рис. 3, 4 показана динамика численности экономически активного населения. Наибольший удельный вес в структуре экономически активного населения регионов ОЭЗ занимают трудовые ресурсы г. Москвы, Московской области, Республики Татарстан.

Таблица 1. Динамика численности населения территорий, на которых расположены особые экономические зоны, за 1990–2020 гг., тыс. чел.

Table 1. Dynamics in the number of inhabitants residing on the territories with special economic zones, 1990–2020, thousand people

Регион	Год						
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Липецкая область	1 234	1 250	1 228	1 194	1 172	1 156	1 128
Московская область	6 720	6 550	6 614	6 784	7 106	7 319	7 708
Тверская область	1 663	1 643	1 520	1 415	1 350	1 305	1 246
Москва	9 017	8 572	10 114	10 924	11 541	12 330	12 655
Мурманская область	1 189	1 066	923	839	794	762	733
Республика Татарстан	3 675	3 765	3 787	3 762	3 787	3 869	3 894
Томская область	1 078	1 078	1 054	1 024	1 049	1 077	1 070
Хабаровский край	1 625	1 561	1 460	1 376	1 343	1 334	1 301

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

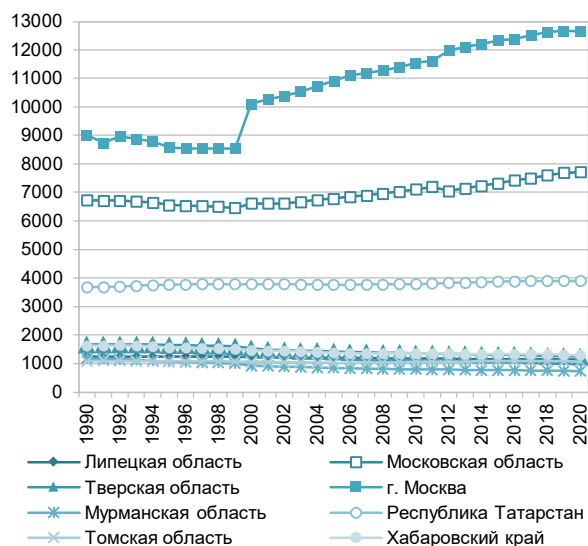

Рис. 1. Динамика численности населения, ОЭЗ, 1990–2020 гг., тыс. чел.

Fig. 1. Dynamics in the number of inhabitants, SEZ, 1990–2020, thousand people

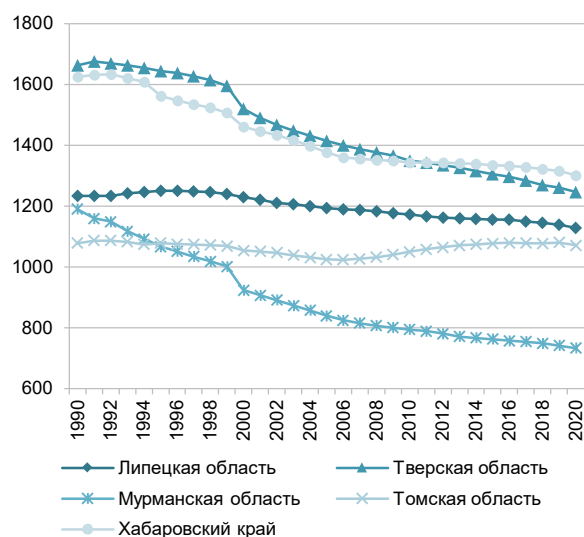

Рис. 2. Динамика численности населения, ОЭЗ, 1990–2020 гг. (без Москвы, МО, РТ), тыс. чел.

Fig. 2. Dynamics in the number of inhabitants, SEZ, 1990–2020 (excluding Moscow, Moscow region, Republic of Tatarstan), thousand people

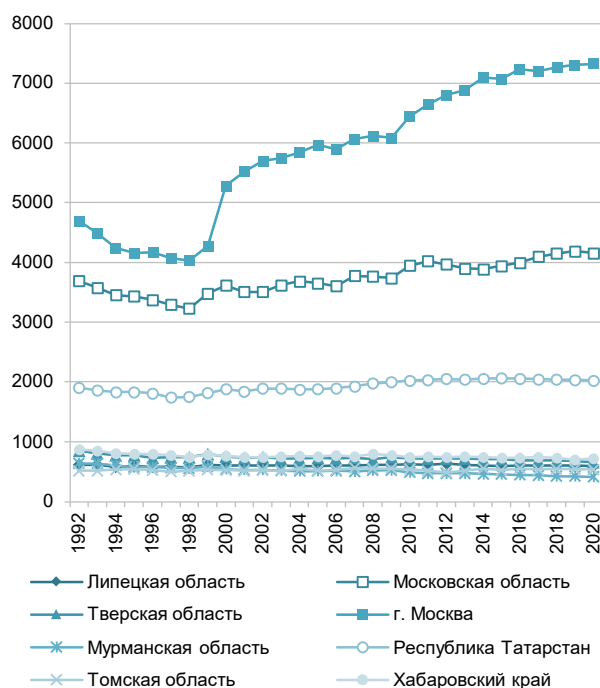

Рис. 3. Динамика численности экономически активного населения, ОЭЗ, 1990–2020 гг., тыс. чел.

Fig. 3. Dynamics in the number of economically active inhabitants, SEZ, 1990–2020, thousand people

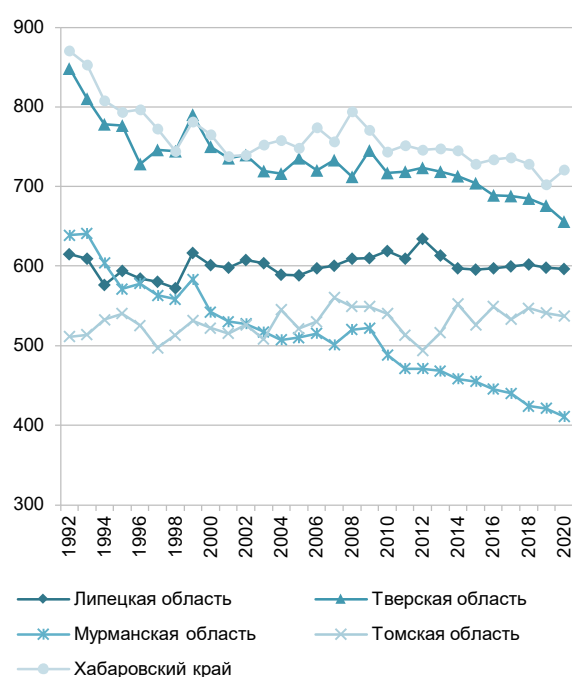

Рис. 4. Динамика численности экономически активного населения, ОЭЗ, 1990–2020 гг. (без Москвы, МО, РТ), тыс. чел.

Fig. 4. Dynamics in the number of economically active inhabitants in SEZ, 1990–2020 (excluding Moscow, Moscow region, Republic of Tatarstan), thousand people

Согласно графику на рис. 3 в г. Москве и Московской области с 1998 г. наблюдается положительная динамика численности экономически активного населения. Значительное

падение – более 35 % – с 1992 г. наблюдается в Мурманской области, где отток экономически активного населения может быть объяснен суровыми климатическими условиями

и рядом других факторов, влияющих на данный показатель.

На рис. 5, 6 рассмотрена динамика численности занятых на территориях ОЭЗ. Поведение исследуемого показателя имеет неодинаковые тенденции, что определяется наличием столичного мегаполиса и Московской области в составе.

В рамках оценки численности занятых повторяется ситуация, рассмотренная по показателю «экономически активное население», в которой г. Москва и Московская область, Республика Татарстан значительно опережают остальные территории.

На основании оценки численных показателей человеческого капитала можно сделать следующий вывод: положительная тенденция

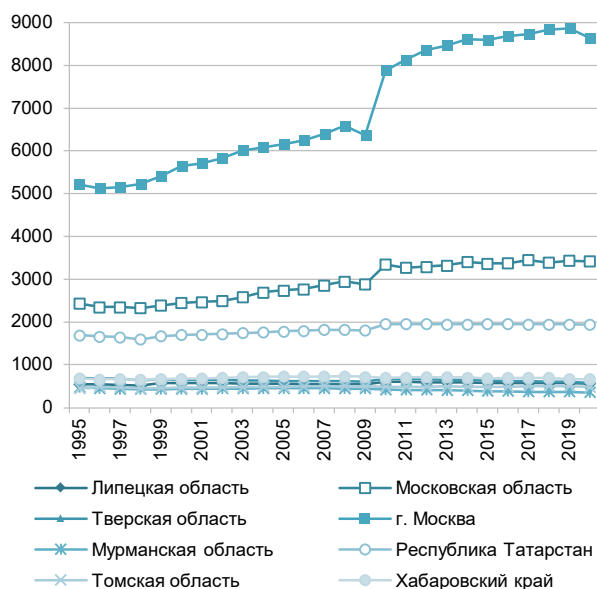

Рис. 5. Динамика численности занятых, ОЭЗ, 1990–2020 гг., тыс. чел.

Fig. 5. Dynamics in the number of the employed, SEZ, 1990–2020, thousand people

по численным показателям прослеживается в г. Москве и Московской области, однако рост численности населения, численности экономически активного населения связан со спецификой территории, а не с процессом создания особой экономической зоны. В рамках других регионов, на территории которых созданы ОЭЗ, подобной тенденции роста численных показателей человеческого капитала не наблюдается.

Уровень безработицы является важной характеристикой трудового потенциала, как и уровень использования трудовых ресурсов в производственном процессе. Для регионов, в которых созданы ОЭЗ, вопрос применения трудовых ресурсов в производстве является важным для их развития (рис. 7).

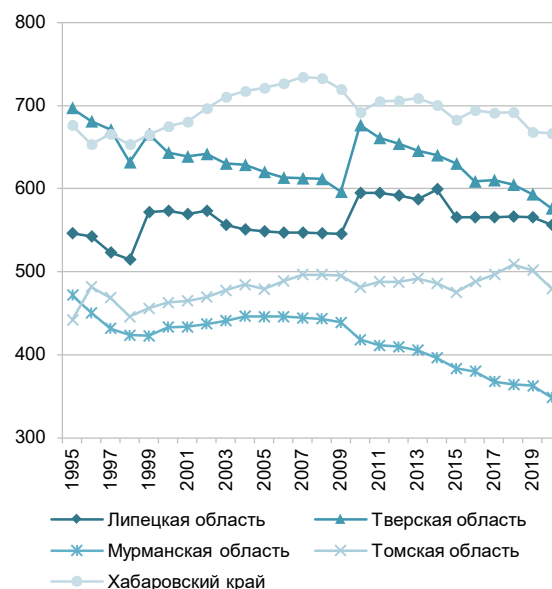

Рис. 6. Динамика численности занятых, ОЭЗ, 1990–2020 гг., (без Москвы, МО, РТ), тыс. чел.

Fig. 6. Dynamics in the number of the employed, 1990–2020, SEZ (excluding Moscow, Moscow region, Republic of Tatarstan), thousand people

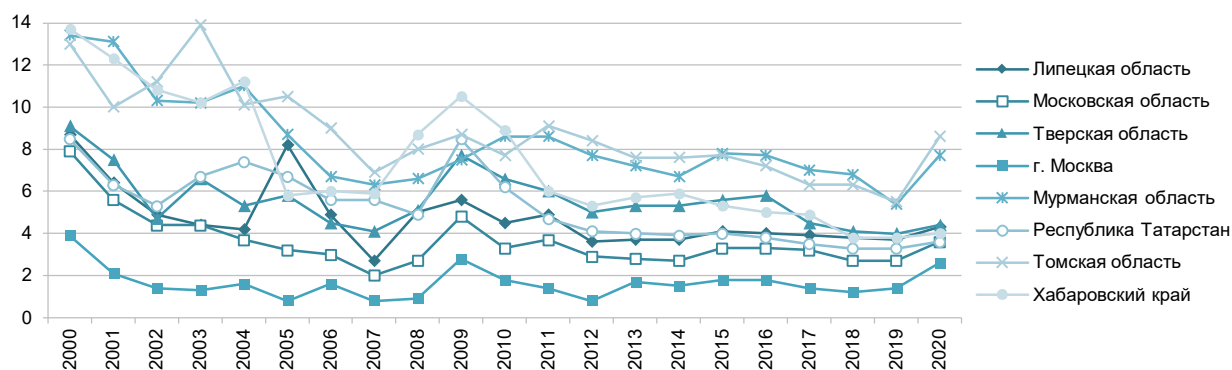

Рис. 7. Динамика уровня безработицы территорий ОЭЗ в 2000–2020 гг.

Fig. 7. Unemployment rate dynamics in SEZ, 2000–2020

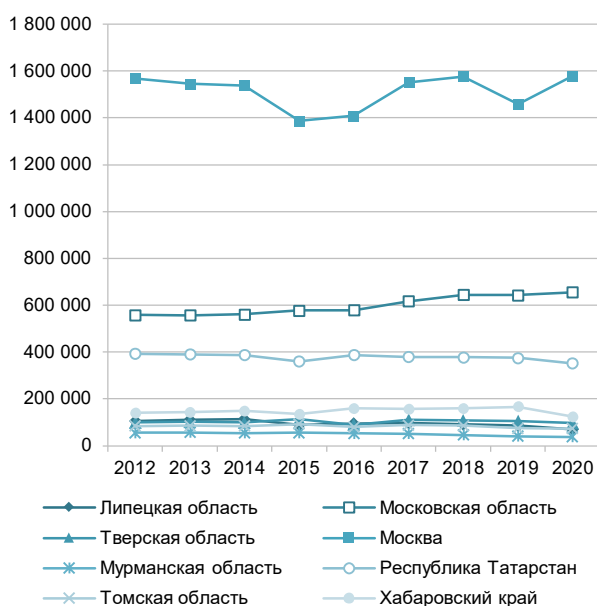

Рис. 8. Среднесписочная численность занятых МП, ОЭЗ, 1990–2020 гг., тыс. чел.

Fig. 8. The average number of the employed in small enterprises, SEZ, 1990–2020, thousand people

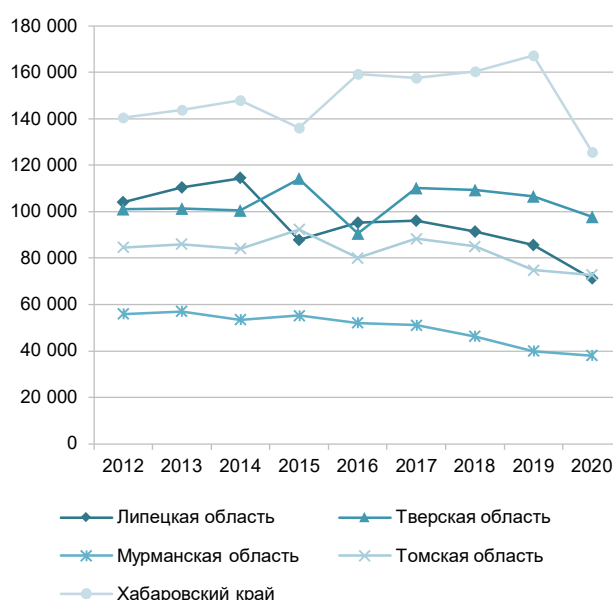

Рис. 9. Среднесписочная численность занятых МП, ОЭЗ, 1990–2020 гг. (без Москвы, МО, РТ), тыс. чел.

Fig. 9. The average number of the employed in small enterprises, SEZ, 1990–2020 (excluding Moscow, Moscow Region, Republic of Tatarstan), thousand people

Проведенное исследование показало, что тенденции изменения показателя «уровень безработицы» ОЭЗ сильно зависят от колебаний экономического характера в рамках государства. Рост безработицы наблюдается в 2008–2009 гг., в 2020 г., что позволяет говорить о воздействии на данный показатель кризисных и ограничительных процессов. Рассматривая территории ОЭЗ, можно определить схожие тенденции поведения показателя «уровень безработицы». Наименьшее значение наблюдается в г. Москве и Московской области, наибольшее значение характерно для Мурманской и Томской областей.

В значительном количестве регионов Российской Федерации основным местом приложения трудовых услуг являются бюджетные организации, организации ЖКХ, промышленности. Статистические исследования показывают, что 50% и более занятых в экономике работают на предприятиях государственного сектора, в здравоохранении и образовании.

На рис. 8, 9 показана среднесписочная численность сотрудников малых предприятий (МП). Регионы, в которых расположены ОЭЗ, имеют различную специализацию, и в результате оценки данного показателя можно

понять динамику развития предпринимательского сектора.

Проведенная оценка показателей среднесписочной численности занятых на малых предприятиях, функционирующих на территориях ОЭЗ, также позволила разделить территории на две группы. К первой группе относятся г. Москва и Московская область, Республика Татарстан: показатель среднесписочной численности работников малых предприятий увеличивается, что дает возможность говорить о высоком уровне предпринимательской активности в данных регионах. Оставшиеся территории демонстрируют снижение численности работников малых предприятий в течение исследуемого периода.

ВЫВОДЫ

Рынок труда действующих особых экономических зон условно можно разделить на две группы, тенденции и показатели в которых сильно различаются. К первой группе относятся регионы столичного типа: г. Москва, Московская область, Республика Татарстан. Показатели развития человеческого капитала на данных территориях имеют возрастающий тренд и характеризуются высо-

кими темпами роста. В связи с этим можно говорить о высоком уровне эффективности созданных для ОЭЗ условий развития производственного и предпринимательского секторов. Однако на данных территориях на процессы экономического развития оказывают влияние и другие факторы, такие как развитие банковской и финансовой инфраструктуры, развитие производственных комплексов (кроме ОЭЗ) и высокий уровень экономической активности населения.

Ко второй группе относятся все остальные регионы, на территории которых действуют особые экономические зоны. Показатели

развития человеческого капитала на данных территориях имеют ниспадающий тренд. Создание преферентных условий не смогло обеспечить благоприятную основу для развития человеческого капитала, что подтверждается снижением большинства индикаторов его развития.

Полученные результаты оценки развития человеческого капитала могут быть использованы при проведении аналитических работ, связанных с исследованием процессов развития особых экономических зон, при написании стратегических и программных документов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках государственного задания Института экономики КарНЦ РАН «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зоткина Н. С., Гусарова М. С., Копытова А. В. Человеческий капитал как ведущий фактор развития компании. Чебоксары: Среда, 2021. 164 с.
2. Bordea E., Manea M., Pelligrini A. Unemployment and coping with stress, anxiety, and depression // Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics. 2017. Vol. 6, iss. 2. P. 6–14. doi: [10.24984/cjssbe.2017.6.2.1](https://doi.org/10.24984/cjssbe.2017.6.2.1)
3. Bradshaw B. S., Frisbie W. P. Potential Labor Force Supply and Replacement in Mexico and the States of the Mexican Cession and Texas: 1980–2000 // International Migration Review. 1983. Vol. 17, iss. 3. P. 394–409. doi: [10.1177/019791838301700301](https://doi.org/10.1177/019791838301700301)
4. Крышталева Т. Ю. Методика оценки состояния трудового потенциала регионов РФ // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 3. С. 35–46. doi: [10.25205/2542-0429-2017-17-3-35-46](https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-3-35-46)
5. Мигранова Л. А., Токсанбаева М. С. Качество трудового потенциала российских регионов // Народонаселение. 2014. № 2. С. 102–120.
6. Малкина М. Ю. Взаимосвязь типов неравенства с показателями уровня жизни и благосостояния населения регионов России // Terra Economicus. 2017. Т. 15, № 4. С. 46–63. doi: [10.23683/2073-6606-2017-15-4-46-63](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-4-46-63)
7. Русановский В. А., Марков В. А. Влияние пространственного фактора на региональную дифференциацию безработицы в российской экономике // Проблемы прогнозирования. 2016. № 5 (158). С. 144–157.
8. Чепинога О. А., Солодков М. В., Семенова А. Э. Проблемы функционирования и перспективы развития особых экономических зон в России // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 3. doi: [10.17150/2411-6262.2017.8\(3\).4](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(3).4)
9. Гольцов А. В. Промышленно-производственные особые экономические зоны. Стратегия прорыва в будущее // Промышленная политика в РФ. 2006. № 8. С. 8–15.
10. Попов В. Р. Особые экономические зоны как инструмент управления инновационно-индустриальным развитием региона // Colloquium-journal. 2019. № 2 (26). С. 49–56.
11. Кривокопа Е. И., Фурсов В. А., Пьянов А. И., Астахова Е. А. Геополитические факторы кадровой безопасности // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2018. № 3. С. 5–10. doi: [10.12737/article_5b508cafde1715.08233289](https://doi.org/10.12737/article_5b508cafde1715.08233289)
12. Moyseyenko I., Ryvak N. Indirect taxes in the mechanism of state regulation // International Economics Letters. 2016. Vol. 5, iss. 2. P. 63–71. doi: [10.24984/iel.2017.5.2.4](https://doi.org/10.24984/iel.2017.5.2.4)
13. Willmore L. Export processing zones in the Dominican Republic: A comment on Kaplinsky // World Development. 1995. Vol. 23, iss. 3. P. 529–535. doi: [10.1016/0305-750X\(94\)00140-T](https://doi.org/10.1016/0305-750X(94)00140-T)

14. Basile A., Germidis D. Investing in free export processing zones // OECD. Paris (France): Development Centre, 1984. 67 p.
15. Aggarwal A. Impact of Special Economic Zones on Employment, Poverty and Human Development. Working Paper No. 194. New Delhi: Indian Council for Research on International Economic Relations (ICRIER), 2007. 61 p.
16. Морошкина М. В., Мяки С. А. Институциональные механизмы: ОЭЗ и промышленно-инвестиционный капитал // Друкеровский вестник. 2020. № 4 (36). С. 193–207. doi: [10.17213/2312-6469-2020-4-193-207](https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-4-193-207)
17. Зубаревич Н. В., Хасанова Р., Флоринская Ю., Бурдяк А. Демографическая ситуация и социально-экономическое положение регионов в апреле 2020 г. (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. 2020. № 6. С. 80–100.
18. Сулов Д. А., Купова М. К. Специализация и устойчивое развитие региональной экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 33 (126). С. 11–16.
19. Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России (2017) / И. В. Голубкин, М. М. Бухарова, Л. В. Данилов [и др.]; Ассоциация кластеров и технопарков. М.: АКИТ, 2017. 148 с. URL: <https://akitrf.ru/upload/medialibrary/a4e/a4ecd57cc1cae78a70cc85ecd13840ea.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).
20. Шибанов В. Е., Шнейдер О. А. Функционирование свободных экономических зон и их налогообложение: российская практика и опыт КНР // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2016. № 2. С. 262–268. doi: [10.20914/2310-1202-2016-2-262-268](https://doi.org/10.20914/2310-1202-2016-2-262-268)
21. Маслихина В. Ю. Особые экономические зоны как инструмент территориального развития // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2016. № 3. С. 20–25. doi: [10.15350/2222-1484.2016.3](https://doi.org/10.15350/2222-1484.2016.3)
22. Giziene V., Simanaviciene Z. The Impact of Human Capital on Labour Market: Lithuanian Case // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 191. P. 2437–2442. doi: [10.1016/j.sbspro.2015.04.331](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.04.331)
23. Михайлова А. В., Романова О. Д., Бараишкова К. Д. Подходы к оценке трудового потенциала (на примере Восточной экономической зоны Республики Саха (Якутия)) // Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2017. № 4. С. 104–117.
24. Федченко И. В. Методологические аспекты воспроизводства трудовых ресурсов и рабочей силы // Альманах современной науки и образования. 2014. № 5-6. С. 135–137.
25. Строительева Е. В. Современная составляющая трудового потенциала регионов России // Экономика устойчивого развития. 2014. № 2. С. 205–210.
26. Потапова О. С. Социально-демографические факторы воспроизводства трудовых ресурсов России: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2010. 178 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Марина Валерьевна Морошкина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики КарНЦ РАН (Россия, 185030, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50); maribel74@mail.ru
Светлана Александровна Мяки – кандидат экономических наук, доцент, Карельский филиал РАНХиГС (Россия, 185002, г. Петрозаводск, ул. Чапаева, 6А); sveteart@ya.ru

ACKNOWLEDGEMENTS

The work is a part of a research assigned by the government to the Institute of Economics of KarRC RAS “A comprehensive study and development of management framework for sustainable development of the northern and frontier belts of Russia in the context of global challenges”.

REFERENCES

1. Zotkina N. S., Gusarova M. S., Kopytova A. V. *Chelovecheskii kapital kak vedushchii faktor razvitiya kompanii* [Human Capital as The Key Factor for Company Development]. Cheboksary, Sreda Publ., 2021. 164 p. (In Russian).
2. Bordea E., Manea M., Pelligrini A. Unemployment and coping with stress, anxiety, and depression. *Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics*, 2017, vol. 6, iss. 2, pp. 6–14. doi: [10.24984/cjsse.2017.6.2.1](https://doi.org/10.24984/cjsse.2017.6.2.1)

3. Bradshaw B. S., Frisbie W. P. Potential Labor Force Supply and Replacement in Mexico and the States of the Mexican Cession and Texas: 1980–2000. *International Migration Review*, 1983, vol. 17, iss. 3, pp. 394–409. doi: [10.1177/019791838301700301](https://doi.org/10.1177/019791838301700301)
4. Kryshaleva T. Yu. Metodika otsenki sostoyaniya trudovogo potentsiala regionov RF [Assessment method of the state of labour potential in regions of the Russian Federation]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [World of Economics and Management], 2017, vol. 17, no. 3, pp. 35–46. (In Russian). doi: [10.25205/2542-0429-2017-17-3-35-46](https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-3-35-46)
5. Migranova L.A., Toksanbaeva M.S. Kachestvo trudovogo potentsiala rossiiskikh regionov [Quality of labour potential of the Russian regions]. *Narodonaselenie* [Population], 2014, no. 2, pp. 102–120. (In Russian).
6. Malkina M. Yu. Vzaimosvyaz' tipov neravenstva s pokazatelyami urovnya zhizni i blagosostoyaniya naseleniya regionov Rossii [Interrelations of types of inequality with indicators of standard of living and welfare of the population in Russian regions]. *Terra Economicus*, 2017, vol. 15, no. 4, pp. 46–63. (In Russian). doi: [10.23683/2073-6606-2017-15-4-46-63](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-4-46-63)
7. Rusanovskii V. A., Markov V. A. Vliyanie prostranstvennogo faktora na regional'nyu differentsiatsiyu bezrabotitsy v rossiiskoi ekonomike [Impact of a spacial factor on the regional unemployment differentiation in the Russian economy]. *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting Issues], 2016, no. 5 (158), pp. 144–157. (In Russian).
8. Chepinoga O. A., Solodkov M. V., Semenova A. E. Problemy funktsionirovaniya i perspektivy razvitiya osobykh ekonomicheskikh zon v Rossii [Problems of functioning and development prospects for special economic zones in Russia]. *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, no. 3. (In Russian). doi: [10.17150/2411-6262.2017.8\(3\).4](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(3).4)
9. Gol'tsov A. V. Promyshlenno-proizvodstvennye osoby ekonomicheskie zony. Strategiya proryva v budushchee [Industrial manufacturing special economic zones. Breakthrough strategies into the future]. *Promyshlennaya politika v RF* [Industrial Strategy in the RF], 2006, no. 8, pp. 8–15. (In Russian).
10. Popov V. R. Osoby ekonomicheskie zony kak instrument upravleniya innovatsionno-industrial'nyu razvitiem regiona [Special economic zones as a management instrument of innovation and industrial development of the region's economy]. *Colloquium-journal*, 2019, no. 2 (26), pp. 49–56. (In Russian).
11. Krivokora E. I., Fursov, V. A., P'yanov, A. I., Astakhova, E. A. Geopoliticheskie faktory kadrovoi bezopasnosti [Geopolitical factors of personnel security]. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii* [Management of the Personnel and Intellectual resources in Russia], 2018, no. 3, pp. 5–10. (In Russian). doi: [10.12737/article_5b508cafde1715.08233289](https://doi.org/10.12737/article_5b508cafde1715.08233289)
12. Moyseyenko I., Ryvak N. Indirect taxes in the mechanism of state regulation. *International Economics Letters*, 2016, vol. 5, iss. 2, pp. 63–71. doi: [10.24984/iel.2017.5.2.4](https://doi.org/10.24984/iel.2017.5.2.4)
13. Willmore L. Export processing zones in the Dominican Republic: A comment on Kaplinsky. *World Development*, 1995, vol. 23, iss. 3, pp. 529–535. doi: [10.1016/0305-750X\(94\)00140-T](https://doi.org/10.1016/0305-750X(94)00140-T)
14. Basile A., Germidis D. *Investing in free export processing zones*. OECD. Paris (France), Development Centre, 1984. 67 p.
15. Aggarwal A. *Impact of Special Economic Zones on Employment, Poverty and Human Development. Working Paper No. 194*. New Delhi, Indian Council for Research on International Economic Relations (ICRIER), 2007. 61 p.
16. Moroshkina M. V., Myaki S. A. Institutsional'nye mekhanizmy: O EZ i promyshlenno-investitsionnyi kapital [Institutional arrangements: SEZ and industrial and investment capital]. *Drukerovskii vestnik* [Drukerovskij vestnik], 2020, no. 4 (36), pp. 193–207. (In Russian). doi: [10.17213/2312-6469-2020-4-193-207](https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-4-193-207)
17. Zubarevich N. V., Khasanova R., Florinskaya Yu., Burdyak A. Demograficheskaya situatsiya i sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie regionov v aprele 2020 g. (po rezul'tatam regul'yarnogo Monitoringa INSAP RANKhiGS) [Demographic and socio-economic regional indicators in April 2020]. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii* [Russian Economic Development], 2020, no. 6, pp. 80–100. (In Russian).
18. Suslov D. A., Kupova M. K. Spetsializatsiya i ustoychivoe razvitiye regional'noi ekonomiki [Specialization and sustainable development of regional economy]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2009, no. 33 (126), pp. 11–16. (In Russian).
19. *Biznes-navigator po osobym ekonomicheskim zonam Rossii (2017)* / I. V. Golubkin, M. M. Bukharova, L. V. Danilov [i dr.]; *Assotsiatsiya klasterov i tekhnoparkov* [Business navigator for special economic zones in Russia (2017). I. V. Golubkin, M. M. Bukharova, L. V. Danilov [et al.]; Association of Clusters and Techno parks]. Moscow, AKIT Publ., 2017. 148 p. Available at: <https://akitrf.ru/upload/medialibrary/a4e/a4ecd57cc1cae78a70cc85ecd13840ea.pdf> (access date 20.03.2022). (In Russian).
20. Shibanov V. E., Shneider O. A. Funktsionirovanie svobodnykh ekonomicheskikh zon i ikh nalogooblozhenie: rossiiskaya praktika i opyt KNR [Taxes and free economic zones: Russian practice and Chinese

experience]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii* [Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies], 2016, no. 2, pp. 262–268. (In Russian). doi: [10.20914/2310-1202-2016-2-262-268](https://doi.org/10.20914/2310-1202-2016-2-262-268)

21. Maslikhina V. Yu. Osobyie ekonomicheskie zony kak instrument territorial'nogo razvitiya [Special economic zones as an instrument of territorial development]. *Novyi universitet. Seriya «Ekonomika i pravo»* [New University. Economics and Law], 2016, no. 3, pp. 20–25. (In Russian). doi: [10.15350/2222-1484.2016.3](https://doi.org/10.15350/2222-1484.2016.3)

22. Giziene V., Simanaviciene Z. The Impact of Human Capital on Labour Market: Lithuanian Case. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 191, pp. 2437–2442. doi: [10.1016/j.sbspro.2015.04.331](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.04.331)

23. Mikhailova A. V., Romanova O. D., Barashkova K. D. Podkhody k otsenke trudovogo potentsiala (na primere Vostochnoi ekonomicheskoi zony Respubliki Sakha (Yakutiya)) [Approaches to the assessment of labour potential (on the example of the Eastern Economic Zone of the Republic of Sakha (Yakutia))]. *Vestnik nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University], 2017, no. 4, pp. 104–117. (In Russian).

24. Fedchenko I. V. Metodologicheskie aspekty vosproizvodstva trudovykh resursov i rabochei sily [Methodological aspects of labour resources and workforce reproduction]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2014, no. 5-6, pp. 135–137. (In Russian).

25. Stroiteleva E. V. Sovremennaya sostavlyayushchaya trudovogo potentsiala regionov Rossii [Modern component of the labour potential of the Russian regions]. *Ekonomika ustoichivogo razvitiya* [Economics of Sustainable Development], 2014, no. 2, pp. 205–210. (In Russian).

26. Potapova O. S. *Sotsial'no-demograficheskie faktory vosproizvodstva trudovykh resursov Rossii: dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Social demographic factors for reproduction of Russian labour resources. Cand. econ. sci. diss.]. Saratov, 2010. 178 p. (In Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina Valeryevna Moroshkina – PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences (50, Al. Nevsky Prospect, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185030, Russia); maribel74@mail.ru

Svetlana Aleksandrovna Myaki – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Karelian Branch of RANEPa (6A, Chapaev st., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185002, Russia); sveteart@ya.ru

Статья поступила в редакцию 22.04.2022, принята к печати 01.08.2022

Received April 22, 2022; accepted August 01, 2022

УДК 332.1, ББК 65.04, JEL Code L6
DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-404-428

© Семячков К. А., 2022

ДЕРЕВО ИССЛЕДОВАНИЙ УМНЫХ ГОРОДОВ

Константин Александрович Семячков

ORCID ID: [0000-0003-0998-0183](https://orcid.org/0000-0003-0998-0183), Researcher ID: [F-6974-2017](https://orcid.org/F-6974-2017), k.semyachkov@mail.ru

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
(Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29)

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в систематизации научных работ, опубликованных по тематике умного города и проиндексированных в наиболее авторитетных международных базах научных публикаций. В качестве информационной базы для исследования использовались публикации в *Scopus* и *Web of Science*. Отбор публикаций для их систематизации осуществлялся по запросу “*smart city*” в теме публикации и в ключевых словах. В подборку исследований вошли только научные статьи (исключены материалы конференций и другие публикации), что позволило произвести оценку и систематизацию полноценных и фундаментальных работ по тематике умных городов, проиндексированных в *Web of Science* и *Scopus*. В статье рассмотрен ряд смежных направлений, имеющих определяющее значение в рамках развития исследований умных городов, среди которых можно выделить ускоряющиеся темпы цифровизации всех аспектов социально-экономической жизни современного общества, урбанизацию территорий, усиливающуюся нагрузку на окружающую среду и возрастающие объемы использования различного рода ресурсов. На основе систематизации публикаций по указанным параметрам выявлены основные направления исследований, в рамках которых развивается тематика умных городов. Для визуализации тенденций и направлений исследований в сфере цифровизации городской среды и реализации идей умного города построено дерево исследований, отражающее авторское представление о развитии исследований по тематике умных городов. В работе отмечается, что основные направления, в рамках которых развиваются исследования умных городов в мировом масштабе, связаны с такими аспектами, как инфраструктура умных городов, управление умными городами, социально-инновационное развитие умных городов. Эти аспекты выделяются в качестве основных при построении дерева исследований в настоящей работе. Научная новизна полученного результата заключается в систематизации исследований по тематике умных городов и выявлении основных тенденций развития в этой сфере знаний.

Ключевые слова: умный город, дерево исследований, цифровое общество, устойчивое развитие, цифровая экономика, модель, цифровые технологии, урбанизация, территориальное развитие, инновации, стратегия, качество жизни

Для цитирования:

Семячков К. А. Дерево исследований умных городов // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2022. Т. 17, № 4. С. 404–428. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-404-428

SMART CITY RESEARCH TREE

Konstantin A. Semyachkov

ORCID ID: [0000-0003-0998-0183](https://orcid.org/0000-0003-0998-0183), Researcher ID: [F-6974-2017](https://orcid.org/F-6974-2017), k.semyachkov@mail.ru

Institute of Economics, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(29, Moskovskaya st., Ekaterinburg, 620014, Russia)

Abstract. The purpose of this study is to systematize publications about smart cities indexed in the most authoritative international publication databases. Scopus and Web of Science entries were used as the information base for the study. The systematized publications were selected by “smart city” in their subjects and keywords. Also, the selection of studies targeted scientific papers only (except for conference proceedings and other publications), which helped evaluate and systematize more comprehensive and substantial Web of Science and Scopus works on smart cities. The paper considers a set of related aspects that have determined the development of smart city research, among which are the accelerating digitalization rates in all socio-economic aspects in modern society, the urbanization of territories, the increasing burden on the environment, and more intensive exploitation of various resources. This systematization of publications by the specified parameters outlined the main areas of research, which develop the concept of smart cities. To visualize the research trends and directions in the field of urban environment digitalization and the implementation of smart city ideas, a research tree was built that reflects the author’s idea of the development of research on smart cities. The paper notes that the main areas where the research on smart cities is globally developing seem to be related to such aspects as smart city infrastructure, smart city management, social and innovative development of smart cities. These aspects are highlighted as the main ones in designing the research tree in this paper. The scientific novelty of the results obtained lies in the systematization of research on smart cities and the identification of the main development trends in this field of knowledge.

Keywords: *smart city, research tree, digital society, sustainable development, digital economy, model, digital technologies, urbanization, territorial development, innovations, strategy, quality of life*

For citation:

Semyachkov K. A. Smart city research tree. *Perm University Herald. Economy*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 404–428. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-404-428

ВВЕДЕНИЕ

Современные исследования в области формирования и развития умных городов уходят корнями в идеи по исследованию основных компонент городской среды, сбору данных для повышения эффективности управления развитием городских территорий. Изучение функционирования городов приобрело новый импульс в эпоху бурного развития цифровых технологий. В начале XXI в. интерес к цифровизации городских территорий значительно усилился ввиду ряда обстоятельств, связанных с развитием цифровых технологий, а также по причине нарастающих темпов урбанизации территорий. В указанный период стали появляться первые предпосылки для активного внедрения цифровых технологий в некоторые аспекты городской среды, реализовываться от-

дельные проекты по внедрению цифровых технологий, направленные на решение локальных проблем населения. В современной литературе можно отметить ряд исследований, в которых предпринимаются попытки проанализировать зарождение и развитие концепции умных городов, ее предпосылок и истоков. При этом в подобных исследованиях отмечается, что изучение умных городов носит междисциплинарный характер, поэтому крайне важно рассматривать такой подход к развитию современных городов с разных точек зрения.

В научной литературе наблюдается значительный интерес к развитию городских территорий на основе идей умного города. Концепция умного города все чаще становится базовой моделью передовых инновационных

городов, выбравших путь устойчивого развития, создания благоприятных условий для жизни местного населения. Кроме того, можно отметить расширение тематик исследований в области умных городов. Если на первоначальном этапе в рамках развития умных городов основное внимание уделялось проблемам использования цифровых технологий, разработке программных продуктов для решения определенных проблем, то в современной литературе тематика исследований значительно расширилась. Помимо сугубо технических проблем на первый план выходят вопросы, связанные с планированием развития умных городов, вопросы управления, принятия решений на основе идей умного города. Концепция умного города все чаще становится практическим инструментом для разработки стратегии развития территории, выработки целей и задач по развитию городской территории. Еще один пласт исследований умных городов лежит в области социально-инновационного развития территорий. Идеи умного города подразумевают существенные изменения в общественной жизни современных городов, ориентацию на потребности местного населения, вовлечение широкого круга заинтересованных сторон в процессы управления городской территорией. Умные города являются местами концентрации активного населения, центрами притяжения ресурсов, точками генерации инноваций, направленных на повышение качества жизни населения. Несмотря на то что в настоящее время известно достаточно большое количество исследований в области умных городов, наблюдается определенный дефицит именно комплексных работ, показывающих тенденции в этой области изучения. Исходя из этого *целью настоящей работы является систематизация существующих исследований в области умных городов, построение дерева исследований, отражающего тенденции в сфере изучения умного развития.*

Значимость настоящей работы состоит в возможности использования полученных результатов в качестве основы для проведения более детальных исследований в области умных городов, а также при реализации конкретных планов и мероприятий по развитию умных городов.

АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ УМНЫХ ГОРОДОВ В *WEB OF SCIENCE* И *SCOPUS*

Анализ публикационной активности научного сообщества в сфере исследований тематики умных городов показывает, что первые научные статьи в базах *Scopus* и *Web of Science* по заданной тематике стали индексироваться в 2005–2009 гг. Результаты по запросу “*smart city*” свидетельствуют о том, что в настоящее время в базе *Scopus* опубликовано в целом около двадцати двух тысяч публикаций (с учетом материалов конференций, глав монографий), а в базе *Web of Science* – примерно десять тысяч публикаций по тематике, связанной с умными городами.

Первая статья в поиске по заголовку и ключевым словам “*smart city*” в исследуемых базах датирована 2005 г. Коллектив из Китая опубликовал статью, посвященную развитию проектов цифрового города в Шанхае. Как отмечается в статье, в условиях компьютеризации приоритетной задачей для развития городской среды является объединение всех суперкомпьютеров в мегаполисе в единую среду для обмена данными и распределения вычислительных мощностей с целью решения общегородских проблем, например проблем городских пробок [1]. На начальном этапе цифровизации городской среды первоочередное внимание уделялось вопросам обмена пространственной информацией в цифровом городе, анализа ее технических характеристик, создания инфраструктуры для обмена информацией [2]. Сети передачи данных, создание инфраструктуры для подключения к сети в этот период, по-видимому, являлись одним из приоритетных направлений для цифровизации городской среды. Другой задачей, решаемой на раннем этапе цифровизации городской среды, стало создание многомерных пространственно-визуальных информационных систем, включающих в себя решение для визуализации, поиска, анализа и оценки пространственной информации путем интеграции различных ее типов [3]. Значительная часть исследований на первоначальном этапе посвящена решению отдельных практических проблем посредством цифровизации городской среды, в частности вопросов в области

городской энергетики, транспорта, экологии [4]. Эти первые попытки решения конкретных проблем городского развития создали предпосылки для реализации комплексных подходов в области энергетики, транспорта, в социальной сфере. Уже на этом этапе стали появляться работы в области исследования устойчивого развития на основе внедрения инновационных решений в сфере цифровизации. В связи с этим усилилось внимание к формированию интеграционных процессов и сотрудничеству между основными участниками процессов формирования и развития умных городов [5]. Определенное внимание на этом этапе уделялось управлению визуальными данными и их безопасности [6]. При этом важнейшим условием формирования принципов устойчивого городского развития являлось создание устойчивых связей между местными администрациями и населением в вопросах решения городских проблем [7]. В условиях возрастающего внимания к развитию городов на основе цифровых технологий все чаще стал подниматься вопрос о социальной компоненте, развитии инновационных и творческих партнерств, передаче знаний и наращивании потенциала умных городов [8]. В принципе уже в этот период пришло понимание того, что использование цифровых решений в рамках развития городской среды позволяет достигнуть результатов, при которых как физические, так и виртуальные сферы усиливают уникальный характер конкретных мест. Кроме того, широкомасштабное использование цифровых технологий при должном подходе может помочь связать воедино элементы местного сообщества. В связи с этим крайне важным становится процесс разработки планов, кодексов и устойчивых стратегий для развития умных городов [9].

В рамках целого ряда исследований, направленных на поиск новых путей развития городов в этот период, превалирующим стал системный подход, согласно которому город должен функционировать как единая система, представляющая собой один большой проект, умело объединенный творческим и новаторским духом на базе цифровых решений [10]. Реализация таких инновационных стратегий требует критической массы новаторов-единомышленников, способных реализовать процесс

городских преобразований. Это становится возможным за счет формирования человеческого капитала, способного разрабатывать новые гибкие стратегии на междисциплинарной основе, выявляя скрытые источники потенциального роста и используя передовые инструменты управления [11]. В рассматриваемый период в научной литературе начинается обсуждение возможности новых видов взаимодействий в цифровой среде, предоставления новых видов услуг, в частности инновационных услуг M2M (*machine-to-machine*), которые отличаются безопасностью, надежностью, удобством [12], новых форм организации социально-экономических взаимодействий, таких как краудсорсинг, выступающий в качестве инструмента для генерации и отбора идей в контексте реализации идей умного города. Как показала дальнейшая практика, краудсорсинг стал полезным и эффективным инструментом в контексте инноваций в области умного города, но его следует использовать обдуманно и в сочетании с другими подходами к вовлечению пользователей в решение общественно значимых проблем [13]. Не осталась без внимания исследователей в этот период и проблема цифровизации систем управления различных уровней, в том числе муниципального. Цифровые технологии стали рассматриваться как инструмент повышения эффективности систем управления на местном уровне. Однако в анализируемый период особенно остро отмечается проблематика, связанная с отсутствием единого подхода на разных уровнях управления к реализации идей цифровизации городской среды, технической совместимости цифровых систем, институциональных стимулов реализации идей умного города [14]. Повышенное внимание к вопросам использования цифровых технологий в различных областях побудило исследователей к более глубокому изучению возможности цифровизации различных сфер города. Например, для лучшего решения задачи предоставления качественных, недорогих и энергоэффективных транспортных услуг предложена концепция интеллектуальных транспортных систем, которая получила высокую оценку как инновационное и многообещающее решение для транспортных сетей следующего поколения [15]. Развитие также стали получать

проекты в других областях, связанных с цифровизацией городской среды, например в области повышения энергетической эффективности современных городов [16]. В целом в исследованиях умных городов стали более активно подниматься вопросы об их эффективности [17].

С повышением уровня цифровизации городских пространств пришло понимание того, что принципиальный характер умного города заключается не только в цифровых технологиях, но и в вопросах управления развитием умных городов, социально-инновационными аспектами развития территорий. В связи с этим начали развиваться комплексные взгляды на формирование и развитие умных городов [18], а концепция умного города стала интегрироваться с другими концепциями социально-экономического и экологического характера, в частности с концепцией устойчивого развития [19]. При этом акцент в развитии умных городов стал смещаться в направлении достижения сбалансированных социально-экономических и экологических показателей, что неминуемо поставило вопрос об измерении достигнутых целей посредством цифровизации, эффективности решений в области реализации проектов умных городов. Многообразие идей, направлений цифровизации городской среды, вопросов управления и оценки эффективности активизировали интерес к формированию комплексных решений в сфере развития умных городов [20].

Успешная реализация ряда проектов по внедрению цифровых технологий в городскую среду, решение на их основе отдельных проблем местного населения стали причиной формирования нового направления исследований, связанных с конкретными проектами умного города [21]. Развитие проектного подхода поставило вопрос о необходимости использования нового инструментария в рамках реализации идей умного развития [22]. Одним из таких инструментов развития территорий на основе проектного подхода умных городов выступило создание живых лабораторий (*living labs*), которые могут быть идентифицированы как инструменты реализации идей умного города [23; 24].

Внедрение идей умного города создало новые возможности для развития систем пре-

доставления муниципальных услуг местному населению, в связи с чем создание муниципальных платформ, агрегирующих возможности предоставления муниципальных услуг в цифровом формате, представляется эффективным инструментом для повышения качества жизни местного населения в условиях цифрового общества. В научной литературе в этот период стали появляться исследования, целью которых выступало создание общей основы для понимания основных форм и аспектов интеллектуальных государственных и муниципальных услуг. Основной же целью стало создание концептуальной систематизации ключевых аспектов интеллектуальных услуг, с помощью которых цифровые технологии все больше внедряются в социальное творчество [25].

Библиографический анализ баз *Scopus*, *Web of Science* показывает, что в период 2005–2013 гг. по тематике умных городов было проиндексировано достаточно ограниченное количество статей (от 1 до 20 в разные годы). Среди основных отраслей знаний, в рамках которых публиковались научные исследования по тематике умных городов в этот период, в первую очередь необходимо отметить компьютерные науки, инженерию, науки об окружающей среде. Основная тематика исследований умных городов в рассматриваемый период связана с внедрением цифровых инноваций в городскую среду.

Значительный прирост публикационной активности по тематике умных городов произошел в 2014 г. К этому времени существенно расширилось количество сфер научных знаний, в которых стали исследоваться проблемы развития умных городов. Концепция умного города как модель развития современных городов стала приобретать все большее значение в научном сообществе, среди властных структур и поддерживаться населением. При этом отметим, что в анализируемый период общих подходов, инструментария для развития и оценки умных городов не было, что потребовало дальнейшего изучения вопросов формирования и развития умных городов [26]. Вследствие этого появились исследования в области разработки стратегий умных городов, рекомендаций для будущих направлений анализа умных городов [27].

В этот период, по-видимому, приходит определенное понимание, что стратегической основой развития умных городов выступает координация различных сторон, в том числе властных структур, бизнеса, населения [28]. Эмпирические результаты исследований данного периода показывают, что эффективные, устойчивые умные города возникают в результате динамичных процессов, в которых субъекты государственного и частного секторов координируют свою деятельность и ресурсы на открытой инновационной платформе. Различные, но дополняющие друг друга связи, сформированные этими субъектами, должны быть при этом согласованы с учетом стадии их развития и встроенных культурных и социальных возможностей [29].

Одно из направлений исследований умных городов, получившее активное развитие в этот период, связано с началом активного использования Интернета вещей (*Internet of Things, IoT*). В исследованиях отмечается, что Интернет вещей как инструмент формирования единого цифрового пространства способен существенным образом изменить облик будущих городов, сформировать условия для развития будущей архитектуры цифрового пространства городов [30]. Ускоренное развитие цифровых технологий позволило реализовать новую волну проектов умного города. Использование датчиков, мобильных устройств, новых методов обработки цифровых данных, полученных благодаря широкомасштабному проникновению цифровых технологий в различные сферы городского хозяйства, позволило повысить устойчивость развития умных городов [31]. Однако возросший уровень цифровизации создал новые вызовы и проблемы, характерные для социально-экономических систем, использующих цифровую инфраструктуру для собственного развития [32]. В первую очередь необходимо отметить проблемы безопасности и защиты данных. Распространение цифровых технологий привело к генерации огромного количества данных, в связи с чем особую важность стали приобретать вопросы управления данными, создания эффективных систем управления большими данными. Высокую значимость демонстрирует также архитектура системы больших данных и механизмы их об-

работки [33]. По мере увеличения объемов данных, генерируемых как цифровыми устройствами, так и самими гражданами, возросла опасность их злонамеренного использования, что ставит под угрозу безопасность как технических систем, так и граждан [34].

Развитие умных городов в указанный период создало условия для формирования нового подхода к взаимодействию местных жителей с муниципальными властями. В его основе лежит ориентация на мнение местного населения в вопросах развития городской среды. В связи с этим стали разрабатываться новые типологии муниципальных услуг, полезные для позиционирования конкретной разрабатываемой услуги умного города с точки зрения ее ориентированности на граждан [35]. Одним из возможных вариантов реализации творческих идей местного населения, направленных на развитие городской территории, стала совместная разработка мобильных приложений на платформе, размещенной в городе. Инструментарий для предоставления муниципальных услуг в таком случае может быть разработан общими усилиями местных властей, бизнес-сообщества и жителей, если будут созданы определенные условия, соответствующие конкретным навыкам и возможностям местного населения. Участвуя в разработке специализированных инструментов, даже обычные граждане могут играть гораздо более активную роль в развитии и освоении своего городского пространства и создавать решения, от которых, возможно, выиграет и город, и горожане в своей повседневной жизни [36]. Как показала практика передовых городов, совместная разработка решений для развития умного города требует создать определенные стандарты взаимодействия, стандартизации решений умного города, выработки единых подходов к определению основных характеристик умных городов. В условиях появления множества решений в области цифровых технологий городского назначения стандартизация стала играть важную роль в развитии умных городов. В связи с этим в рассматриваемый период начали активно развиваться исследования в области создания стандартов в сфере цифровизации городской среды, стандартизации умного города [37]. По мере того как модель умного города

стала получать все более широкое практическое распространение, обострилась проблема оценки эффективности функционирования умных городов, их особенностей по сравнению с более традиционными подходами к городскому развитию [38]. Развитие инструментария для работы с цифровыми данными в этот период способствовало тому, что местные администрации стали рассматривать возможность развития городской среды на основе большого количества данных, генерируемых в системах умного города. Эффективный анализ и использование больших данных стали ключевыми факторами успеха во многих областях бизнеса и услуг, включая область умного города [39]. Цифровые данные стали более доступными для исследований и использования в управлении. Они смогли повысить качество управления, которое необходимо для понимания явлений, происходящих в современных городах. Например, в качестве инструмента поддержки принятия решений в умных городах все активнее стали использоваться данные социальных сетей, что позволило связать цифровую и физическую среду передовых городов. Анализ цифровых данных с географической привязкой может пролить свет на физические аспекты города и пространственное распределение городских функций [40]. Возможности, связанные с использованием больших данных, стали основой для развития персонализированного подхода при оказании муниципальных услуг, повысили качество взаимодействия органов власти и населения. Значительное влияние на уровень развития умных городов в этот период оказало развитие контекстно-зависимых технологий, свидетельствующее о том, что качество жизни местного населения стало одним из важнейших аспектов умных городов. Такие решения в области управления данными позволили сформировать индивидуальный подход и существенно повысить внимание к качеству жизни отдельных граждан в сфере медицины, образования. В целом такой подход к оказанию услуг позволил сформировать новые принципы обслуживания местного населения, а также экономить ограниченные ресурсы [41]. Важной задачей в этом случае является создание инструментария для вовлечения основных за-

интересованных сторон в проблемы развития умных городов [42; 43]. Одним из инструментов такого развития стало муниципально-частное партнерство, направленное на преобразование городов, а также взаимодействие муниципалитета с центрами создания инноваций, такими как исследовательские организации, учебные заведения, ориентированные на поиск новых решений, обеспечивающих сотрудничество между основными заинтересованными сторонами [44]. По сути, идеи устойчивого развития городов на основе передовых решений в области цифровых технологий стали доминирующими при создании планов развития инновационных территорий [45]. По этой причине в рамках систем принятия решений передовыми городами стали формироваться специализированные структуры управления, занимающиеся планированием и реализацией проектов умного города. В исследованиях этого времени стала отмечаться важность институционализации управляющих структур, занятых проблемами развития умных городов на местном уровне, изучения роли структур управления умным городом в муниципалитетах и анализа ее основных особенностей, а также оценки эффективности [46–49].

Увеличение числа проектов в области умных городов, углубленное внедрение идей по цифровизации городской среды заставило властные структуры множества городов усилить внимание к стратегиям умного развития [50]. Дальнейшие исследования умных городов этого периода расширили области изучения теоретических и прикладных аспектов, связанных с цифровизацией городской среды, а также углубили изучение уже традиционных направлений исследований умных городов, связанных с Интернетом вещей [51], ролью социальных сетей в развитии городской среды, формированием инструментов вовлечения различных сторон в процессы развития умных городов [52]. Все большее внимание в рамках развития умных городов стало уделяться проблемам реализации отдельных проектов, направленных на развитие городской инфраструктуры, энергетики, сферы транспорта, систем распределенного производства [53; 54]. В этот период городская среда все активнее начинает рассматриваться с пози-

ции взаимодействия традиционной городской инфраструктуры и цифровых технологий, то есть в рамках киберфизической системы умного города [55].

Одним из перспективных инструментов для организации устойчивых взаимодействий в рамках развития умных городов в данный период стали цифровые платформы, содействующие городскому развитию в контексте создания инновационной среды [56; 57]. Такой комплексный взгляд привел к мысли о необходимости развития умного города как социотехнической экосистемы, объединяющей в себе как технологические, так и социальные инновации. Практика развития умных городов показала, что для успешных городских технологических инноваций крайне важно связать первоначальный энтузиазм с долгосрочной динамикой институционализированного сотрудничества [58].

В целом можно отметить, что в рассматриваемый период наблюдается повышенный интерес к тому, какие условия и факторы являются важными для реализации идей умного города. Быстрое развитие технологий создало бурно развивающийся глобальный рынок продуктов и решений для умных городов. В то же время появился спрос со стороны городов, которые заинтересованы в решении проблем эффективности и устойчивости экономики умных городов. В связи с этим важным становится учет как глобальных тенденций в сфере цифровизации городского пространства, так и локальных особенностей и условий тех городов, где внедряется концепция умного города. Можно сказать, что к этому периоду идеи умного города стали глобальной тенденцией. Начав формироваться в передовых инновационных центрах, к 2015 г. такие идеи стали реализовываться в различных городах развивающихся стран. Значительным образом увеличилось и число отраслей знаний, связанных с исследованиями умных городов. В конце 2016 г. наряду с традиционными направлениями исследований, связанными прежде всего с компьютерными науками, умные города все чаще стали изучаться в контексте экономических наук, менеджмента, наук о земле, медицины и других областей знаний. Концепция умного города, таким образом, оказалась связу-

ющим звеном в комплексном развитии территории.

Существенный прирост научных статей в области умных городов произошел в 2017 г.: в научных базах наблюдается фактически удвоение публикаций по тематике умных городов в указанный период. В исследованиях этого времени усиливается понимание того, что умные города способствуют социальной стабильности и экономическому процветанию городов, повышают качество жизни местного населения. Поскольку местное население является основным выгодоприобретателем от развития городской среды, жизненно важно, чтобы его идеи и перспективы учитывались при планировании и управлении городской средой. Исследования показывают, что местное население готово принимать и использовать услуги умного города, если они разработаны с использованием инновационных концепций, обеспечивающих их конфиденциальность и предлагающих услуги высокого качества. Чем больше результаты развития умного города находят поддержку у местного населения и используются им, тем выше качество жизни местного населения [59]. Значительную роль в этих вопросах играет инфраструктура умного города [60].

Одним из важнейших направлений изучения умных городов, получивших дополнительное развитие в этот период, стало исследование факторов их развития. Широкое распространение получили исследования, ставящие своей целью систематизацию факторов развития умных городов. Например, данные факторы могут быть сгруппированы в несколько групп, таких как факторы, связанные со спросом, предложением, институтами умного города [61]. В рамках других исследований аналогичной направленности отмечается, что важными факторами являются обеспечение сотрудничества, институциональный потенциал, коллективное обучение и преобразование городской инфраструктуры [62]. В связи с этим практика показала растущую полезность для разработки более инклюзивных проектов умных городов, в которых государственные и частные субъекты, а также местное население сотрудничают в инновационных процессах и управлении для совместного создания новых услуг, подчеркивая важность открытого

подхода к развитию умных городов [63]. Вследствие этого значительное внимание стало уделяться инструментам сотворчества, посредством которых граждане участвуют в разработке и создании менее дорогих и более соответствующих их потребностям продуктов или услуг. Инновации в области цифровых технологий, в частности технология блокчейна, сформировали новые взгляды на развитие умных городов. Инфраструктура данных на основе блокчейна позволяет гражданскому обществу управлять местными общественными товарами и услугами, способствует экономическому и социальному предпринимательству [64]. Значительное внимание среди исследований в области умных городов уделялось повышению устойчивости городской среды, формированию сбалансированного подхода к реализации основных задач развития урбанизированных территорий. Практика показала, что концепция устойчивого развития и идеи умного города достаточно близки между собой. Их общее целеполагание, направленное на повышение качества жизни местного населения, а также решение проблем в социальной, экономической, экологической сфере существенным образом сближают эти концепции [65].

Значительное развитие в области Интернета вещей открыло большие перспективы для развития умного города, создало условия для проведения углубленных исследований в этой сфере. Непрерывная цифровизация многогранной городской структуры значительным образом затруднила обработку данных в режиме реального времени и возможности интеллектуального принятия решений, в связи с чем стали развиваться исследования, предлагающие развитие архитектуры умного города на основе аналитики больших данных. Такая архитектура может включать несколько модулей:

- сбора и агрегации данных;
- вычисления и обработки данных;
- анализа приложений и решений [66].

Реализация значительного числа идей умного городского развития, диверсификация использования технологий в различных экономических, политических, образовательных, социальных аспектах сформировали вопрос о роли и поведении граждан и их взаимо-

действии. Появилась большая потребность в создании новых моделей социокультурного характера для исследования моделей поведения местного населения, анализа и систематизации новых явлений, возникающих в условиях цифровизации, для понимания того, как повысить эффективность действий по реализации идей умного города, в том числе для развития человеческого капитала. По этой причине актуализируются вопросы анализа новых цифровых навыков местного населения, формирования целостного видения «человек – сообщество – технологии». Вместе с тем по мере включения в процессы цифровизации городской среды, получения определенных благ от реализации проектов умного города у местного населения начинают формироваться новые потребности, запросы к качеству функционирования городских систем, в том числе к использованию цифровых систем. Поэтому имеет смысл говорить о новой пирамиде потребностей населения, в которой цифровые технологии (возможность их использования для решения собственных проблем) играют важную роль. По-видимому, в условиях цифровизации и сохранения трендов по развитию цифрового общества запрос на использование цифровых технологий будет только усиливаться [67].

Одним из перспективных подходов к комплексному развитию умных городов, вызвавших значительный интерес в научном сообществе в этот период, стал экосистемный подход, согласно которому умные города представляют собой сложные экосистемы, позволяющие улучшить условия жизни, конкурентоспособность и устойчивость в городах за счет сети стейкхолдеров (структуры управления, местное население, научное сообщество), процессов и данных [68]. Усложнение экосистемы умных городов, вовлечение большого числа субъектов в решение проблем урбанизированных территорий усилили проблематику планирования развития территорий в рамках концепции умного города. В связи с этим дополнительное развитие получила тематика исследований, направленных на планирование развития территорий в рамках идей умного города: практика показала, что крайне важно соблюдение баланса различных групп участников процессов развития умного города [69].

В условиях острой конкурентной борьбы скорость реализации той или иной идеи является критическим показателем успеха. Поскольку города все чаще стали рассматриваться в качестве субъектов конкурентной борьбы, их развитие напрямую сопряжено с тем, насколько эффективно они готовы использовать свои конкурентные преимущества, в частности инновационные решения в области цифровизации. Из-за этого в научной литературе указанного времени все чаще стали исследоваться инструменты, позволяющие ускорить процессы разработки и внедрения инноваций в городской среде. Одним из инструментов реализации проектов умного города, которые стали активно использоваться в данный период, стали хакатоны (*hackathons*) – мероприятия быстрого прототипирования и создания технических инноваций. Такой инструмент стал важным средством поддержки и стимулирования инноваций, предпринимательства и стартап-экономики в умных городах [70].

Усложнение социально-экономических систем разных уровней, развитие цифровых технологий стали причиной формирования новых форм взаимодействия и организации экономической деятельности, координации совместных усилий и ресурсов в различных областях для достижения общих целей. Одной из таких форм организации экономической деятельности, нашедшей применение в рамках развития умных городов, стала долевая экономика (*sharing economy*). В связи с этим одним из актуальных направлений исследования умных городов стало изучение совместных форм организации экономической деятельности, экономики совместного пользования, долевой экономики [71].

К этому времени, судя по публикациям в анализируемой области, идеи умного города продемонстрировали свою значимость для различных субъектов отношений, связанных с развитием городских территорий. Как показала практика, особую роль в развитии умных городов сыграли современные средства передачи данных, телекоммуникационные технологии, беспроводные сети и подобная инфраструктура, необходимая для работы с цифровыми данными. Появление сетей пятого поколения (5G) придало новый импульс разви-

тию умных городов [72]. Технологии сетей передачи пятого поколения открыли новые возможности для развития инфраструктуры и объединения различных устройств в единую сеть, придали импульс развитию смежных направлений и исследований, в том числе в сфере Интернета вещей. Причем такие трансформации связаны с определенными рисками прежде всего в сфере кибербезопасности, безопасности инфраструктурных объектов, защиты персональных данных. Развитие Интернета вещей обусловило активное проведение исследований по проблемам безопасности *IoT* [73], а также в области больших данных, используемых для улучшения городской среды. Поскольку вопросы использования больших данных в развитии городской среды, трансформации данных в знания, эффективности использования данных в этот период остаются малоизученными, активизируются исследования, связанные с рассмотрением данных проблем [74].

По мере того как идеи умного города стали укрепляться в качестве эффективной модели развития современных городов, возникли вопросы принятия этих идей среди широкого круга местного населения. Практические результаты исследования вопросов восприятия инициатив умного города показали, что даже самые образованные пользователи услуг умного города не всегда обладают способностями, позволяющими использовать эти приложения и решения, то есть полезность, безопасность, доступность и эффективность этих услуг может вызывать вопросы [75]. По этой причине в исследованиях умных городов все чаще стали подниматься вопросы, касающиеся социальных аспектов, развития человеческого капитала, культурных преобразований, вызванных реализацией идей умного города. В целом можно отметить более широкое внимание к социальным аспектам, которые связаны с цифровизацией городской среды [76]. В последние годы концепция умного города получила значительное развитие в научных кругах, среди муниципальных властей. На развитие умных городов выделен значительный объем ресурсов. Практика исследования ряда городов показала, что существует связь между реализацией инициатив умного города и их инновационным развитием.

Проведенные исследования позволили установить, что в городах, реализующих инициативы умного города, показатель уровня инновационного развития выше среднего. Такой результат обусловлен эффектами, которые непосредственно связаны с политикой умного города [77].

Систематизация исследований по тематике умных городов показала, что к этому периоду концепция умного города эволюционировала от отраслевого к более всеобъемлющему подходу, в основе которого лежит баланс интересов основных участников процессов цифровизации городской среды. При этом, как показала практика, прикладная направленность идей умного развития требует уменьшения масштаба рассматриваемой концепции от стратегии ее реализации до уровня проекта. Однако участие заинтересованных сторон как в конкретных проектах, так и в создании общей городской стратегии является ключом к разработке структуры управления, способной обеспечить эффективную реализацию идей умного города [78; 79]. Цифровизация процессов производства, распределения и потребления товаров и услуг является фактором развития современного общества, что требует формирования новых подходов к управлению социально-экономическими системами разного уровня, в том числе умными городами [80]. В связи с этим в рамках реализации идей умного управления повысился интерес к системам искусственного интеллекта, предлагающим решения в управлении городской средой [81]. Как показала практика, большие данные (*big data*), искусственный интеллект (*artificial intelligence*) стали эффективными инструментами для решения проблем в транспортной, экологической и других сферах современных городов [82; 83].

Расширение сфер исследования умных городов сформировало новые взгляды и подходы в области цифровизации городской среды, привнесло новые идеи. Например, дополняя возможности инновационных и цифровых экосистем, стали широко использоваться бизнес-экосистемы. В целом исследования в области экосистем умных городов стали развиваться в рамках механизмов сотрудничества, планирования, экосистемного анализа и моделирования, междисциплинарных иссле-

дований [84]. Усложнение процессов развития умных городов поставило вопрос об оценке результатов реализации идей умного развития. В связи с этим сформировались комплексные системы стандартов и индикаторов, подходящие для оценки реализации преимущественно подходов умного города, и стандарты, в большей мере ориентированные на оценку устойчивости [85]. За последние несколько лет наблюдается повышение интереса к разработке и внедрению инструментов, структур и наборов индикаторов для оценки умного города. При этом на основе уже известных наборов индикаторов создаются более сложные типологии индикаторов оценки. Данные типологии позволяют систематизировать индикаторы по различным направлениям оценки умного города (экономика, экология, социум) согласно таким характеристикам, как географическая направленность, масштаб, цель [86].

Значительную роль в инновационном развитии умных городов играет предпринимательская инициатива, способствующая появлению потенциально важных решений, технологий и инноваций. Поэтому крайне важным является поддержка развития предпринимательской активности, повышение человеческого капитала, развитие институтов самоорганизации местного предпринимательского сообщества, участвующего в развитии идей умного города [87]. Наблюдение за глобальными тенденциями в сфере технологических решений для развития городской среды показало смещение акцента с отраслевых на интегрированные решения по управлению городской средой на основе больших данных. Такой эффект проявляется в развитии интегрированных платформ управления городом (*ICMP*) [88]. В последние годы инновации в области искусственного интеллекта превращают городскую среду в автономную экосистему. Планируется, что в этом зарождающемся устройстве будущих городов системы искусственного интеллекта будут управлять объектами городской инфраструктуры в автономном режиме. Генезис городского искусственного интеллекта является частью длительного процесса технологического и политико-экономического развития, которые вместе обеспечивают переход от автоматизации к автономии [89]. Поскольку сложность и интенсив-

ность процессов цифровизации значительно возросла, необходимо понимать интеллектуальные экосистемы умного города как комплекс приложений и данных различных городских систем, работающих в институциональной среде [90]. Интеллектуальные решения являются ядром концепции умного города, которая, в свою очередь, представляет собой экономическую область, где могут быть разработаны новые рынки или сегменты рынка, предлагающие инновационные и интеллектуальные решения для городов и регионов [91].

К 2020 г. умные города превратились из технологической парадигмы в целостную интегрированную стратегию, в которой горожане играют важную роль в процессе принятия решений. Современные города все острее ощущают потенциал интеграционных подходов, функциональной совместимости интеллектуальных решений, все чаще рассматривают цифровые решения в качестве основы для развития. При этом невозможно создать стратегическое видение развития умных городов без инструмента для их регулярной оценки и мониторинга. В связи с этим в научной литературе продолжают поиски эффективного инструментария для планирования развития умных городов [92].

Среди основных тематик исследований умных городов вопросы эффективности использования ресурсов, в том числе энергетических, остаются крайне актуальными. Практика показала, что цифровизация энергетической отрасли, произошедшая в ряде стран, существенным образом повышает эффективность энергетической инфраструктуры, качество ее обслуживания, обеспечивает сбережение ресурсов и снижает воздействие на окружающую среду [93].

Активное использование цифровых данных создало новое качество управления различными аспектами городской среды, а также условия для углубленного исследования вопросов, связанных с цифровыми данными. Цифровые данные стали реальным ресурсом для повышения эффективности управления городской средой, устойчивой модели развития территорий [94]. Сюда входят вопросы, связанные с качеством и надежностью данных из-за смешивания данных государственного и частного секторов, вопросы управле-

ния данными, этические вопросы, касающиеся их конфиденциальности и безопасности [95].

В последние годы концепция умного города стала центральной в повестке дня исследователей и практиков, занятых проблемами развития урбанизированных территорий. Соответственно актуализировались вопросы исследования проектов умных городов, их классификации, выявления факторов успеха, тенденций и будущих путей развития, а также более детальные аспекты (например, бизнес-модель, цель, отрасль), связанные с реализацией проектов умных городов. Как показывают результаты последних исследований, особенно важными являются проблемы «последней мили» [96]. Активно реализуются исследования, направленные на оценку взаимосвязей между технологическими инновациями в умных городах и тем, как они используются на благо местного населения. Определяющим фактором развития умных городов является участие местного населения в реализации умного развития, поскольку оно является как основным участником, так и бенефициаром реализации идей умного развития [97].

Современные города, как и другие киберфизические системы, все чаще сталкиваются с технологическими, организационными и внешними рисками, что затрудняет управление ими и делает их уязвимыми для различных манипуляций. Поэтому в последнее время тематика управления рисками в умных городах становится все более актуальной. Итеративный процесс управления рисками, анализа, оценки, мониторинга и планирования мероприятий по снижению рисков является важным условием развития умных городов [98]. Перспективной формой организации экосистемы умного города в условиях цифровизации, по мнению значительного числа исследователей, является сетевая (гибридная) форма, позволяющая оптимизировать структуру управления и минимизировать риски реализации инициатив умного города [99].

Властям, стремящимся добиться развития умного города, ориентированного на потребности местного населения, требуется четкое понимание предпочтений и представлений граждан о благах умных городов. Исследования, направленные на изучение мнения местного

населения, способствуют пониманию его нужд, что делает возможным реализацию идей умного города более эффективной и ориентированной на местное население. В целом известные социологические исследования показали, что в большинстве случаев местное население воспринимает инициативы по развитию умного города как важные и полезные [100]. Умные города, как показала практика, стали точками роста инновационного бизнеса, высокотехнологичных производств, реализации частных инициатив, создания инновационных экосистем [101].

Важным условием развития умных городов, эффективного взаимодействия заинтересованных сторон в рамках реализации проектов по цифровизации городской среды является отсутствие барьеров для преобразований современных городов. В последних исследованиях по тематике умных городов отмечается, что для преодоления барьеров их развития необходимо проводить политику, направленную на повышение качества участия частного и государственного секторов путем поощрения инвестиций, развития инфраструктуры, снижения потребления ресурсов, поддержки создания и распространения интеллектуальных технологий, таких как Интернет вещей [102; 103]. Важным является совершенствование систем управления рисками, возникающими при реализации идей умного города [104].

Интеллектуальные решения в области цифровых технологий и анализа данных определяют новую эру в развитии современных городов. Интеллектуальный анализ данных в режиме реального времени и обнаружение закономерностей в высокочастотных данных теперь могут выполняться в больших масштабах, а новые аналитические методы способствуют принятию более эффективных решений [105; 106].

ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве объекта исследования в настоящей статье рассмотрена современная концепция развития умного города в различных проявлениях хозяйственной деятельности. Предмет исследования – экономические отношения, формирующиеся в различных направлениях хозяйственного

применения цифровых технологий умных городов. Анализируемые данные – научные исследования, отраженные в периодической печати, а также авторские результаты в рамках исследования процессов формирования умных городов. Метод исследования – библиографический анализ публикаций по тематике умных городов в международных базах данных *Web of Science* и *Scopus*.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Систематизация исследований по тематике умных городов позволила выявить определенные тенденции в этой области. Первоначальные исследования в сфере цифровизации городской среды носили ограниченный характер и в первую очередь касались технических вопросов в области применения цифровых технологий для решения ограниченного числа вопросов. Дальнейшее развитие цифровых технологий, их распространение как среди различных областей применения, так и вглубь самих этих областей способствовало росту исследований в сфере умных городов. По результатам систематизации исследований нами построено «дерево исследований», отражающее развитие научной мысли в области умных городов (рис.).

Активное развитие исследований в области умных городов сформировало множество направлений. С нашей точки зрения, можно выделить три основных направления научной работы в этой сфере, сформировавшихся к настоящему времени:

- исследования в области инфраструктуры и цифровых технологий;
- планирования и управления развитием умных городов;
- социально-инновационных аспектов умных городов.

Систематизация работ по тематике умных городов, проиндексированных в передовых базах научных публикаций *Scopus* и *Web of Science*, позволила выявить первостепенные направления для исследований в этой области.

Во-первых, это исследования в области цифровых технологий и инфраструктуры умных городов. Цифровые технологии являются базисным элементом для развития умных городов. Первоначально цифровизация касалась

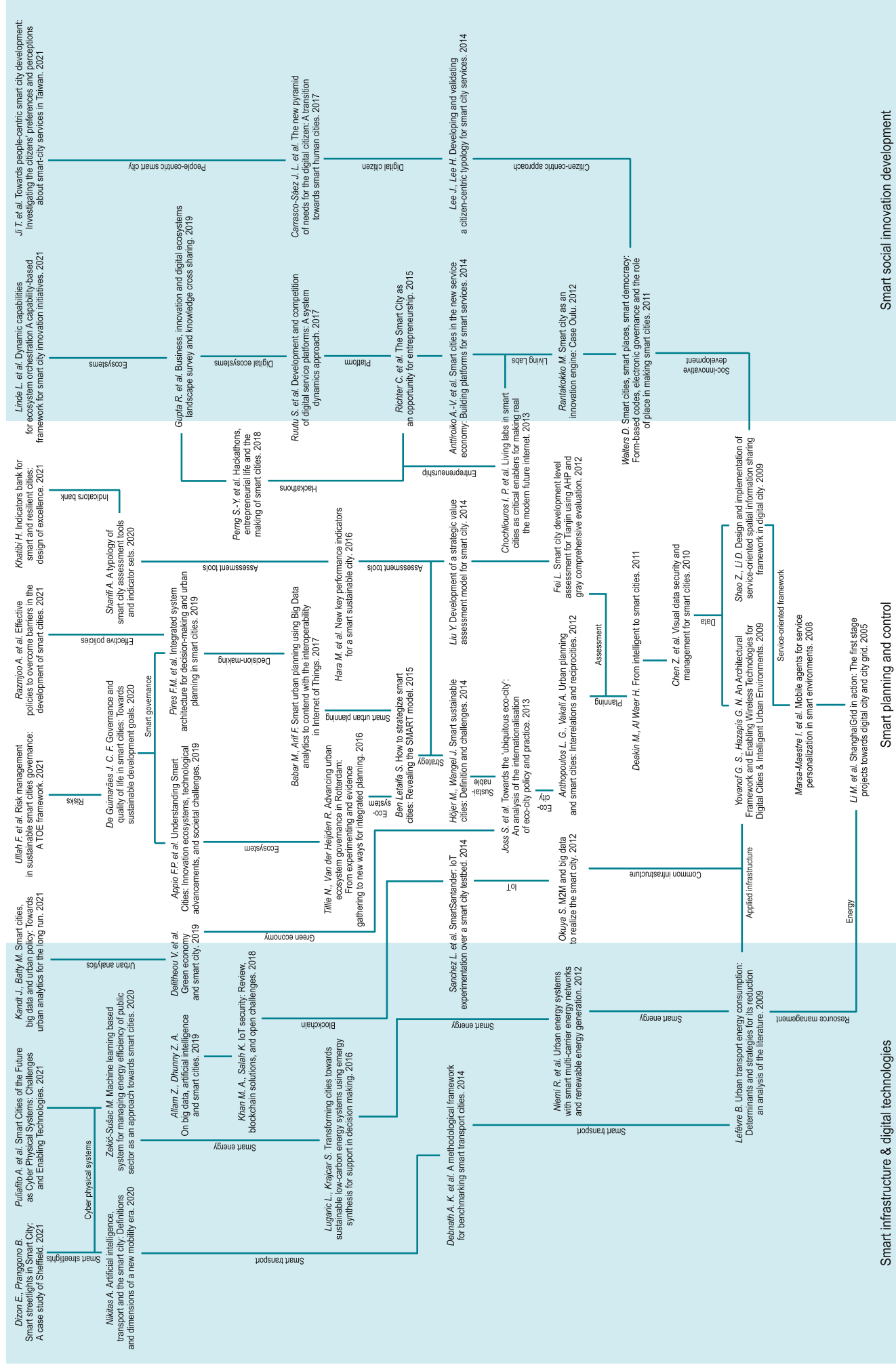

Рис. Дерево исследований умных городов / **Fig.** Smart city research tree

узких аспектов, связанных с городской средой. Отдельные решения стали применяться в области транспорта, энергетики, жилищно-коммунального хозяйства. По мере развития процессов цифровизации решения умного города стали использоваться для более комплексного решения проблем. Реализация идей умного города в различных сферах и дальнейшая интеграция данных решений в единую цифровую среду позволила создать комплексный подход к развитию современных городов в эпоху формирования цифрового общества. Дальнейшее развитие цифровых технологий привело к появлению огромного объема цифровых данных, которые стали ресурсом для развития социально-экономических систем разного уровня, в том числе умных городов. Развитие инструментов анализа больших данных создало условие для лучшего понимания социально-экономических процессов, происходящих в современных городах. Дальнейшие тенденции в развитии умных городов сводятся к переходу от автоматизации к автономности функционирования городских систем. Этому способствует развитие искусственного интеллекта, все активнее применяющегося в различных сферах современных городов.

Во-вторых, это вопросы планирования и управления развитием умных городов. Если на ранних этапах цифровизации городской среды вопросам планирования и управления этими процессами уделялось незначительное внимание, то в условиях, когда идеи умного города стали доминирующими при развитии современных городов, акцент ставится на решении вопросов планирования и управления. Инициативы умного города все чаще становятся практическими инструментами для развития городов. Проекты по развитию территорий на основе цифровых технологий встраиваются в общие стратегии и планы территориального развития. Таким образом, планирование и управление развитием умных городов становится важнейшим направлением как для проведения научных исследований, так и для решения практических задач в рамках развития территорий современных городов. Зачастую планирование развития умного города совмещается с другими концепциями, например с концепцией устойчивого развития.

В-третьих, это вопросы, связанные с социально-инновационными преобразованиями, характерными для умных городов. Первоначально идеи умного города не имели серьезного воздействия на социальные или инновационные преобразования в современных городах. Но с увеличением количества реализованных проектов, проникновением цифровых технологий практически во все сферы общественной жизни стало понятно, что цифровизация выступает как драйвер инновационного развития, появления новых форм взаимодействия внутри общества, инструмент для ускорения обмена данными, принятия решений и т.д. Кроме того, сама концепция умного города со временем стала рассматриваться намного шире. Практика показала, что без существенных социальных преобразований идеи умного города реализовать достаточно затруднительно. Местное население, бизнес, научное сообщество, местные власти являются ключевыми сторонами, заинтересованными в реализации идей умного города. От того, каким образом выстроены отношения между ними, насколько учитываются интересы каждой группы, в конечном счете зависит результативность идей умного города.

ВЫВОДЫ

Новые технологии, интеллектуальные решения, их повсеместное внедрение в повседневную жизнь коренным образом меняют принципы развития современных городов. В условиях все более разнообразных вызовов, с которыми сталкиваются современные города, крайне важным становится разработка адекватных инструментов для преодоления увеличивающихся противоречий. Одним из возможных вариантов развития городов в таких условиях является модель умного города. Зародившись в начале XXI в., к настоящему моменту идеи умного города стали по-настоящему глобальными. Анализ публикаций в передовых базах данных по тематике умных городов позволяет выявить тенденции, сформировать направления, в которых, по-видимому, данная концепция будет развиваться в будущем.

В настоящем исследовании, проведенном с целью систематизации научных статей,

проиндексированных в мировых базах *Scopus* и *Web of Science* по тематике умных городов, получены следующие результаты.

Во-первых, проведен анализ публикаций по запросу “*smart city*” в теме публикаций и ключевых словах статей, проиндексированных в *Scopus* и *Web of Science*. Выявлены основные научные сферы, связанные с развитием умных городов.

Во-вторых, на основе анализа публикаций по тематике умных городов построено «дерево исследований», отражающее базовые тенденции и ключевые направления в развитии исследований по теме умных городов. Среди основных «ветвей» исследований в рамках построения «дерева исследований» нами вы-

делены такие, как исследования в сфере цифровых технологий и инфраструктуры умных городов, исследования, связанные с планированием и управлением умными городами, а также исследования, посвященные социально-инновационному развитию территорий, реализующих идеи умного города.

Теоретическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при проведении будущих исследований по тематике умных городов. Практическая значимость заключается в возможности их использования при реализации практических планов и стратегий тех или иных территорий на основе модели умного города.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-28-00439.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Li Y., Li M., Yu J., Hong F., Cao L. ShanghaiGrid Portal: The Current Stage of Building Information Grid Portal // Web Information Systems – WISE 2004 Workshops. WISE 2004. Lecture Notes in Computer Science. 2004. Vol. 3307. P. 82–86. doi: [10.1007/978-3-540-30481-4_8](https://doi.org/10.1007/978-3-540-30481-4_8)
2. Shao Z., Li D. Design and implementation of service-oriented spatial information sharing framework in digital city. *Geo-Spatial Information Science*, 2009. 12(2), 104–109. doi: [10.1007/s11806-009-0015-5](https://doi.org/10.1007/s11806-009-0015-5)
3. Kim M.-Y. Developing A Multi-dimensional Spatio-visual Information System // *Journal of the Korean Society of Surveying, Geodesy, Photogrammetry and Cartography*. 2009. Vol. 27, iss. 6. P. 649–658.
4. Lefèvre B., Mainguy G. Urban Transport Energy Consumption: Determinants and Strategies for its Reduction // *S.A.P.I.E.N.S* [Online]. 2009. Vol. 2, no. 3. URL: <http://journals.openedition.org/sapiens/914>
5. Ortiz-Fournier L. V., Márquez E., Flores F. R., Rivera-Vázquez J. C., Colon P. A. Integrating educational institutions to produce intellectual capital for sustainability in Caguas, Puerto Rico // *Knowledge Management Research & Practice*. 2010. Vol. 8, iss. 3. P. 203–215. doi: [10.1057/kmrp.2010.11](https://doi.org/10.1057/kmrp.2010.11)
6. Chen Z., Fan W., Xiong Z., Zhang P., Luo L. Visual data security and management for smart cities // *Frontiers of Computer Science in China*. 2010. Vol. 4. P. 386–393. doi: [10.1007/s11704-010-0378-7](https://doi.org/10.1007/s11704-010-0378-7)
7. Portney K. E., Berry J. M. Participation and the Pursuit of Sustainability in U.S. Cities // *Urban Affairs Review*. 2010. Vol. 46, iss. 1. P. 119–139. doi: [10.1177/1078087410366122](https://doi.org/10.1177/1078087410366122)
8. Deakin M., Al Waer H. From intelligent to smart cities // *Intelligent Buildings International*. 2011. Vol. 3, iss. 3. P. 140–152. doi: [10.1080/17508975.2011.586671](https://doi.org/10.1080/17508975.2011.586671)
9. Walters D. Smart cities, smart places, smart democracy: Form-based codes, electronic governance and the role of place in making smart cities // *Intelligent Buildings International*. 2011. Vol. 3, iss. 3. P. 198–218. doi: [10.1080/17508975.2011.586670](https://doi.org/10.1080/17508975.2011.586670)
10. Schaffers H., Komninos N., Pallot M., Trousse B., Nilsson M., Oliveira A. Smart Cities and the Future Internet: Towards Cooperation Frameworks for Open Innovation // *The Future Internet*. FIA 2011. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 6656. Berlin; Heidelberg: Springer, 2011. P. 431–446. doi: [10.1007/978-3-642-20898-0_31](https://doi.org/10.1007/978-3-642-20898-0_31)
11. Бойкова М. В., Ильина И. Н., Салазкин М. Г. Будущее городов: города как агенты глобализации и инноваций // *Форсайт*. 2011. Т. 5, № 4. С. 32–48. doi: [10.17323/1995-459X.2011.4.32.48](https://doi.org/10.17323/1995-459X.2011.4.32.48)
12. Izumi H., Yamashita A. Current and future trends of M2M services // *NEC Technical Journal*. 2011. Vol. 6, iss. 4. P. 13–17.

13. *Schuurman D., Baccarne B., De Marez L., Mechant P.* Smart ideas for smart cities: Investigating crowdsourcing for generating and selecting ideas for ICT innovation in a city context // *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*. 2012. Vol. 7, no. 3. P. 49–62. doi: [10.4067/S0718-18762012000300006](https://doi.org/10.4067/S0718-18762012000300006)
14. *Gil-Garcia J. R.* Towards a smart State? Inter-agency collaboration, information integration, and beyond // *Information Polity*. 2012. Vol. 17, iss. 3-4. P. 269–280. doi: [10.3233/ip-2012-000287](https://doi.org/10.3233/ip-2012-000287)
15. *Xiong Z., Sheng H., Rong W., Cooper D. E.* Intelligent transportation systems for smart cities: A progress review // *Science China Information Sciences*. 2012. Vol. 55. P. 2908–2914. doi: [10.1007/s11432-012-4725-1](https://doi.org/10.1007/s11432-012-4725-1)
16. *Niemi R., Mikkola J., Lund P. D.* Urban energy systems with smart multi-carrier energy networks and renewable energy generation // *Renewable Energy*. 2012. Vol. 48. P. 524–536. doi: [10.1016/j.renene.2012.05.017](https://doi.org/10.1016/j.renene.2012.05.017)
17. *Lombardi P., Giordano S., Farouh H., Yousef W.* Modelling the smart city performance // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2012. Vol. 25, iss. 2. P. 137–149. doi: [10.1080/13511610.2012.660325](https://doi.org/10.1080/13511610.2012.660325)
18. *Fei L.* Smart city development level assessment for Tianjin using AHP and gray comprehensive evaluation // *Advances in Information Sciences and Service Sciences*. 2012. Vol. 4, iss. 19. P. 74–82.
19. *Joss S., Cowley R., Tomozeiu D.* Towards the ‘ubiquitous eco-city’: An analysis of the internationalisation of eco-city policy and practice // *Urban Research and Practice*. 2013. Vol. 6, iss. 1. P. 54–74. doi: [10.1080/17535069.2012.762216](https://doi.org/10.1080/17535069.2012.762216)
20. *Sánchez L., EliceGUI I., Cuesta J., Muñoz L., Lanza J.* Integration of utilities infrastructures in a future internet enabled smart city framework // *Sensors*. 2013. Vol. 13, iss. 11. P. 14438–14465. doi: [10.3390/s131114438](https://doi.org/10.3390/s131114438)
21. *Carvalho L., Campos J. B.* Developing the PlanIT valley: A view on the governance and societal embedding of u-eco city pilots // *International Journal of Knowledge-Based Development*. 2013. Vol. 4, iss. 2. P. 109–125. doi: [10.1504/IJKBD.2013.054089](https://doi.org/10.1504/IJKBD.2013.054089)
22. *Lee J. H., Phaal R., Lee S.-H.* An integrated service-device-technology roadmap for smart city development // *Technological Forecasting and Social Change*. 2013. Vol. 80, iss. 2. P. 286–306. doi: [10.1016/j.techfore.2012.09.020](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2012.09.020)
23. *Chochliouros I. P., Spiliopoulou A. S., Sfakianakis E., Georgiadou E. M., Rethimiotaki E.* Living labs in smart cities as critical enablers for making real the modern future internet // *Communications in Computer and Information Science*. 2013. Vol. 384. P. 312–321. doi: [10.1007/978-3-642-41016-1_33](https://doi.org/10.1007/978-3-642-41016-1_33)
24. *Benouaret K., Valliyur-Ramalingam R., Charoy F.* CrowdSC: Building Smart Cities with Large-Scale Citizen Participation // *IEEE Internet Computing*. 2013. Vol. 17, iss. 6. P. 57–63. doi: [10.1109/mic.2013.88](https://doi.org/10.1109/mic.2013.88)
25. *Anttiroiko A.-V., Valkama P., Bailey S. J.* Smart cities in the new service economy: Building platforms for smart services // *AI & SOCIETY*. 2013. Vol. 29. P. 323–334. doi: [10.1007/s00146-013-0464-0](https://doi.org/10.1007/s00146-013-0464-0)
26. *Neirotti P., De Marco A., Cagliano A. C., Mangano G., Scorrano F.* Current trends in Smart City initiatives: Some stylised facts // *Cities*. 2014. Vol. 38. P. 25–36. doi: [10.1016/j.cities.2013.12.010](https://doi.org/10.1016/j.cities.2013.12.010)
27. *Angelidou M.* Smart city policies: A spatial approach // *Cities*. 2014. Vol. 41. S3–S11. doi: [10.1016/j.cities.2014.06.007](https://doi.org/10.1016/j.cities.2014.06.007)
28. *Höjer M., Wangel J.* Smart Sustainable Cities: Definition and Challenges // Hilty L., Aebischer B. (eds) *ICT Innovations for Sustainability. Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2014. Vol. 310. P. 333–349. doi: [10.1007/978-3-319-09228-7_20](https://doi.org/10.1007/978-3-319-09228-7_20)
29. *Lee J. H., Hancock M. G., Hu M.-C.* Towards an effective framework for building smart cities: Lessons from Seoul and San Francisco // *Technological Forecasting and Social Change*. 2014. Vol. 89. P. 80–99. doi: [10.1016/j.techfore.2013.08.033](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2013.08.033)
30. *Sanchez L., Muñoz L., Galache J. A., Sotres P., Santana J. R., Gutierrez V., Rajiv Ramdhany, Gluhak A., Krco S., Theodoridis E., Pfisterer D.* SmartSantander: IoT experimentation over a smart city testbed // *Computer Networks*. 2014. Vol. 61. P. 217–238. doi: [10.1016/j.bjp.2013.12.020](https://doi.org/10.1016/j.bjp.2013.12.020)
31. *Gabrys J.* Programming Environments: Environmentalty and Citizen Sensing in the Smart City // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2014. Vol. 32, iss. 1. P. 30–48. doi: [10.1068/d16812](https://doi.org/10.1068/d16812)
32. *Rabari C., Storper M.* The digital skin of cities: Urban theory and research in the age of the sensed and metered city, ubiquitous computing and big data // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2014. Vol. 8, iss. 1. P. 27–42. doi: [10.1093/cjres/rsu021](https://doi.org/10.1093/cjres/rsu021)
33. *Bellini P., Benigni M., Billero R., Nesi P., Rauch N.* Km4City ontology building vs data harvesting and cleaning for smart-city services // *Journal of Visual Languages & Computing*. 2014. Vol. 25, iss. 6. P. 827–839. doi: [10.1016/j.jvlc.2014.10.023](https://doi.org/10.1016/j.jvlc.2014.10.023)
34. *Elmaghraby A. S., Losavio M. M.* Cyber security challenges in Smart Cities: Safety, security and privacy // *Journal of Advanced Research*. 2014. Vol. 5, iss. 4. P. 491–497. doi: [10.1016/j.jare.2014.02.006](https://doi.org/10.1016/j.jare.2014.02.006)
35. *Lee J., Lee H.* Developing and validating a citizen-centric typology for smart city services // *Government Information Quarterly*. 2014. Vol. 31. Supplement 1. P. S93–S105. doi: [10.1016/j.giq.2014.01.010](https://doi.org/10.1016/j.giq.2014.01.010)

36. Van der Graaf S., Veeckman C. Designing for participatory governance: Assessing capabilities and toolkits in public service delivery // *Info*. 2014. Vol. 16, iss. 6. P. 74–88. doi: [10.1108/info-07-2014-0028](https://doi.org/10.1108/info-07-2014-0028)
37. Shu Y., Fan J. Progress in smart city standardization // *Dianwang Jishu/Power System Technology*. 2014. Vol. 38, iss. 10. P. 2617–2623.
38. Albino V., Berardi U., Dangelico R. M. Smart Cities: Definitions, Dimensions, Performance, and Initiatives // *Journal of Urban Technology*. 2015. Vol. 22, iss. 1. P. 3–21. doi: [10.1080/10630732.2014.942092](https://doi.org/10.1080/10630732.2014.942092)
39. Al Nuaimi E., Al Neyadi H., Mohamed N., Al-Jaroodi J. Applications of big data to smart cities // *Journal of Internet Services and Applications*. 2015. Vol. 6. Article 25. doi: [10.1186/s13174-015-0041-5](https://doi.org/10.1186/s13174-015-0041-5)
40. Arribas-Bel D., Kourtis K., Nijkamp P., Steenbruggen J. Cyber Cities: Social Media as a Tool for Understanding Cities // *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2015. Vol. 8. P. 231–247. doi: [10.1007/s12061-015-9154-2](https://doi.org/10.1007/s12061-015-9154-2)
41. Hussain A., Wenbi R., da Silva A. L., Nadher M., Mudhish M. Health and emergency-care platform for the elderly and disabled people in the Smart City // *Journal of Systems and Software*. 2015. Vol. 110. P. 253–263. doi: [10.1016/j.jss.2015.08.041](https://doi.org/10.1016/j.jss.2015.08.041)
42. Mayangsari L., Novani S. Multi-stakeholder co-creation Analysis in Smart city Management: An Experience from Bandung, Indonesia // *Procedia Manufacturing*. 2015. Vol. 4. P. 315–321. doi: [10.1016/j.promfg.2015.11.046](https://doi.org/10.1016/j.promfg.2015.11.046)
43. Stratigea A., Papadopoulou C.-A., Panagiotopoulou M. Tools and Technologies for Planning the Development of Smart Cities // *Journal of Urban Technology*. 2015. Vol. 22, iss. 2. P. 43–62. doi: [10.1080/10630732.2015.1018725](https://doi.org/10.1080/10630732.2015.1018725)
44. Dupont L., Morel L., Guidat C. Innovative public-private partnership to support Smart City: The case of “Chaire REVES” // *Journal of Strategy and Management*. 2015. Vol. 8, iss. 3. P. 245–265. doi: [10.1108/JSMA-03-2015-0027](https://doi.org/10.1108/JSMA-03-2015-0027)
45. Angelidou M. Smart cities: A conjuncture of four forces // *Cities*. 2015. Vol. 47. P. 95–106. doi: [10.1016/j.cities.2015.05.004](https://doi.org/10.1016/j.cities.2015.05.004)
46. Datta A. New urban utopias of postcolonial India: ‘Entrepreneurial urbanization’ in Dholera smart city, Gujarat // *Dialogues in Human Geography*. 2015. Vol. 5, iss. 1. P. 3–22. doi: [10.1177/2043820614565748](https://doi.org/10.1177/2043820614565748)
47. Gil-Garcia J. R., Pardo T. A., Nam T. What makes a city smart? Identifying core components and proposing an integrative and comprehensive conceptualization // *Information Polity*. 2015. Vol. 20, no. 1. P. 61–87. doi: [10.3233/ip-150354](https://doi.org/10.3233/ip-150354)
48. Michelucci F. V., De Marco A., Tanda A. Defining the Role of the Smart-City Manager: An Analysis of Responsibilities and Skills // *Journal of Urban Technology*. 2016. Vol. 23, iss. 3. P. 23–42. doi: [10.1080/10630732.2016.1164439](https://doi.org/10.1080/10630732.2016.1164439)
49. Hara M., Nagao T., Hannoe S., Nakamura J. New Key Performance Indicators for a Smart Sustainable City // *Sustainability*. 2016. Vol. 8, iss. 3. Article 206. doi: [10.3390/su8030206](https://doi.org/10.3390/su8030206)
50. Gil-Garcia J. R., Zhang J., Puron-Cid G. Conceptualizing smartness in government: An integrative and multi-dimensional view // *Government Information Quarterly*. 2016. Vol. 33, iss. 3. P. 524–534. doi: [10.1016/j.giq.2016.03.002](https://doi.org/10.1016/j.giq.2016.03.002)
51. Lanza J., Sánchez L., Gutiérrez V., Galache J., Santana J., Sotres P., Muñoz L. Smart City Services over a Future Internet Platform Based on Internet of Things and Cloud: The Smart Parking Case // *Energies*. 2016. Vol. 9, iss. 9. Article 719. doi: [10.3390/en9090719](https://doi.org/10.3390/en9090719)
52. Díaz-Díaz R., Pérez-González D. Implementation of social media concepts for e-Government: Case study of a social media tool for value co-creation and citizen participation // *Journal of Organizational and End User Computing*. 2016. Vol. 28, iss. 3. P. 104–121. doi: [10.4018/JOEUC.2016070107](https://doi.org/10.4018/JOEUC.2016070107)
53. Wang S., Wang X., Wang Z. L., Yang Y. Efficient Scavenging of Solar and Wind Energies in a Smart City // *ACS Nano*. 2016. Vol. 10, iss. 6. P. 5696–5700. doi: [10.1021/acsnano.6b02575](https://doi.org/10.1021/acsnano.6b02575)
54. Srai J. S., Kumar M., Graham G., Phillips W., Tooze J., Ford S., Beecher P., Raj B., Gregory M., Tiwari M. K., B. Ravi, Neely A., Shankar R., Charnley F., Tiwari A. Distributed manufacturing: Scope, challenges and opportunities // *International Journal of Production Research*. 2016. Vol. 54, iss. 23. P. 6917–6935. doi: [10.1080/00207543.2016.1192302](https://doi.org/10.1080/00207543.2016.1192302)
55. Cassandras C. G. Smart Cities as Cyber-Physical Social Systems // *Engineering*. 2016. Vol. 2, iss. 2. P. 156–158. doi: [10.1016/j.eng.2016.02.012](https://doi.org/10.1016/j.eng.2016.02.012)
56. Anttiroiko A.-V. City-as-a-Platform: The Rise of Participatory Innovation Platforms in Finnish Cities // *Sustainability*. 2016. Vol. 8, iss. 9. Article 922. doi: [10.3390/su8090922](https://doi.org/10.3390/su8090922)
57. Nesti G. Living Labs: A New Tool for Co-production? // *Green Energy and Technology*. 2017. P. 267–281. doi: [10.1007/978-3-319-44899-2_16](https://doi.org/10.1007/978-3-319-44899-2_16)
58. Meijer A., Thaens M. Urban Technological Innovation: Developing and Testing a Sociotechnical Framework for Studying Smart City Projects // *Urban Affairs Review*. 2016. Vol. 54, iss. 2. P. 363–387. doi: [10.1177/1078087416670274](https://doi.org/10.1177/1078087416670274)

59. Yeh H. The effects of successful ICT-based smart city services: From citizens' perspectives // *Government Information Quarterly*. 2017. Vol. 34, iss. 3. P. 556–565. doi: [10.1016/j.giq.2017.05.001](https://doi.org/10.1016/j.giq.2017.05.001)
60. Cicirelli F., Guerrieri A., Spezzano G., Vinci A. An edge-based platform for dynamic Smart City applications // *Future Generation Computer Systems*. 2017. Vol. 76. P. 106–118. doi: [10.1016/j.future.2017.05.034](https://doi.org/10.1016/j.future.2017.05.034)
61. Kshetri N. The evolution of the internet of things industry and market in China: An interplay of institutions, demands and supply // *Telecommunications Policy*. 2017. Vol. 41, iss. 1. P. 49–67. doi: [10.1016/j.telpol.2016.11.002](https://doi.org/10.1016/j.telpol.2016.11.002)
62. Ersoy A. Smart cities as a mechanism towards a broader understanding of infrastructure interdependencies // *Regional Studies, Regional Science*. 2017. Vol. 4, iss. 1. P. 26–31. doi: [10.1080/21681376.2017.1281154](https://doi.org/10.1080/21681376.2017.1281154)
63. Bifulco F., Tregua M., Amitrano C. C. Co-governing smart cities through living labs. Top evidences from EU // *Transylvanian Review of Administrative Sciences*. 2017. No. 50. P. 21–37.
64. Potts J., Rennie E., Goldenfein J. Blockchains and the crypto city // *Information Technology*. 2017. Vol. 59, iss. 6. P. 285–293. doi: [10.1515/itit-2017-0006](https://doi.org/10.1515/itit-2017-0006)
65. Ahvenniemi H., Huovila A., Pinto-Seppä I., Airaksinen M. What are the differences between sustainable and smart cities? // *Cities*. 2017. Vol. 60, part A. P. 234–245. doi: [10.1016/j.cities.2016.09.009](https://doi.org/10.1016/j.cities.2016.09.009)
66. Babar M., Arif F. Smart urban planning using Big Data analytics to contend with the interoperability in Internet of Things // *Future Generation Computer Systems*. 2017. Vol. 77. P. 65–76. doi: [10.1016/j.future.2017.07.029](https://doi.org/10.1016/j.future.2017.07.029)
67. Carrasco-Sáez J., Careaga Butter M., Badilla-Quintana M. The New Pyramid of Needs for the Digital Citizen: A Transition towards Smart Human Cities // *Sustainability*. 2017. Vol. 9, iss. 12. Article 2258. doi: [10.3390/su9122258](https://doi.org/10.3390/su9122258)
68. Macke J., Casagrande R. M., Sarate J. A. R., Silva K. A. Smart city and quality of life: Citizens' perception in a Brazilian case study // *Journal of Cleaner Production*. 2018. Vol. 182. P. 717–726. doi: [10.1016/j.jclepro.2018.02.078](https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.02.078)
69. Axelsson K., Granath M. Stakeholders' stake and relation to smartness in smart city development: Insights from a Swedish city planning project // *Government Information Quarterly*. 2018. Vol. 35, iss. 4. P. 693–702. doi: [10.1016/j.giq.2018.09.001](https://doi.org/10.1016/j.giq.2018.09.001)
70. Perng S.-Y., Kitchin R., Mac Donncha D. Hackathons, entrepreneurial life and the making of smart cities // *Geoforum*. 2018. Vol. 97. P. 189–197. doi: [10.1016/j.geoforum.2018.08.024](https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.08.024)
71. Pournaras E., Pilgerstorfer P., Asikis T. Decentralized Collective Learning for Self-managed Sharing Economies // *ACM Transactions on Autonomous and Adaptive Systems*. 2018. Vol. 13, iss. 2. P. 1–33. doi: [10.1145/3277668](https://doi.org/10.1145/3277668)
72. Rao S. K., Prasad R. Impact of 5G Technologies on Smart City Implementation // *Wireless Personal Communications*. 2018. Vol. 100, iss. 1. P. 161–176. doi: [10.1007/s11277-018-5618-4](https://doi.org/10.1007/s11277-018-5618-4)
73. Khan M. A., Salah K. IoT security: Review, blockchain solutions, and open challenges // *Future Generation Computer Systems*. 2018. Vol. 82. P. 395–411. doi: [10.1016/j.future.2017.11.022](https://doi.org/10.1016/j.future.2017.11.022)
74. Lim C., Kim K.-J., Maglio P. P. Smart cities with big data: Reference models, challenges, and considerations // *Cities*. 2018. Vol. 82. P. 86–99. doi: [10.1016/j.cities.2018.04.011](https://doi.org/10.1016/j.cities.2018.04.011)
75. Lytras M., Visvizi A. Who Uses Smart City Services and What to Make of It: Toward Interdisciplinary Smart Cities Research // *Sustainability*. 2018. Vol. 10, iss. 6. Article 1998. doi: [10.3390/su10061998](https://doi.org/10.3390/su10061998)
76. Allam Z., Newman P. Redefining the Smart City: Culture, Metabolism and Governance // *Smart Cities*. 2018. Vol. 1, iss. 1. P. 4–25. doi: [10.3390/smartcities1010002](https://doi.org/10.3390/smartcities1010002)
77. Caragliu A., Del Bo C. F. Smart innovative cities: The impact of Smart City policies on urban innovation // *Technological Forecasting and Social Change*. 2019. Vol. 142. P. 373–383. doi: [10.1016/j.techfore.2018.07.022](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.022)
78. Fernandez-Anez V., Fernández-Güell J. M., Giffinger R. Smart City implementation and discourses: An integrated conceptual model. The case of Vienna // *Cities*. 2018. Vol. 78. P. 4–16. doi: [10.1016/j.cities.2017.12.004](https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.12.004)
79. Appio F. P., Lima M., Paroutis S. Understanding Smart Cities: Innovation ecosystems, technological advancements, and societal challenges // *Technological Forecasting and Social Change*. 2019. Vol. 142. P. 1–14. doi: [10.1016/j.techfore.2018.12.018](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.12.018)
80. Frost L., Bauer M. European trends in standardization for smart cities and Society 5.0 // *NEC Technical Journal*. 2018. Vol. 13, no. 1. P. 58–63.
81. Allam Z., Dhunny Z. A. On big data, artificial intelligence and smart cities // *Cities*. 2019. Vol. 89. P. 80–91. doi: [10.1016/j.cities.2019.01.032](https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.01.032)
82. Delitheou V., Meleti V., Athanassopoulos C. G. E. Green economy and smart city // *Journal of Reliable Intelligent Environments*. 2019. Vol. 5, iss. 4. P. 235–240. doi: [10.1007/s40860-019-00092-z](https://doi.org/10.1007/s40860-019-00092-z)

83. *Pires F.M., de Souza Mendes L., Quiñonez L. L.* Integrated system architecture for decision-making and urban planning in smart cities // *International Journal of Distributed Sensor Networks*. 2019. Vol. 15, iss. 8. doi: [10.1177/1550147719867829](https://doi.org/10.1177/1550147719867829)
84. *Gupta R., Mejia C., Kajikawa Y.* Business, innovation and digital ecosystems landscape survey and knowledge cross sharing // *Technological Forecasting and Social Change*. 2019. Vol. 147. P. 100–109. doi: [10.1016/j.techfore.2019.07.004](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.07.004)
85. *Huovila A., Bosch P., Airaksinen M.* Comparative analysis of standardized indicators for Smart sustainable cities: What indicators and standards to use and when? // *Cities*. 2019. Vol. 89. P. 141–153. doi: [10.1016/j.cities.2019.01.029](https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.01.029)
86. *Sharifi A.* A typology of smart city assessment tools and indicator sets // *Sustainable Cities and Society*. 2019. Vol. 53. Article 101936. doi: [10.1016/j.scs.2019.101936](https://doi.org/10.1016/j.scs.2019.101936)
87. *Kraus S., Breier M., Jones P., Hughes M.* Individual entrepreneurial orientation and intrapreneurship in the public sector // *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2019. Vol. 15. P. 1247–1268. doi: [10.1007/s11365-019-00593-6](https://doi.org/10.1007/s11365-019-00593-6)
88. *Westraadt L., Calitz A.* A Modelling Framework for Integrated Smart City Planning and Management // *Sustainable Cities and Society*. 2020. Vol. 63. Article 102444. doi: [10.1016/j.scs.2020.102444](https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102444)
89. *Cugurullo F.* Urban Artificial Intelligence: From Automation to Autonomy in the Smart City // *Frontiers in Sustainable Cities*. 2020. Vol. 2. Article 38. doi: [10.3389/frsc.2020.00038](https://doi.org/10.3389/frsc.2020.00038)
90. *Gupta A., Panagiotopoulos P., Bowen F.* An orchestration approach to smart city data ecosystems // *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. Vol. 153. Article 119929. doi: [10.1016/j.techfore.2020.119929](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119929)
91. *Turečková K., Nevima J.* The Cost Benefit Analysis for the Concept of a Smart City: How to Measure the Efficiency of Smart Solutions? *Sustainability*. 2020. Vol. 12, iss. 7. Article 2663. doi: [10.3390/su12072663](https://doi.org/10.3390/su12072663)
92. *Correia D., Teixeira L., Marques J.* Triangular pyramid trunk: The three axes of the smart city assessment tool // *WIT Transactions on Ecology and the Environment*. 2020. Vol. 241. P. 79–90. doi: [10.2495/SDP200071](https://doi.org/10.2495/SDP200071)
93. *Zekić-Sušac M., Mitrović S., Has A.* Machine learning based system for managing energy efficiency of public sector as an approach towards smart cities // *International Journal of Information Management*. 2020. Vol. 58. Article 102074. doi: [10.1016/j.ijinfomgt.2020.102074](https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102074)
94. *Schürholz D., Kubler S., Zaslavsky A.* Artificial intelligence-enabled context-aware air quality prediction for smart cities // *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 271. Article 121941. doi: [10.1016/j.jclepro.2020.121941](https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.121941)
95. *Löfgren K., Webster C. W. R.* The value of Big Data in government: The case of “smart cities” // *Big Data & Society*. 2020. Vol. 7, iss. 1. doi: [10.1177/2053951720912775](https://doi.org/10.1177/2053951720912775)
96. *Perboli G., Rosano M.* A Taxonomic Analysis of Smart City Projects in North America and Europe // *Sustainability*. 2020. Vol. 12, iss. 18. Article 7813. doi: [10.3390/su12187813](https://doi.org/10.3390/su12187813)
97. *Weinstein Z.* How to Humanize Technology in Smart Cities // *International Journal of E-Planning Research*. 2020. Vol. 9, iss. 3. P. 68–84. doi: [10.4018/ijep.2020070104](https://doi.org/10.4018/ijep.2020070104)
98. *Chen D., Wawrzynski P., Lv Z.* Cyber Security in Smart Cities: A Review of Deep Learning-based Applications and Case Studies // *Sustainable Cities and Society*. 2021. Vol. 66. Article 102655. doi: [10.1016/j.scs.2020.102655](https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102655)
99. *Secinaro S., Brescia V., Calandra D., Biancone P.* Towards a hybrid model for the management of smart city initiatives // *Cities*. 2021. Vol. 116. Article 103278. doi: [10.1016/j.cities.2021.103278](https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103278)
100. *Ji T., Chen J.-H., Wei H.-H., Su Y.-C.* Towards people-centric smart city development: Investigating the citizens’ preferences and perceptions about smart-city services in Taiwan // *Sustainable Cities and Society*. 2021. Vol. 67. Article 102691. doi: [10.1016/j.scs.2020.102691](https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102691)
101. *Linde L., Sjödin D., Parida V., Wincent J.* Dynamic capabilities for ecosystem orchestration: A capability-based framework for smart city innovation initiatives // *Technological Forecasting and Social Change*. 2021. Vol. 166. Article 120614. doi: [10.1016/j.techfore.2021.120614](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120614)
102. *Razmjoo A., Østergaard P. A., Denai M., Nezhad M. M., Mirjalili S.* Effective policies to overcome barriers in the development of smart cities // *Energy Research & Social Science*. 2021. Vol. 79. Article 102175. doi: [10.1016/j.erss.2021.102175](https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.102175)
103. *Dizon E., Pranggono B.* Smart streetlights in Smart City: A case study of Sheffield // *Journal of Ambient Intelligence and Humanized Computing*. 2022. Vol. 13. P. 2045–2060. doi: [10.1007/s12652-021-02970-y](https://doi.org/10.1007/s12652-021-02970-y)
104. *Ullah F., Qayyum S., Thaheem M. J., Al-Turjman F., Sepasgozar S. M. E.* Risk management in sustainable smart cities governance: A TOE framework // *Technological Forecasting and Social Change*. 2021. Vol. 167. Article 120743. doi: [10.1016/j.techfore.2021.120743](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120743)

105. *Kandt J., Batty M.* Smart cities, big data and urban policy: Towards urban analytics for the long run // *Cities*. 2021. Vol. 109. Article 102992. doi: [10.1016/j.cities.2020.102992](https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102992)
106. *Puliafito A., Tricomi G., Zafeiropoulos A., Papavassiliou S.* Smart Cities of the Future as Cyber Physical Systems: Challenges and Enabling Technologies // *Sensors*. 2021. Vol. 21, iss. 10. Article 3349. doi: [10.3390/s21103349](https://doi.org/10.3390/s21103349)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Александрович Семячков – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29); k.semyachkov@mail.ru

ACKNOWLEDGEMENT

The study was funded by the Russian Science Foundation under project no. 22-28-00439.

REFERENCES

1. Building Information Grid Portal. *Web Information Systems – WISE 2004 Workshops. WISE 2004. Lecture Notes in Computer Science*, 2004, vol. 3307, pp. 82–86. doi: [10.1007/978-3-540-30481-4_8](https://doi.org/10.1007/978-3-540-30481-4_8)
2. Shao Z., Li D. Design and implementation of service-oriented spatial information sharing framework in digital city. *Geo-Spatial Information Science*, 2009, vol. 12, iss.2, pp.104–109. doi: [10.1007/s11806-009-0015-5](https://doi.org/10.1007/s11806-009-0015-5)
3. Kim M.-Y. Developing A Multi-dimensional Spatio-visual Information System. *Journal of the Korean Society of Surveying, Geodesy, Photogrammetry and Cartography*, 2009, vol. 27, iss. 6, pp. 649–658.
4. Lefèvre B., Mainguy G. Urban Transport Energy Consumption: Determinants and Strategies for its Reduction. *S.A.P.I.E.N.S.*, 2009, vol. 2, no. 3. Available at: <http://journals.openedition.org/sapiens/914>
5. Ortiz-Fournier L. V., Márquez E., Flores F. R., Rivera-Vázquez J. C., Colon P. A. Integrating educational institutions to produce intellectual capital for sustainability in Caguas, Puerto Rico. *Knowledge Management Research & Practice*, 2010, vol. 8, iss. 3, pp. 203–215. doi: [10.1057/kmrp.2010.11](https://doi.org/10.1057/kmrp.2010.11)
6. Chen Z., Fan W., Xiong Z., Zhang P., Luo L. Visual data security and management for smart cities. *Frontiers of Computer Science in China*, 2010, vol. 4, pp. 386–393. doi: [10.1007/s11704-010-0378-7](https://doi.org/10.1007/s11704-010-0378-7)
7. Portney K. E., Berry J. M. Participation and the Pursuit of Sustainability in U.S. Cities. *Urban Affairs Review*, 2010, vol. 46, iss. 1, pp. 119–139. doi: [10.1177/1078087410366122](https://doi.org/10.1177/1078087410366122)
8. Deakin M., Al Waer H. From intelligent to smart cities. *Intelligent Buildings International*, 2011, vol. 3, iss. 3, pp. 140–152. doi: [10.1080/17508975.2011.586671](https://doi.org/10.1080/17508975.2011.586671)
9. Walters D. Smart cities, smart places, smart democracy: Form-based codes, electronic governance and the role of place in making smart cities. *Intelligent Buildings International*, 2011, vol. 3, iss. 3, pp. 198–218. doi: [10.1080/17508975.2011.586670](https://doi.org/10.1080/17508975.2011.586670)
10. Schaffers H., Komninos N., Pallot M., Trousse B., Nilsson M., Oliveira A. Smart Cities and the Future Internet: Towards Cooperation Frameworks for Open Innovation. *The Future Internet. FIA 2011. Lecture Notes in Computer Science*, 2011, vol. 6656, pp.431–446. doi: [10.1007/978-3-642-20898-0_31](https://doi.org/10.1007/978-3-642-20898-0_31)
11. Boikova M. V., Il'ina I. N., Salazkin M. G. Budushchee gorodov: goroda kak agenty globalizatsii i innovatsii [Urban futures: Cities as agents of globalization and innovation]. *Forsait* [Foresight and STI Governance], 2011, vol. 5, no. 4, pp. 32–48. (In Russian). doi: [10.17323/1995-459X.2011.4.32.48](https://doi.org/10.17323/1995-459X.2011.4.32.48)
12. Izumi H., Yamashita A. Current and future trends of M2M services. *NEC Technical Journal*, 2011, vol. 6, iss. 4, pp. 13–17.
13. Schuurman D., Baccarne B., De Marez L., Mechant P. Smart ideas for smart cities: Investigating crowdsourcing for generating and selecting ideas for ICT innovation in a city context. *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*, 2012, vol. 7, no. 3, pp. 49–62. doi: [10.4067/S0718-18762012000300006](https://doi.org/10.4067/S0718-18762012000300006)
14. Gil-Garcia J. R. Towards a smart State? Inter-agency collaboration, information integration, and beyond. *Information Polity*, 2012, vol. 17, iss. 3-4, pp. 269–280. doi: [10.3233/ip-2012-000287](https://doi.org/10.3233/ip-2012-000287)
15. Xiong Z., Sheng H., Rong W., Cooper D. E. Intelligent transportation systems for smart cities: A progress review. *Science China Information Sciences*, 2012, vol. 55, pp. 2908–2914. doi: [10.1007/s11432-012-4725-1](https://doi.org/10.1007/s11432-012-4725-1)
16. Niemi R., Mikkola J., Lund P. D. Urban energy systems with smart multi-carrier energy networks and renewable energy generation. *Renewable Energy*, 2012, vol. 48, pp. 524–536. doi: [10.1016/j.renene.2012.05.017](https://doi.org/10.1016/j.renene.2012.05.017)

17. Lombardi P., Giordano S., Farouh H., Yousef W. Modelling the smart city performance. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 2012, vol. 25, iss. 2, pp. 137–149. doi: [10.1080/13511610.2012.660325](https://doi.org/10.1080/13511610.2012.660325)
18. Fei L. Smart city development level assessment for Tianjin using AHP and gray comprehensive evaluation. *Advances in Information Sciences and Service Sciences*, 2012, vol. 4, iss. 19, pp. 74–82.
19. Joss S., Cowley R., Tomozeiu D. Towards the ‘ubiquitous eco-city’: An analysis of the internationalisation of eco-city policy and practice. *Urban Research and Practice*, 2013, vol. 6, iss. 1, pp. 54–74. doi: [10.1080/17535069.2012.762216](https://doi.org/10.1080/17535069.2012.762216)
20. Sánchez L., EliceGUI I., Cuesta J., Muñoz L., Lanza J. Integration of utilities infrastructures in a future internet enabled smart city framework. *Sensors*, 2013, vol. 13, iss. 11, pp. 14438–14465. doi: [10.3390/s131114438](https://doi.org/10.3390/s131114438)
21. Carvalho L., Campos J. B. Developing the PlanIT valley: A view on the governance and societal embedding of u-eco city pilots. *International Journal of Knowledge-Based Development*, 2013, vol. 4, iss. 2, pp. 109–125. <http://dx.doi.org/10.1504/IJKBD.2013.054089>
22. Lee J. H., Phaal R., Lee S.-H. An integrated service-device-technology roadmap for smart city development. *Technological Forecasting and Social Change*, 2013, vol. 80, iss. 2, pp. 286–306. doi: [10.1016/j.techfore.2012.09.020](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2012.09.020)
23. Chochliouros I. P., Spiliopoulou A. S., Sfakianakis E., Georgiadou E. M., Rethimiotaki E. Living labs in smart cities as critical enablers for making real the modern future internet. *Communications in Computer and Information Science*, 2013, vol. 384, pp. 312–321. doi: [10.1007/978-3-642-41016-1_33](https://doi.org/10.1007/978-3-642-41016-1_33)
24. Benouaret K., Valliyur-Ramalingam R., Charoy F. CrowdSC: Building Smart Cities with Large-Scale Citizen Participation. *IEEE Internet Computing*, 2013, vol. 17, iss. 6, pp. 57–63. doi: [10.1109/mic.2013.88](https://doi.org/10.1109/mic.2013.88)
25. Anttiroiko A.-V., Valkama P., Bailey S. J. Smart cities in the new service economy: Building platforms for smart services. *AI & SOCIETY*, 2013, vol. 29, pp. 323–334. doi: [10.1007/s00146-013-0464-0](https://doi.org/10.1007/s00146-013-0464-0)
26. Neirotti P., De Marco A., Cagliano A. C., Mangano G., Scorrano F. Current trends in Smart City initiatives: Some stylised facts. *Cities*, 2014, vol. 38, pp. 25–36. doi: [10.1016/j.cities.2013.12.010](https://doi.org/10.1016/j.cities.2013.12.010)
27. Angelidou M. Smart city policies: A spatial approach. *Cities*, 2014, vol. 41, pp. S3–S11. doi: [10.1016/j.cities.2014.06.007](https://doi.org/10.1016/j.cities.2014.06.007)
28. Höjer M., Wangel J. Smart Sustainable Cities: Definition and Challenges. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2014, vol. 310, pp. 333–349. doi: [10.1007/978-3-319-09228-7_20](https://doi.org/10.1007/978-3-319-09228-7_20)
29. Lee J. H., Hancock M. G., Hu M.-C. Towards an effective framework for building smart cities: Lessons from Seoul and San Francisco. *Technological Forecasting and Social Change*, 2014, vol. 89, pp. 80–99. doi: [10.1016/j.techfore.2013.08.033](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2013.08.033)
30. Sanchez L., Muñoz L., Galache J. A., Sotres P., Santana J. R., Gutierrez V., Rajiv Ramdhany, Gluhak A., Krco S., Theodoridis E., Pfisterer D. SmartSantander: IoT experimentation over a smart city testbed. *Computer Networks*, 2014, vol. 61 pp. 217–238. doi: [10.1016/j.bjp.2013.12.020](https://doi.org/10.1016/j.bjp.2013.12.020)
31. Gabrys J. Programming Environments: Environmentalty and Citizen Sensing in the Smart City. *Environment and Planning D: Society and Space*, 2014, vol. 32, iss. 1, pp. 30–48. doi: [10.1068/d16812](https://doi.org/10.1068/d16812)
32. Rabari C., Storper M. The digital skin of cities: Urban theory and research in the age of the sensed and metered city, ubiquitous computing and big data. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2014, vol. 8, iss. 1, pp. 27–42. doi: [10.1093/cjres/rsu021](https://doi.org/10.1093/cjres/rsu021)
33. Bellini P., Benigni M., Billero R., Nesi P., Rauch N. Km4City ontology building vs data harvesting and cleaning for smart-city services. *Journal of Visual Languages & Computing*, 2014, vol. 25, iss. 6, pp. 827–839. doi: [10.1016/j.jvlc.2014.10.023](https://doi.org/10.1016/j.jvlc.2014.10.023)
34. Elmaghraby A. S., Losavio M. M. Cyber security challenges in Smart Cities: Safety, security and privacy. *Journal of Advanced Research*, 2014, vol. 5, iss. 4, pp. 491–497. doi: [10.1016/j.jare.2014.02.006](https://doi.org/10.1016/j.jare.2014.02.006)
35. Lee J., Lee H. Developing and validating a citizen-centric typology for smart city services. *Government Information Quarterly*, 2014, vol. 31, supplement 1, pp. S93–S105. doi: [10.1016/j.giq.2014.01.010](https://doi.org/10.1016/j.giq.2014.01.010)
36. Van der Graaf S., Veeckman C. Designing for participatory governance: Assessing capabilities and toolkits in public service delivery. *Info*, 2014, vol. 16, iss. 6, pp. 74–88. doi: [10.1108/info-07-2014-0028](https://doi.org/10.1108/info-07-2014-0028)
37. Shu Y., Fan J. Progress in smart city standardization. *Dianwang Jishu/Power System Technology*, 2014, vol. 38, iss. 10, pp. 2617–2623.
38. Albino V., Berardi U., Dangelico R. M. Smart Cities: Definitions, Dimensions, Performance, and Initiatives. *Journal of Urban Technology*, 2015, vol. 22, iss. 1, pp. 3–21. doi: [10.1080/10630732.2014.942092](https://doi.org/10.1080/10630732.2014.942092)
39. Al Nuaimi E., Al Neyadi H., Mohamed N., Al-Jaroodi J. Applications of big data to smart cities. *Journal of Internet Services and Applications*, 2015, vol. 6, Article 25. doi: [10.1186/s13174-015-0041-5](https://doi.org/10.1186/s13174-015-0041-5)
40. Arribas-Bel D., Kourtis K., Nijkamp P., Steenbruggen J. Cyber Cities: Social Media as a Tool for Understanding Cities. *Applied Spatial Analysis and Policy*, 2015, vol. 8, pp. 231–247. doi: [10.1007/s12061-015-9154-2](https://doi.org/10.1007/s12061-015-9154-2)

41. Hussain A., Wenbi R., da Silva A. L., Nadher M., Mudhish M. Health and emergency-care platform for the elderly and disabled people in the Smart City. *Journal of Systems and Software*, 2015, vol. 110, pp. 253–263. doi: [10.1016/j.jss.2015.08.041](https://doi.org/10.1016/j.jss.2015.08.041)
42. Mayangsari L., Novani S. Multi-stakeholder co-creation analysis in smart city management: An experience from Bandung, Indonesia. *Procedia Manufacturing*, 2015, vol. 4, pp. 315–321. doi: [10.1016/j.promfg.2015.11.046](https://doi.org/10.1016/j.promfg.2015.11.046)
43. Stratigea A., Papadopoulou C.-A., Panagiotopoulou M. Tools and Technologies for Planning the Development of Smart Cities. *Journal of Urban Technology*, 2015, vol. 22, iss. 2, pp. 43–62. doi: [10.1080/10630732.2015.1018725](https://doi.org/10.1080/10630732.2015.1018725)
44. Dupont L., Morel L., Guidat C. Innovative public-private partnership to support Smart City: The case of “Chaire REVES”. *Journal of Strategy and Management*, 2015, vol. 8, iss. 3, pp. 245–265. doi: [10.1108/JSMA-03-2015-0027](https://doi.org/10.1108/JSMA-03-2015-0027)
45. Angelidou M. Smart cities: A conjuncture of four forces. *Cities*, 2015, vol. 47, pp. 95–106. doi: [10.1016/j.cities.2015.05.004](https://doi.org/10.1016/j.cities.2015.05.004)
46. Datta A. New urban utopias of postcolonial India: ‘Entrepreneurial urbanization’ in Dholera smart city, Gujarat. *Dialogues in Human Geography*, 2015, vol. 5, iss. 1, pp. 3–22. doi: [10.1177/2043820614565748](https://doi.org/10.1177/2043820614565748)
47. Gil-Garcia J. R., Pardo T. A., Nam T. What makes a city smart? Identifying core components and proposing an integrative and comprehensive conceptualization. *Information Polity*, 2015, vol. 20, no. 1, pp. 61–87. doi: [10.3233/ip-150354](https://doi.org/10.3233/ip-150354)
48. Michelucci F. V., De Marco A., Tanda A. Defining the Role of the Smart-City Manager: An Analysis of Responsibilities and Skills. *Journal of Urban Technology*, 2016, vol. 23, iss. 3, pp. 23–42. doi: [10.1080/10630732.2016.1164439](https://doi.org/10.1080/10630732.2016.1164439)
49. Hara M., Nagao T., Hannoe S., Nakamura J. New Key Performance Indicators for a Smart Sustainable City. *Sustainability*, 2016, vol. 8, iss. 3, Article 206. doi: [10.3390/su8030206](https://doi.org/10.3390/su8030206)
50. Gil-Garcia J. R., Zhang J., Puron-Cid G. Conceptualizing smartness in government: An integrative and multi-dimensional view. *Government Information Quarterly*, 2016, vol. 33, iss. 3, pp. 524–534. doi: [10.1016/j.giq.2016.03.002](https://doi.org/10.1016/j.giq.2016.03.002)
51. Lanza J., Sánchez L., Gutiérrez V., Galache J., Santana J., Sotres P., Muñoz L. Smart City Services over a Future Internet Platform Based on Internet of Things and Cloud: The Smart Parking Case. *Energies*, 2016, vol. 9, iss. 9, Article 719. doi: [10.3390/en9090719](https://doi.org/10.3390/en9090719)
52. Díaz-Díaz R., Pérez-González D. Implementation of social media concepts for e-Government: Case study of a social media tool for value co-creation and citizen participation. *Journal of Organizational and End User Computing*, 2016, vol. 28, iss. 3, pp. 104–121. doi: [10.4018/JOEUC.2016070107](https://doi.org/10.4018/JOEUC.2016070107)
53. Wang S., Wang X., Wang Z. L., Yang Y. Efficient Scavenging of Solar and Wind Energies in a Smart City. *ACS Nano*, 2016, vol. 10, iss. 6, pp. 5696–5700. doi: [10.1021/acsnano.6b02575](https://doi.org/10.1021/acsnano.6b02575)
54. Srai J. S., Kumar M., Graham G., Phillips W., Tooze J., Ford S., Beecher P., Raj B., Gregory M., Tiwari M. K., B. Ravi, Neely A., Shankar R., Charnley F., Tiwari A. Distributed manufacturing: Scope, challenges and opportunities. *International Journal of Production Research*, 2016, vol. 54, iss. 23, pp. 6917–6935. doi: [10.1080/00207543.2016.1192302](https://doi.org/10.1080/00207543.2016.1192302)
55. Cassandras C. G. Smart Cities as Cyber-Physical Social Systems. *Engineering*, 2016, vol. 2, iss. 2, pp. 156–158. doi: [10.1016/j.eng.2016.02.012](https://doi.org/10.1016/j.eng.2016.02.012)
56. Anttiroiko A.-V. City-as-a-Platform: The Rise of Participatory Innovation Platforms in Finnish Cities. *Sustainability*, 2016, vol. 8, iss. 9, Article 922. doi: [10.3390/su8090922](https://doi.org/10.3390/su8090922)
57. Nesti G. Living Labs: A New Tool for Co-production? *Green Energy and Technology*, 2017, pp. 267–281. doi: [10.1007/978-3-319-44899-2_16](https://doi.org/10.1007/978-3-319-44899-2_16)
58. Meijer A., Thaens M. Urban Technological Innovation: Developing and Testing a Sociotechnical Framework for Studying Smart City Projects. *Urban Affairs Review*, 2016, vol. 54, iss. 2, pp. 363–387. doi: [10.1177/1078087416670274](https://doi.org/10.1177/1078087416670274)
59. Yeh H. The effects of successful ICT-based smart city services: From citizens’ perspectives. *Government Information Quarterly*, 2017, vol. 34, iss. 3, pp. 556–565. doi: [10.1016/j.giq.2017.05.001](https://doi.org/10.1016/j.giq.2017.05.001)
60. Cicirelli F., Guerrieri A., Spezzano G., Vinci A. An edge-based platform for dynamic Smart City applications. *Future Generation Computer Systems*, 2017, vol. 76, pp. 106–118. doi: [10.1016/j.future.2017.05.034](https://doi.org/10.1016/j.future.2017.05.034)
61. Kshetri N. The evolution of the internet of things industry and market in China: An interplay of institutions, demands and supply. *Telecommunications Policy*, 2017, vol. 41, iss. 1, pp. 49–67. doi: [10.1016/j.telpol.2016.11.002](https://doi.org/10.1016/j.telpol.2016.11.002)
62. Ersoy A. Smart cities as a mechanism towards a broader understanding of infrastructure interdependencies. *Regional Studies, Regional Science*, 2017, vol. 4, iss. 1, pp. 26–31. doi: [10.1080/21681376.2017.1281154](https://doi.org/10.1080/21681376.2017.1281154)
63. Bifulco F., Tregua M., Amitrano C. C. Co-governing smart cities through living labs. Top evidences from EU. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, 2017, no. 50, pp. 21–37.

64. Potts J., Rennie E., Goldenfein J. Blockchains and the crypto city. *Information Technology*, 2017, vol. 59, iss. 6, pp. 285–293. doi: [10.1515/itit-2017-0006](https://doi.org/10.1515/itit-2017-0006)
65. Ahvenniemi H., Huovila A., Pinto-Seppä I., Airaksinen M. What are the differences between sustainable and smart cities? *Cities*, 2017, vol. 60, part A, pp. 234–245. doi: [10.1016/j.cities.2016.09.009](https://doi.org/10.1016/j.cities.2016.09.009)
66. Babar M., Arif F. Smart urban planning using Big Data analytics to contend with the interoperability in Internet of Things. *Future Generation Computer Systems*, 2017, vol. 77, pp. 65–76. doi: [10.1016/j.future.2017.07.029](https://doi.org/10.1016/j.future.2017.07.029)
67. Carrasco-Sáez J., Careaga Butter M., Badilla-Quintana M. The New Pyramid of Needs for the Digital Citizen: A Transition towards Smart Human Cities. *Sustainability*, 2017, vol. 9, iss. 12, Article 2258. doi: [10.3390/su9122258](https://doi.org/10.3390/su9122258)
68. Macke J., Casagrande R. M., Sarate J. A. R., Silva K. A. Smart city and quality of life: Citizens' perception in a Brazilian case study. *Journal of Cleaner Production*, 2018, vol. 182, pp. 717–726. doi: [10.1016/j.jclepro.2018.02.078](https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.02.078)
69. Axelsson K., Granath M. Stakeholders' stake and relation to smartness in smart city development: Insights from a Swedish city planning project. *Government Information Quarterly*, 2018, vol. 35, iss. 4, pp. 693–702. doi: [10.1016/j.giq.2018.09.001](https://doi.org/10.1016/j.giq.2018.09.001)
70. Perng S.-Y., Kitchin R., Mac Donncha D. Hackathons, entrepreneurial life and the making of smart cities. *Geoforum*, 2018, vol. 97, pp. 189–197. doi: [10.1016/j.geoforum.2018.08.024](https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.08.024)
71. Pournaras E., Pilgerstorfer P., Asikis T. Decentralized Collective Learning for Self-managed Sharing Economies. *ACM Transactions on Autonomous and Adaptive Systems*, 2018, vol. 13, iss. 2, pp. 1–33. doi: [10.1145/3277668](https://doi.org/10.1145/3277668)
72. Rao S. K., Prasad R. Impact of 5G Technologies on Smart City Implementation. *Wireless Personal Communications*, 2018, vol. 100, iss. 1, pp. 161–176. doi: [10.1007/s11277-018-5618-4](https://doi.org/10.1007/s11277-018-5618-4)
73. Khan M. A., Salah K. IoT security: Review, blockchain solutions, and open challenges. *Future Generation Computer Systems*, 2018, vol. 82, pp. 395–411. doi: [10.1016/j.future.2017.11.022](https://doi.org/10.1016/j.future.2017.11.022)
74. Lim C., Kim K.-J., Maglio P. P. Smart cities with big data: Reference models, challenges, and considerations. *Cities*, 2018, vol. 82, pp. 86–99. doi: [10.1016/j.cities.2018.04.011](https://doi.org/10.1016/j.cities.2018.04.011)
75. Lytras M., Visvizi A. Who Uses Smart City Services and What to Make of It: Toward Interdisciplinary Smart Cities Research. *Sustainability*, 2018, vol. 10, iss. 6, Article 1998. doi: [10.3390/su10061998](https://doi.org/10.3390/su10061998)
76. Allam Z., Newman P. Redefining the Smart City: Culture, Metabolism and Governance. *Smart Cities*, 2018, vol. 1, iss. 1, pp. 4–25. doi: [10.3390/smartcities1010002](https://doi.org/10.3390/smartcities1010002)
77. Caragliu A., Del Bo C. F. Smart innovative cities: The impact of Smart City policies on urban innovation. *Technological Forecasting and Social Change*, 2019, vol. 142, pp. 373–383. doi: [10.1016/j.techfore.2018.07.022](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.022)
78. Fernandez-Anez V., Fernández-Güell J. M., Giffinger R. Smart City implementation and discourses: An integrated conceptual model. The case of Vienna. *Cities*, 2018, vol. 78, pp. 4–16. doi: [10.1016/j.cities.2017.12.004](https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.12.004)
79. Appio F. P., Lima M., Paroutis S. Understanding Smart Cities: Innovation ecosystems, technological advancements, and societal challenges. *Technological Forecasting and Social Change*, 2019, vol. 142, pp. 1–14. doi: [10.1016/j.techfore.2018.12.018](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.12.018)
80. Frost L., Bauer M. European trends in standardization for smart cities and Society 5.0. *NEC Technical Journal*, 2018, vol. 13, no.1, pp. 58–63.
81. Allam Z., Dhunny Z. A. On big data, artificial intelligence and smart cities. *Cities*, 2019, vol. 89, pp. 80–91. doi: [10.1016/j.cities.2019.01.032](https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.01.032)
82. Delitheou V., Meleti V., Athanassopoulos C. G. E. Green economy and smart city. *Journal of Reliable Intelligent Environments*, 2019, vol. 5, iss. 4, pp. 235–240. doi: [10.1007/s40860-019-00092-z](https://doi.org/10.1007/s40860-019-00092-z)
83. Pires F.M., de Souza Mendes L., Quiñonez L. L. Integrated system architecture for decision-making and urban planning in smart cities. *International Journal of Distributed Sensor Networks*, 2019, vol. 15, iss. 8. doi: [10.1177/1550147719867829](https://doi.org/10.1177/1550147719867829)
84. Gupta R., Mejia C., Kajikawa Y. Business, innovation and digital ecosystems landscape survey and knowledge cross sharing. *Technological Forecasting and Social Change*, 2019, vol. 147, pp. 100–109. doi: [10.1016/j.techfore.2019.07.004](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.07.004)
85. Huovila A., Bosch P., Airaksinen M. Comparative analysis of standardized indicators for Smart sustainable cities: What indicators and standards to use and when? *Cities*, 2019, vol. 89, pp. 141–153. doi: [10.1016/j.cities.2019.01.029](https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.01.029)
86. Sharifi A. A typology of smart city assessment tools and indicator sets. *Sustainable Cities and Society*, 2019, vol. 53, Article 101936. doi: [10.1016/j.scs.2019.101936](https://doi.org/10.1016/j.scs.2019.101936)
87. Kraus S., Breier M., Jones P., Hughes M. Individual entrepreneurial orientation and intrapreneurship in the public sector. *International Entrepreneurship and Management Journal*, 2019, vol. 15, pp. 1247–1268. doi: [10.1007/s11365-019-00593-6](https://doi.org/10.1007/s11365-019-00593-6)

88. Westraadt L., Calitz A. A modelling framework for integrated smart city planning and management. *Sustainable Cities and Society*, 2020, vol. 63, Article 102444. doi: [10.1016/j.scs.2020.102444](https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102444)
89. Cugurullo F. Urban Artificial Intelligence: From Automation to Autonomy in the Smart City. *Frontiers in Sustainable Cities*, 2020, vol. 2, Article 38. doi: [10.3389/frsc.2020.00038](https://doi.org/10.3389/frsc.2020.00038)
90. Gupta A., Panagiotopoulos P., Bowen F. An orchestration approach to smart city data ecosystems. *Technological Forecasting and Social Change*, 2020, vol. 153, Article 119929. doi: [10.1016/j.techfore.2020.119929](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119929)
91. Turečková K., Nevima J. The Cost Benefit Analysis for the Concept of a Smart City: How to Measure the Efficiency of Smart Solutions? *Sustainability*, 2020, vol. 12, iss. 7, Article 2663. doi: [10.3390/su12072663](https://doi.org/10.3390/su12072663)
92. Correia D., Teixeira L., Marques J. Triangular pyramid trunk: The three axes of the smart city assessment tool. *WIT Transactions on Ecology and the Environment*, 2020, vol. 241, pp. 79–90. doi: [10.2495/SDP200071](https://doi.org/10.2495/SDP200071)
93. Zekić-Sušac M., Mitrović S., Has A. Machine learning based system for managing energy efficiency of public sector as an approach towards smart cities. *International Journal of Information Management*, 2020, vol. 58, Article 102074. doi: [10.1016/j.ijinfomgt.2020.102074](https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102074)
94. Schürholz D., Kubler S., Zaslavsky A. Artificial intelligence-enabled context-aware air quality prediction for smart cities. *Journal of Cleaner Production*, 2020, vol. 271, Article 121941. doi: [10.1016/j.jclepro.2020.121941](https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.121941)
95. Löfgren K., Webster C. W. R. The value of Big Data in government: The case of 'smart cities'. *Big Data & Society*, 2020, vol. 7, iss. 1. doi: [10.1177/2053951720912775](https://doi.org/10.1177/2053951720912775)
96. Perboli G., Rosano M. A Taxonomic Analysis of Smart City Projects in North America and Europe. *Sustainability*, 2020, vol. 12, iss. 18, Article 7813. doi: [10.3390/su12187813](https://doi.org/10.3390/su12187813)
97. Weinstein Z. How to Humanize Technology in Smart Cities. *International Journal of E-Planning Research*, 2020, vol. 9, iss. 3, pp. 68–84. doi: [10.4018/ijep.2020070104](https://doi.org/10.4018/ijep.2020070104)
98. Chen D., Wawrzynski P., Lv Z. Cyber security in smart cities: A review of deep learning-based applications and case studies. *Sustainable Cities and Society*, 2021, vol. 66, Article 102655. doi: [10.1016/j.scs.2020.102655](https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102655)
99. Secinaro S., Brescia V., Calandra D., Biancone P. Towards a hybrid model for the management of smart city initiatives. *Cities*, 2021, vol. 116, Article 103278. doi: [10.1016/j.cities.2021.103278](https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103278)
100. Ji T., Chen J.-H., Wei H.-H., Su Y.-C. Towards people-centric smart city development: Investigating the citizens' preferences and perceptions about smart-city services in Taiwan. *Sustainable Cities and Society*, 2021, vol. 67, Article 102691. doi: [10.1016/j.scs.2020.102691](https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102691)
101. Linde L., Sjödin D., Parida V., Wincent J. Dynamic capabilities for ecosystem orchestration: A capability-based framework for smart city innovation initiatives. *Technological Forecasting and Social Change*, 2021, vol. 166, Article 120614. doi: [10.1016/j.techfore.2021.120614](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120614)
102. Razmjoo A., Østergaard P. A., Denai M., Nezhad M. M., Mirjalili S. Effective policies to overcome barriers in the development of smart cities. *Energy Research & Social Science*, 2021, vol. 79, Article 102175. doi: [10.1016/j.erss.2021.102175](https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.102175)
103. Dizon E., Pranggono B. Smart streetlights in Smart City: A case study of Sheffield. *Journal of Ambient Intelligence and Humanized Computing*, 2022, vol. 13, pp. 2045–2060. doi: [10.1007/s12652-021-02970-y](https://doi.org/10.1007/s12652-021-02970-y)
104. Ullah F., Qayyum S., Thaheem M. J., Al-Turjman F., Sepasgozar S. M. E. Risk management in sustainable smart cities governance: A TOE framework. *Technological Forecasting and Social Change*, 2021, vol. 167, Article 120743. doi: [10.1016/j.techfore.2021.120743](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120743)
105. Kandt J., Batty M. Smart cities, big data and urban policy: Towards urban analytics for the long run. *Cities*, 2021, vol. 109, Article 102992. doi: [10.1016/j.cities.2020.102992](https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102992)
106. Puliafito A., Tricomi G., Zafeiropoulos A., Papavassiliou S. Smart Cities of the Future as Cyber Physical Systems: Challenges and Enabling Technologies. *Sensors*, 2021, vol. 21, iss. 10, Article 3349. doi: [10.3390/s21103349](https://doi.org/10.3390/s21103349)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin Aleksandrovich Semyachkov – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya st., Ekaterinburg, 620014, Russia); k.semyachkov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.05.2022, принята к печати 26.07.2022

Received May 18, 2022; accepted July 26, 2022

УДК 331, ББК 65.24, JEL Code J890
DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-429-452

© Теребова С. В., Устинова К. А.,
Крюков И. А., 2022

ФОРМИРОВАНИЕ СЕКТОРА САМОЗАНЯТЫХ В РЕГИОНАХ: УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Светлана Викторовна Теребова

ORCID ID: [0000-0002-2044-9521](https://orcid.org/0000-0002-2044-9521), Researcher ID: [ABC-7175-2021](https://orcid.org/ABC-7175-2021), svetlana-ter@mail.ru

Ксения Александровна Устинова

ORCID ID: [0000-0002-6198-6462](https://orcid.org/0000-0002-6198-6462), Researcher ID: [I-8164-2016](https://orcid.org/I-8164-2016), ustinova-kseniya@yandex.ru

Иван Алексеевич Крюков

ORCID ID: [0000-0001-6086-5696](https://orcid.org/0000-0001-6086-5696), Researcher ID: [GLT-8872-2022](https://orcid.org/GLT-8872-2022), ivan.kryukov.1974@mail.ru

Вологодский научный центр Российской академии наук (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а)

Аннотация. Сектор малого и среднего предпринимательства в современных условиях решает ряд ключевых проблем экономического развития территорий. Это обусловлено как внешними вызовами, связанными с усилением экономических санкций, так и внутренними проблемами, в частности необходимостью сокращения объема теневого сектора российской экономики на федеральном и региональном уровнях. Ухудшение условий внешней среды, нарастание внутренних проблем могут негативно отражаться на предпринимательстве, сопровождаться сокращением объема деятельности организаций, их ликвидацией. Одним из способов решения этих проблем является развитие сектора самозанятых, в котором за счет упрощенной процедуры регистрации, невысоких налоговых ставок создаются возможности для формирования и реализации предпринимательских намерений и способностей. Исследование нацелено на анализ текущего состояния института самозанятости в регионах России, условий функционирования самозанятых и направлений регулирования их деятельности. Авторами проведен сопоставительный анализ теоретико-методологических подходов к категориям «предпринимательство» и «самозанятость», определены их общие характеристики и специфические черты. Проведен количественный и качественный анализ самозанятости как новой формы официальной трудовой деятельности. Сделан вывод о динамичном развитии сектора самозанятости и о высоком потенциале его роста. На основе социологических опросов проведен анализ условий, влияющих на ведение предпринимательской деятельности, выделены факторы, оказывающие негативное влияние на бизнес-среду в России. Практическая значимость исследования состоит в оценке мер государственной поддержки предпринимателей и самозанятых, в формировании путей улучшения положения сектора самозанятости в России.

Ключевые слова: регион, предпринимательство, малое и среднее предпринимательство, самозанятость, специальный налоговый режим

Для цитирования:

Теребова С. В., Устинова К. А., Крюков И. А. Формирование сектора самозанятых в регионах: условия и перспективы // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2022. Т. 17, № 4. С. 429–452. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-429-452

DEVELOPMENT OF THE SELF-EMPLOYED SECTOR: CONDITIONS AND PROSPECTS

Svetlana V. Terebova

ORCID ID: [0000-0002-2044-9521](https://orcid.org/0000-0002-2044-9521), Researcher ID: [ABC-7175-2021](https://orcid.org/ABC-7175-2021), svetlana-ter@mail.ru

Kseniya A. Ustinova

ORCID ID: [0000-0002-6198-6462](https://orcid.org/0000-0002-6198-6462), Researcher ID: [I-8164-2016](https://orcid.org/I-8164-2016), ustinova-kseniya@yandex.ru

Ivan A. Kryukov

ORCID ID: [0000-0001-6086-5696](https://orcid.org/0000-0001-6086-5696), Researcher ID: [GLT-8872-2022](https://orcid.org/GLT-8872-2022), ivan.kryukov.1974@mail.ru

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky st., Vologda, 160014, Russia)

Abstract. These days, the sector of small and medium-sized entrepreneurship targets a number of key concerns of territories' economic development. This is due to both external challenges associated with tougher economic sanctions and national issues, in particular the need to reduce the share of the shadow sector in the Russian economy at the federal and regional levels. Worse external environment, deeper national concerns can have a negative impact on entrepreneurship, be accompanied with less activities, the liquidation of organizations. One of the ways to solve these problems is to develop the self-employed sector, where the simplified registration procedure, low tax rates create opportunities for the development and implementation of entrepreneurial intentions and abilities. The study aims to analyze the current state of the institute of self-employment in the regions of Russia, the functioning of the self-employed and the regulatory areas of their activities. The authors conducted a comparative analysis of theoretical and methodological approaches to the categories of "entrepreneurship" and "self-employment", identified both common characteristics and specific features of the categories under consideration. The quantitative and qualitative analysis of self-employment as a new form of official labor activity was carried out. A conclusion is made about the dynamic development of the self-employment sector and the high potential for its growth. Sociological surveys helped analyze the conditions affecting the conduct of entrepreneurial activity; the factors that have a negative impact on the business environment in Russia are highlighted. The practical significance of the study lies in assessing measures of state support from both entrepreneurs and the self-employed in developing the way for better situation of the self-employment sector in Russia.

Keywords: *region, entrepreneurship, small and medium-sized entrepreneurship, self-employment, special tax regime*

For citation:

Terebova S. V., Ustinova K. A., Kryukov I. A. Development of the self-employed sector: Conditions and prospects. *Perm University Herald. Economy*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 429–452. DOI: [10.17072/1994-9960-2022-4-429-452](https://doi.org/10.17072/1994-9960-2022-4-429-452)

ВВЕДЕНИЕ

На федеральном уровне роль субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) показана в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России на период до 2030 г.¹, которая нацелена на создание адаптивной и конкурентоспособной экономической системы. В данном стратегическом документе этот сектор экономики рассматривается в качестве движущей силы развития и обеспечения стабильно высокого уровня занятости,

фактора инновационного развития, трансформации отраслевой структуры экономики. Среди количественных показателей, значений которых необходимо достигнуть, называется увеличение доли МСП в валовом внутреннем продукте России до 40%, рост оборота предприятий в 2,5 раза, а также повышение доли занятых в секторе МСП в общей численности занятых до 35%.

Решение обозначенных стратегических задач связывают со снижением объемов тене-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.06.2016 № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года» // Правительство России.

09.06.2016. URL: <http://government.ru/docs/23354> (дата обращения: 27.06.2022).

вого сектора в российской экономике. Для этого в 2019 г. в России начался эксперимент по оформлению самозанятых как отдельной категории. Его целью являлась легализация россиян, не регистрирующих свою деятельность и оказывающих услуги в частном порядке. Такая мера является актуальной в связи с объемами теневого сектора, который оценивается более чем в 30 млн человек². Таким образом, это делает актуальным поиск путей сокращения теневого сектора.

Работа нацелена на анализ текущего состояния, условий функционирования и перспектив развития самозанятости в регионах России. Для этого были поставлены следующие задачи:

- 1) определить основные подходы к трактовке предпринимательства и самозанятости, соотнести эти понятия между собой;
- 2) исследовать динамику основных показателей развития субъектов малого и среднего предпринимательства и самозанятых;
- 3) проанализировать условия и перспективы ведения бизнеса самозанятыми.

Элементами научной новизны обладают подходы, в рамках которых понятия «предпринимательство» и «самозанятость» соотносятся между собой, результаты сравнительного анализа этих понятий. Последние свидетельствуют, с одной стороны, о распространении позиции о самозанятости как источнике развития предпринимательства, с другой стороны, о более широком содержании данного понятия по сравнению с предпринимательством. Сопоставительный анализ позволил выделить характеристики, отличающие предпринимателей от самозанятых, среди которых возможность найма у предпринимателей и отсутствие такой возможности у самозанятых, более низкий размер налогов и взносов для предпринимателей по сравнению с самозанятыми и др. В исследовании акцентируется внимание на сопоставлении самозанятости и предпринимательства: самозанятость рассмотрена как экономическая категория, обеспечивающая создание новых рабочих мест, организацию собственного дела как инициа-

тивной новаторской деятельности, поэтому самозанятости присущи признаки предпринимательства как такового, что дает основание рассматривать самозанятость как одну из форм предпринимательства [1].

Разработан и апробирован инструментарий социологического исследования, использование которого позволило провести оценку предпринимателями условий ведения деятельности, воздействующих на предпринимательство рисков, а также оценить меры государственной поддержки предпринимательства и выявить направления для совершенствования предпринимательской деятельности.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретические основы исследования будем излагать с акцентом на трактовки предпринимательства и самозанятости, соотнося их между собой, выделяя ключевые, характерные для них черты. Обратим внимание на определения предпринимательства, встречающиеся в нормативно-правовых актах и в научных исследованиях. Предпринимательство трактуется как многогранное явление, более детальная характеристика которому дана во второй статье Гражданского кодекса РФ как самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, от продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке³.

Характеризуя предпосылки для развития института самозанятости, отметим, что они связаны с преобразованиями во внешней среде, с циклическими экономическими изменениями. Обострение экономической ситуации вследствие, например, экономической депрессии сопровождается трансформационными процессами в различных экономических секторах [2], реструктуризацией промышленности. Усиливают необходимость структурных преобразований изменения в ИТ-сфере,

² Овчарук К. В. Самозанятость: драйвер экономики или нежелательное поведение? // Бюджет. 2017. № 12. URL: <https://bujet.ru/article/334551.php> (дата обращения: 05.07.2022).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 28.06.2022).

развитие ИТ-технологий, которые увеличивают значимость новых форм трудовых отношений [3]. Обозначенные изменения сопровождаются невостребованностью части трудоспособного населения, что создает предпосылки для увеличения распространенности безработицы. Это объясняется тем, что технологический прогресс и изменения, которые его сопровождают, приводят к «поляризации структуры рабочих мест», к ликвидации «средних» по качеству рабочих мест, углублению неравенства и «размыванию» среднего класса. Особенность ситуации заключается в том, что распространенность компьютеризации сопровождается ростом спроса на когнитивные и межличностные навыки, увеличением востребованности специалистов с высшим образованием и, напротив, сокращением спроса, например, на сервисных работников с невысоким образовательным уровнем [4; 5]. Востребованность одних специалистов и низкий спрос на других актуализируют проблему безработицы, решение которой может быть связано с вовлеченностью населения в самозанятость [6].

Одним из примеров, иллюстрирующих нестабильность в экономической сфере, которая сопровождалась распространенностью безработицы, является ситуация середины 1980-х гг. в США. Подобные негативные последствия привели к внедрению института самозанятости, распространенность которого была обусловлена возможностью получения финансовой и нефинансовой поддержки, выражавшейся в выплате пособий, получении услуг по подготовке специалистов [7]. Среди современных примеров – снижение деловой активности в период пандемии, которое проявилось в предпринимательском секторе. По экспертным оценкам, самозанятые оказались более устойчивы к кризисным проявлениям, в том числе в связи с возможностью получения государственной поддержки⁴.

Самозанятость не только связывают с необходимостью преодоления негативных последствий циклических экономических колебаний и рассматривают ее как один из способов сокращения безработицы, но и отмечают более широкую роль данного феномена

в социально-экономическом развитии территорий [8]. Она проявляется в создании рабочих мест, в производстве продукции и оказании услуг, в пополнении бюджета посредством налогообложения этой группы населения, в обеспечении доходом как себя, так и членов семьи [9]. Тем самым реализация самозанятых связана с воплощением как экономических, так и социальных функций. Социальная функция проявляется в том числе в интеграции общественных и личных интересов, в изменении социального статуса и других аспектах [10]. Реализация экономической функции связана, с одной стороны, с усилением предпринимательских навыков, с повышением инновационной активности и конкурентоспособности [11]. С другой стороны, экономическое положение территорий оказывает влияние на распространенность самозанятости. Склонность к самозанятости возрастает в ситуации невысокого социально-экономического положения территорий, в то время как в экономически развитых странах распространенность самозанятости снижается [12].

Если принимать во внимание происходящие социально-экономические изменения, то значимым является учет специфики самозанятости в современном мире. С одной стороны, феномен самозанятости сохраняет существенные черты, а с другой – приобретает специфику с учетом сложившейся социально-экономической ситуации. Последнее в большей степени связано с его проявлениями, среди которых неустойчивое экономическое положение самозанятых, обусловленное использованием неформальных норм и правил в экономических отношениях, различие самозанятых и наемных работников по продолжительности рабочего времени, оплате труда [6]. Однако, несмотря на это, у данной группы населения существует возможность для получения социальных и пенсионных выплат, медицинского обслуживания и др. [9]. Подчеркнем, что положение данной группы населения, как и других, зависит от состояния социально-экономической среды: если оно улучшается, вероятность увеличения возможностей для развития растет, и наоборот. В то время как в последнем случае неустойчи-

⁴ Бжезинский Д. Кому из самозанятых помогла пандемия и как способствовала росту сегмента // РБК+.

24.09.2020. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f6b67497a8aa98add1103a6> (дата обращения: 20.06.2022).

вость и дискриминационность положения работников может усиливаться.

В научной литературе имеется ряд трактовок понятия «предпринимательство», в которых предпринимательство и бизнес используются как синонимы, например: предпринимательство выступает высшей формой ведения бизнеса, которая связана с преодолением постоянно возникающих хозяйственных стереотипов и созданием принципиально новой продукции [13]. С системных позиций предпринимательство рассматривает П. П. Герасимов [14], который, ссылаясь на определение П. Д. Половинкина и В. Е. Савченко, характеризует его как систему хозяйствования, главным субъектом которой является предприниматель как движущая сила и посредник, рационально соединяющий ресурсы (вещественные и личные факторы), организующий процессы на инновационной основе, обладающий экономической ответственностью за конечные результаты с целью получения предпринимательского дохода. В контексте анализа данного явления подчеркиваются три его ключевых аспекта: личностный, экономический, организационно-управленческий. Автор рассматривает [14] инициативу, риск и новаторство как факторы развития предпринимательства. Схожей позиции придерживается и А. Хоскинг, характеризующий предпринимательство как «деятельность частных лиц, предприятий или организаций по извлечению природных благ, производству, приобретению и продаже товаров или оказанию услуг в обмен на другие товары, услуги, деньги к взаимной выгоде заинтересованных лиц и организаций» [15].

О. В. Чистякова говорит о двусоставности предпринимательской деятельности, учитывая, с одной стороны, получение прибыли, а с другой – возможность предпринимателя самореализовываться [16]. Среди других основных признаков предпринимательства – свобода (юридическая свобода и свобода принятия решений), необходимая для осуществления деятельности [17].

Ряд современных исследователей при рассмотрении понятия «предпринимательство» делает акцент на стремлении к рациональ-

ному экономическому поведению – максимизации полезности для общества в целом и потребителя в частности при минимизации затрат предпринимателя. Так, описывается влияние предпринимательства на удовлетворение социальных интересов и основной целью называется «преобразование предметного мира в соответствии с общественными целями» [18].

Помимо этого, предпринимательство рассматривается как деятельность, направленная на непрерывный поиск изменений в потребностях, спросе конечного потребителя на продукцию и услуги, удовлетворения выявленной потребности путем организации производства, сбыта, маркетинга, логистики, менеджмента, ориентированных на лучшие новации, приносящие максимум производительности в каждой стадии процесса воспроизводства. В этом определении акцент делается на поиск путей наиболее полного удовлетворения потребностей покупателя⁵.

Согласно определению Д. Ф. Хафизова, М. М. Хисматуллина и Е. С. Исайчевой, предпринимательство – это система хозяйствования, направленная на более эффективное использование ресурсов на основе рационального соединения факторов производства, творчества и нововведений, обоснованного риска, материальной ответственности за конечные результаты работы, а также на более полное удовлетворение потребностей потребителей и на их основе – на получение предпринимательского дохода [19].

По нашему мнению, предпринимательство следует охарактеризовать как деятельность экономических агентов, которая ведется за счет собственных или заемных средств и направлена на получение прибыли. Отмеченные аспекты соотносятся с теми, о которых мы говорили ранее и которые связаны с получением на систематической основе прибыли, с появлением выгод у заинтересованных лиц и организаций. Наряду с этим обозначались близкие к получению прибыли аспекты, которые связаны с экономической ответственностью, производством, приобретением и обменом товаров.

⁵ Торосян Е. К., Сажнева Л. П., Зарубина Ж. Н. Основы предпринимательской деятельности: учебное

пособие для бакалавров. СПб.: Университет ИТМО, 2016. 132 с.

Рассмотрение международного опыта налогообложения свидетельствует о том, что хотя самозанятость связывают с оплатой налога на профессиональный доход, с распространением специального налогового режима для самозанятых граждан⁶, но она же создает возможности для пополнения бюджета, поскольку выступает источником дополнительного или основного заработка для высококвалифицированных работников, удаленной работы ИТ-специалистов и других групп населения⁷. Несмотря на обозначенное, следует подчеркнуть, что самозанятость традиционно считалась и считается делом низкоконкурентных, а в ряде случаев «маргинальных слоев населения, не имеющих юридического статуса и механизма правового регулирования своего труда» [20]. Соответственно, возникали проблемы с легализацией статуса данной группы населения, что могло препятствовать применению налогового режима, использование которого позволило бы пополнить бюджет.

В США самозанятые оплачивают налог (*self-employment tax*), ставка которого составляет 15,3% от дохода и предполагает выплаты в фонды страхования и здравоохранения. Близкая к американской сложилась система в Великобритании, где платится налог (*Income tax*), включающий схожие выплаты в социальные и страховые фонды при базовой ставке налога 20% от дохода.

В странах СНГ институционально закреплены положения налогообложения самозанятых. Например, в Республике Беларусь самозанятые выплачивают специальный налог для физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, зависящий от вида деятельности и места проживания самозанятого. В Казахстане распространен Единый совокупный платеж на самозанятых, включающий выплаты в страховые, пенсионные и медицинские фонды [21]. В России официально оформленные самозанятые появились после принятия Федерального закона от 27.11.2018 № 422 «О проведении эксперимента по установлению специального

налогового режима «Налог на профессиональный доход»⁸».

В 2019 г. началась регистрация самозанятости в Москве, Республике Татарстан, Московской и Калужской областях. Через год оформили налог на профессиональный доход в Санкт-Петербурге, Волгоградской, Воронежской, Ленинградской, Нижегородской, Новосибирской, Омской, Ростовской, Самарской, Сахалинской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областях, в Красноярском и Пермском краях, в Ненецком, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, а также в Республике Башкортостан. С 01.07.2020 налоговый эксперимент распространился на все субъекты РФ. Эксперимент проводится до 31.12.2028.

Среди преимуществ налогового режима отмечают облегченные процедуры регистрации и документооборота, которые осуществляются в мобильном приложении «Мой налог»; сниженная налоговая ставка в размере 4% от дохода в случае реализации товаров или услуг физическим лицам или 6% – при реализации товаров или услуг юридическим лицам; предусмотрен первоначальный единовременный налоговый вычет в размере 10 тыс. руб.

Выделяется ряд ограничений для использования специального налогового режима⁸:

- добыча и реализация полезных ископаемых;
- наличие наемных работников;
- сумма облагаемого налогом дохода в текущем году, превышающая 2,4 млн руб., и др.

Среди тех аспектов, которые стимулируют самозанятых к «выходу из тени», отмечают следующие: введение налоговых каникул для отдельных категорий самозанятых (нянь, репетиторов, занимающихся уборкой жилья и ведением домашнего хозяйства); положительные примеры успешной легализации деятельности у других самозанятых; упрощение вопросов, связанных с расчетами и уплатой налогов; недоверие со стороны клиентов; возможность высоких штрафов за осуществ-

⁶ Как стать самозанятым // Госуслуги. 15.12.2022. URL: [https://www.gosuslugi.ru/situation/kak_otkryt_svoe_delo/become_self-employed#:~:text=\(дата обращения: 16.08.2022\).](https://www.gosuslugi.ru/situation/kak_otkryt_svoe_delo/become_self-employed#:~:text=(дата обращения: 16.08.2022).)

⁷ Гидирим А. Поколение мобайл, или что происходит с рынком труда. URL: https://youdo.com/files/Youdo_Report-Online_Generation.pdf (дата обращения: 16.08.2022).

⁸ Федеральный закон № 422-ФЗ.

ление деятельности нелегально⁹. Наряду с этим, среди стимулов к самозанятости называется доступность государственных мер поддержки, связанных с бесплатным обучением, консультированием, возможностью аренды по сниженным ставкам, использования льготных микрозаймов¹⁰.

Необходимость регулирования этих процессов актуализирует решение вопросов в отношении границ объекта «самозанятость», что обуславливает изучение его трактовок. Согласно определению, представленному на сайте Федеральной службы государственной статистики, самостоятельно занятыми являются лица, «самостоятельно или с одним, или несколькими деловыми партнерами осуществляющие деятельность, приносящую доход, и не нанимающие наемных работников на постоянной основе. Все деловые партнеры являются самостоятельно занятыми, могут относиться или не относиться к членам одной семьи или одного домашнего хозяйства»¹¹.

В научной литературе имеются различные трактовки самозанятых и самозанятости. Различие позиций обусловлено разными акцентировками при рассмотрении данного феномена. Одна из важнейших характеристик – осуществление деятельности на самостоятельной основе. В этом случае к самозанятым относят всех трудящихся не по найму граждан. Подобной позиции придерживается Е. А. Абрамова, которая под самозанятыми понимает «владельцев малых микропредприятий, предпринимателей, занятых индивидуальной трудовой деятельностью без образования юридического лица, занятых в домашних хозяйствах» [22]. Еще один аспект заключается в том, что данная деятельность зачастую осуществляется на неформальной основе. Одним из приверженцев такой позиции является Е. Г. Крылова, которая, отмечая неформальный характер деятельности самозанятых, пишет, что «это физические лица, занима-

ющиеся индивидуальной предпринимательской деятельностью для получения прибыли в качестве средств к существованию, в этой связи устраиваться на работу им нет никакой необходимости» [23].

Самозанятым свойственно сочетать характеристики управленца, работодателя, собственника капитала. Основное их отличие от других категорий – наличие функций управления капиталом и личного труда, что позволяет рассматривать их как пограничный слой класса мелких собственников [24]. Среди других важнейших характеристик самозанятости называют активность, инициативность, самостоятельность, риск и творчество [10], что «роднит» самозанятых с предпринимателями. Схожей позиции придерживаются О. Н. Грабова и А. Е. Суглобов, определяя самозанятых как «граждан, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, не имеющих наемных работников, самостоятельно осуществляющих на свой риск основанную на личном трудовом участии деятельность по оказанию услуг, выполнению работ для физических лиц, направленную на систематическое получение прибыли» [6]. В некоторых случаях подчеркивается, что в отношении самозанятых некорректно использовать понятие «прибыль», поскольку оно относится к предприятиям с наемными работниками, для «самозанятых» наиболее уместно понятие «доход» [25].

Наиболее полно обозначенные характеристики самозанятых учитываются в определении самозанятости как «формы экономической активности, представляющей собой предпринимательскую деятельность, однако со своими особенностями. Она ведется физическими лицами самостоятельно, на свой страх и риск, с использованием собственной инициативы при принятии решений, при условии привлечения своих собственных ресурсов, без использования труда наемных работников. При

⁹ Назаров В. Налоговая услуга: как заставить самозанятых выйти из тени // РБК. Мнение. 15 марта 2019 года. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/15/03/2019/5c8a1f419a7947ede48a7741> (дата обращения: 08.09.2022).

¹⁰ Труханова Э. Новый налоговый режим помог самозанятым выйти из тени // Российская газета. 27.10.2020. URL: <https://rg.ru/2020/10/27/reg-cfo/novyj->

nalogovyj-rezhim-pomog-samozaniatym-vyjti-iz-teni.html (дата обращения: 08.09.2022).

¹¹ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 30.06.2017 № 445 «Об утверждении Основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы» // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/pr445-17.pdf (дата обращения: 01.07.2022).

этом самостоятельная занятость может быть не только единственным способом получения дохода, но и дополнительным заработком во время, свободное от исполнения обязанностей по трудовому договору» [21]. В отношении трактовки самозанятости авторы статьи разделяют позицию А. Н. Покиды и Н. В. Зыбуновской, поскольку оно содержит основные характеристики самозанятости.

Анализ приведенных формулировок самозанятости позволяет сделать вывод о близости самозанятости по своим сущностным характеристикам к предпринимательству, поскольку как для самозанятости, так и для предпринимательства характерны инициативность, направленность на получение прибыли. Предпринимательство и самозанятость роднит наличие схожих характеристик, к числу которых относят склонность к риску. В одном из исследований, выполненных сотрудниками НИУ ВШЭ, было показано, что вовлеченность в самозанятость будет возрастать в 3–5 раз в случае абсолютной склонности индивида к риску [4].

Тем не менее, несмотря на смежный характер этих понятий, между ними существуют различия. Это обуславливает то, что в научной литературе высказываются разные мнения в отношении соотносительности самозанятости и предпринимательства. В рамках одной из позиций самозанятость рассматривается как форма предпринимательства. Приводятся данные о том, что в количественном отношении доля вовлеченных в самозанятость от общего числа предпринимателей в странах ЕС составляет 71% [26]. Еще одним проявлением этой позиции является тезис о том, что самозанятость выступает источником развития предпринимательства. Те, кто вовлечен в самозанятость, обладают потенциалом для проявления предпринимательской активности и чаще, по сравнению с остальными, склонны к организации своего бизнеса [21]. Оговоримся, что в данном исследовании самозанятость и самозанятые используются как синонимичные, близкие по содержанию понятия. Первое – характеризует социально-экономическое явление, второе – тех, кто вовлечен в самозанятость и соответствует характеристикам.

Другая позиция о соотношении понятий свидетельствует о том, что самозанятость как понятие по своему содержанию шире, чем предпринимательство. Это проявляется в том, что всех, не являющихся наемными работниками, относят к самозанятым. В свою очередь в состав последних включают предпринимателей [27], причем как использующих наемный труд, так и не использующих его. Схожая позиция распространена и в том случае, когда применяется методология Международной организации труда (МОТ), в рамках которой среди самозанятых рассматривают как индивидуальных предпринимателей, которые не применяют наемный труд, так и тех, кто является участником некорпоративного сектора и использует наемный труд, а также, например, членов производственных кооперативов¹². *Подчеркнем, что из всего приведенного перечня именно представителей первой группы чаще идентифицируют как самозанятых.* В отношении использования и неиспользования наемного труда и тем самым выделения самозанятых схожей с обозначенной представляется позиция М. С. Токсанбаевой со ссылкой на методологические положения по статистике 1996 г. В ее трактовке к самозанятым относят работодателей, использующих наемный труд на постоянной основе, и тех, кто либо обходится без наемного труда, либо применяет его нерегулярно и в малых количествах. В их число входят занятые индивидуально, в хозяйствах семейного типа, на предприятиях с коллективной формой собственности. *К самозанятым в собственном смысле этого слова относят тех, кто не является работодателем* [28].

В рамках использования такой позиции в контексте идентификации данной группы населения зачастую речь идет о том, что возникают проблемы с выделением ее границ, а это, в свою очередь, приводит к разночтениям по поводу социально-экономического содержания данной категории [27]. В связи с этим придерживаемся позиции в отношении необходимости использования подхода, в рамках которого обозначаются четкие разграничения между этими понятиями.

¹² Indicator description: Employment by status in employment // ILOSTAT. URL: <https://ilostat.ilo.org/>

[resources/concepts-and-definitions/description-labour-force-statistics](https://ilostat.ilo.org/resources/concepts-and-definitions/description-labour-force-statistics) (дата обращения: 21.12.2022).

Характеризуя рассматриваемые понятия, подчеркнем следующее: с юридической точки зрения предприниматели имеют возможность найма работников, в то время как самозанятым это запрещено. Тем самым один из важных аспектов заключается в самостоятельном обеспечении себя работой. В то время как для предпринимателей установлен один размер платежей для налогов и взносов, для самозанятых ставки по этим платежам снижены, существуют также особенности в регистрации обозначенных форм. Наряду с указанными аспектами, следует подчеркнуть, что у самозанятых функции распоряжения собственностью не отделены от функций владения ею. Еще один важный момент, который подчеркивается в исследовании, проведенном М. С. Токсанбаевой [28], связан с рассмотрением самозанятости как альтернативы наемному труду в части проблемы отчуждения труда и решения вопросов, касающихся мотивации.

По нашему мнению, в современных условиях самозанятость, с одной стороны, выступает в качестве официально зарегистрированной формы трудовой деятельности и является важной составляющей структуры малого и среднего предпринимательства. С другой стороны, самозанятость может быть рассмотрена как альтернатива безработице. Для многих наемных работников, которые лишились рабочих мест, самозанятость становится скорее вынужденным, чем добровольным выбором. Возможности для ее распространения возрастают в ситуациях, когда происходит ухудшение экономической конъюнктуры. В таком случае небольшие производители в ряде ситуаций демонстрируют меньшую зависимость от материальных и инвестиционных затрат и обладают более стойким «иммунитетом» к негативным изменениям конъюнктуры.

Принимая во внимание то обстоятельство, что самозанятость выступает в качестве составляющей сектора малого и среднего предпринимательства, далее представим результаты анализа развития ее основных показателей в сравнении с другими составными частями рассматриваемого предпринимательского сектора, опираясь на методологические аспекты.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Малое и среднее предпринимательство выступает динамичным и подверженным изменениям сектором российской экономики. С нашей точки зрения, сектор самозанятости должен рассматриваться как важная составляющая МСП. Возникает вопрос: какие предпосылки обуславливают использование такого подхода? Это связано с близкой природой рассматриваемых понятий. Так, в теоретическом разделе нами был сделан вывод о близости по своим сущностным характеристикам самозанятости к предпринимательству. Показано, что для самозанятости и для предпринимательства характерно наличие схожих черт, связанных с направленностью на получение прибыли, инициативностью, склонностью рисковать. М. С. Токсанбаева со ссылкой на методологические положения по статистике 1996 г. к самозанятым относит имеющих собственное дело, поэтому по роду деятельности и правовому положению относит их к предпринимательскому «сословию» [28].

Исследование самозанятости в контексте развития малого и среднего предпринимательства осуществлялось с применением комплексного методического подхода, основанного как на изучении теоретических аспектов развития института самозанятости путем использования методов анализа, синтеза, обобщения и сравнения, так и на анализе практических аспектов путем использования статистических и социологических методов. Реализация подхода предполагала организацию полного цикла научного исследования, начиная с разработки теоретических основ по изучаемому направлению и заканчивая выявлением условий, которые влияли бы на регистрацию в качестве самозанятого, определением мер поддержки, а также их доступности и эффективности.

В работе применялся принцип от «общего к частному». На первом этапе исследования была охарактеризована общая ситуация в предпринимательском секторе, представлена структура субъектов предпринимательства, проведен анализ самозанятых граждан. Наряду с исследованием количественных

аспектов представлен анализ качественных с использованием данных социологических исследований. В рамках второго этапа анализа акцент был сделан на исследование факторов, влияющих на вовлеченность в предпринимательство и самозанятость. Вместе с тем внимание было уделено рассмотрению вопросов, связанных с предоставляемыми органами власти мерами поддержки для предпринимателей и самозанятых.

Специфика исследования связана с проведением анализа как в территориальном разрезе, так и в динамике. Временной промежуток исследования составлял с 2010 по 2021 г. Это обусловлено необходимостью учета того, как восстанавливалась экономика и сектор предпринимательства после кризисных явлений 2008 г., и важностью рассмотрения современной экономической ситуации.

В исследовании использовались труды ведущих отечественных и зарубежных ученых, нормативно-правовые акты Российской Федерации, Федеральной налоговой службы и Департамента финансов Вологодской области. Анализировалась структура субъектов МСП, численность занятых в субъектах МСП, изменение количества самозанятых в динамике и территориальном разрезе. В исследовании внимание обращено на анализ показателей в разрезе Российской Федерации, а также на примере Северо-Западного федерального округа (СЗФО) в целом и его регионов. Более углубленный анализ проводился с использованием данных социологических исследований как федерального, так и регионального уровня.

В отношении применения в исследовании данных социологических опросов отметим, что принимались во внимание последние доступные данные как на федеральном (данные НАФИ за 2022 г., ВЦИОМ за 2019 г.), так и на региональном (данные ФГБУН ВолНЦ РАН за 2021 г.) уровне:

- данные мониторинга, проведенного сотрудниками НАФИ в 2022 г. среди российских предпринимателей, – собраны у 500 собст-

венников бизнеса, первых лиц компаний и индивидуальных предпринимателей¹³;

- данные социологического опроса населения «Качество занятости и человеческое развитие», проведенного сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН в 2021 г. Объектом исследования в Вологодской области выступило экономически активное население в возрасте от 18 до 74 лет, в том числе индивидуальные предприниматели и самозанятые. Общий объем выборочной совокупности по Вологодской области составляет 1500 респондентов;

- данные социологического опроса российских предпринимателей, проведенного в 2019 г. ВЦИОМ, в отношении современных условий, факторов и рисков, оказывающих влияние на ведение бизнеса в стране, а также перспектив в этой сфере¹⁴. Данные собраны методом телефонных интервью 500 представителей российского бизнеса.

Рассмотрение данных по Вологодской области обусловлено тем, что социологические исследования носят тематический характер и зачастую не осуществляются на регулярной основе.

С использованием перечисленных данных проведена оценка предпринимателями ведения бизнеса и возникающих рисков, влияющих на готовность зарегистрироваться в качестве самозанятых или индивидуальных предпринимателей, и направлений для улучшения условий ведения бизнеса, представлена оценка мер государственной поддержки бизнеса.

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ СЕКТОРА САМОЗАНЯТЫХ В РОССИИ

В России за период 2010–2021 гг. общее число субъектов МСП возросло более чем на 2,2 млн субъектов (на 61%). В СЗФО этот показатель увеличился почти на 300 тыс. субъектов (56%), а в Вологодской области его рост составил чуть менее 14 тыс. субъектов (71%). В то же время динамика развития сектора за два последних года (2020–

¹³ *Бизнес в новых условиях: результаты социально-экономического мониторинга НАФИ в 1 полугодии 2022 года.* URL: <https://nafi.ru/projects/predprinitelstvo/biznes-v-novykh-usloviyakh> (дата обращения: 22.08.2022).

¹⁴ *Бизнес в России: взгляд изнутри: аналитический обзор* // ВЦИОМ. 11.07.2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/biznes-v-rossii-vzglyad-iznutri> (дата обращения: 22.08.2022).

2021) в силу нестабильности внешней среды была отрицательной как в целом по стране, так и в подавляющем большинстве субъектов¹⁵. Так, в Вологодской области число субъектов МСП снизилось в 2021 г. относительно 2020 г. на 1,1 тыс. ед.

Сокращение числа малых и средних предприятий и рост количества микропредприятий и ИП наблюдались как на уровне страны и федерального округа, так и в Вологодской области (табл. 1).

Согласно майскому указу Президента РФ¹⁶, к 2024 г. численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая ИП, должна составить 25 млн человек. В качестве одного из инструментов достижения поставленной задачи рассматривается «легализация тех, кто работает в тени», путем расширения режима для самозанятых¹⁷.

Начиная с 2015 г. на федеральном уровне происходило снижение численности занятых в субъектах МСП. Аналогичная ситуация выявлена на уровне СЗФО, где в период с 2010 по 2020 г. данная группа населения увеличивалась, но с 2021 г. сложился противоположный тренд: наблюдалось снижение более чем на 100 тыс. человек. Схожая картина и в Вологодской области: в 2010–2020 гг. число занятых увеличилось на 18,2 тыс. человек, однако в 2021 г. произошло резкое сокращение численности трудящихся на 8,1 тыс. человек (табл. 2).

На фоне показанного в табл. 2 снижения занятых в субъектах МСП наблюдался стремительный рост самозанятых. По данным ФНС, в июне 2022 г. по сравнению с январем 2020 г. количество самозанятых в России увеличилось с 1,5 до 5 млн человек (табл. 3).

Таблица 1. Структура субъектов МСП СЗФО в 2010 и 2021 гг., тыс. ед.

Table 1. Structure of SMEs in NWFD in 2010 and 2021, thousand units

Территория	Всего		Субъект МСП							
			микро		малое		среднее		ИП	
	2010	2021	2010	2021	2010	2021	2010	2021	2010	2021
РФ	3 583,7	5 839	1 415,2	2 097,4	229,1	186,0	25,2	17,6	1 914,3	3 538,0
СЗФО	375,4	675,4	193,4	277,1	27,8	24,2	2,9	2,2	151,3	371,9
Республика Карелия	16,5	25,6	6,4	10,3	1,2	0,7	0,1	0,0	8,8	14,6
Республика Коми	26,1	25,2	9,9	7,6	1,5	0,7	0,1	0,1	14,7	16,8
Архангельская область	28,1	35,5	10,1	10,6	1,7	1,1	0,2	0,1	16,1	23,8
Вологодская область	34,0	47,9	12,3	21,0	2,2	1,4	0,2	0,1	19,3	25,4
Калининградская область	38,1	55,3	20,4	24,2	2,0	1,7	0,1	0,1	15,6	29,3
Ленинградская область	29,4	68,9	10,8	17,7	2,0	1,8	0,3	0,2	16,1	49,1
Мурманская область	19,4	24,4	7,7	8,3	1,4	0,6	0,1	0,1	10,2	15,4
Новгородская область	17,4	20,3	5,7	6,2	1,1	0,7	0,1	0,1	10,5	13,3
Псковская область	15,7	20,5	4,3	7,1	1,2	0,8	0,1	0,0	10,1	12,6
г. Санкт-Петербург	150,9	351,8	105,8	164,1	13,6	14,8	1,5	1,4	30,0	171,6

Источник: Малое и среднее предпринимательство в России – 2015 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b15_47/Main.htm (дата обращения: 22.05.2022); Единый реестр субъектов малого предпринимательства // Федеральная налоговая служба. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 22.05.2022).

¹⁵ Единый реестр малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 10.07.2022).

¹⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» //

Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 14.07.2022).

¹⁷ Назарова К. Сбербанк оценил долю занятых в малом и среднем бизнесе // РБК. 22.07.2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2019/5d3594ee9a79478645ac1102> (дата обращения: 06.07.2022).

Таблица 2. Численность занятых в субъектах МСП (без учета самозанятых), тыс. чел.**Table 2.** The number of the employed in SMEs (excluding the self-employed), thousand people

Территория	Год					
	2010 ¹⁾	2015 ²⁾	2019 ³⁾	2020	2021	2022 (на 10.06)
РФ	17 615,2	18 436,1	15 357,0	15 509,8	14 638,7	14 573
СЗФО	1 366,0	1 496,2	1 874,8	1 899,6	1 785,2	1 776
Республика Карелия	58,7	55,5	58,4	57,4	54,4	54,6
Республика Коми	78,4	65,0	68,5	64,7	62,1	61,4
Архангельская область	92,3	89,4	99,6	93,4	85,7	85,2
Вологодская область	109,9	99,0	127,1	128,1	120,0	119,4
Калининградская область	102,7	108,4	143,4	147,7	139,0	138,5
Ленинградская область	104,3	109,3	150,3	162,3	157,9	157,7
Мурманская область	64,3	53,3	51,2	50,8	46,6	46,9
Новгородская область	55,0	47,5	55,0	55,0	52,9	52,5
Псковская область	60,4	54,1	60,5	60,4	57,0	57,0
г. Санкт-Петербург	640,0	814,7	1 060,8	1 079,9	1 009,6	1 003,0

Источник: ¹⁾ Малое и среднее предпринимательство в России – 2015 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b15_47/Main.htm (дата обращения: 22.05.2022); ²⁾ Малое и среднее предпринимательство в России – 2017 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b17_47/Main.htm (дата обращения 26.06.2022); ³⁾ Единый реестр малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 10.07.2022).

Примечание: за 2010 и 2015 гг. представлены значения средней численности работников МСП, за 2019–2022 гг. – сумма ССЧ, занятых у МСП, за исключением вновь созданных юридических лиц.

Таблица 3. Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», чел.**Table 3.** Information about the number of the self-employed citizens with their status recorded and special tax regime “Professional Income Tax” applied, pers.

Территория	Год			2022/2020, раз
	31.12.2020	31.12.2021	31.05.2022	
Российская Федерация	1 603 638	3 862 114	4 994 720	3,1
СЗФО	160 601	430 462	542 760	3,4
Республика Карелия	3 683	12 471	16 109	4,4
Республика Коми	3 416	12 025	14 989	4,4
Архангельская область	3 621	12 708	16 508	4,6
Вологодская область	4 414	15 619	20 751	4,7
Калининградская область	8 926	27 654	35 460	4,0
Ленинградская область	19 810	45 793	56 610	2,9
Мурманская область	3 738	12 342	15 676	4,2
Новгородская область	2 607	9 633	13 118	5,0
Псковская область	2 757	9 528	12 795	4,6
Санкт-Петербург	107 239	271 903	339 827	3,2

Источник: Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Федеральная налоговая служба. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 05.07.2022).

По данным ФНС, ежедневный прирост самозанятых превышает 8 тыс. человек. Данная тенденция еще раз убедительно показывает высокую «чувствительность» к изменениям внешних условий функционирования малых форм бизнеса. Тренд, который был запущен благодаря введению налога на профессиональный доход, можно сформулировать следующим образом: за три последних года наблюдается «переток» из ИП в самозанятые (на уровне примерно 10%); фактически число самозанятых в стране стало выше числа ИП¹⁸; созданы предпосылки для выхода «из тени» самозанятых граждан. По данным ФНС, «абсолютное число зарегистрировавшихся самозанятых ранее не имели официальных доходов от деятельности, а у 40% вообще не было официальных доходов за год до постановки на учет»¹⁹.

Среди субъектов Северо-Западного федерального округа наибольший прирост данной группы населения зафиксирован в Новгородской и Вологодской областях: в 5 раз (до значения 13,1 тыс. человек) и в 4,7 раза (до значения 20,8 тыс. человек) соответственно.

Характеризуя деятельность самозанятых в стране, ФНС приводит следующие цифры за период с 2019 г.²⁰:

- зарегистрировано доходов на сумму 1,1 трлн руб.;
- общий доход самозанятых в день составляет более 2 млрд руб.;
- уплачено 40 млрд руб. налогов;
- основные виды деятельности – услуги такси, доставка товаров, аренда квартир, ремонтные и маркетинговые услуги, а также продажа продукции собственного производства.

В Вологодской области рассматриваемый сектор обеспечил достижение показателей²¹:

- суммарный доход самозанятых граждан на 1 января 2022 г. составил 2,1 млрд руб.;
- суммарный доход на 1 самозанятого – 171 тыс. руб. в год;

- сумма налога на 1 самозанятого – 6,7 тыс. руб. в год;

- поступление налога на профессиональный доход в 2021 г. в фонд ОМС – 22 млн руб. (37%), в региональный бюджет – 37,5 млн руб. (63 %);

- наиболее распространенные виды деятельности самозанятых – услуги по перевозке пассажиров, грузов, парикмахерские и косметические услуги, строительные и отделочные работы, ИТ-сфера, дизайн, продукция собственного производства, репетиторство.

Таким образом, анализ статистических данных свидетельствуют о динамичном развитии сектора самозанятых, который сопоставим с индивидуальными предпринимателями, а также о наличии потенциала его дальнейшего роста. Самозанятость вносит вклад в решение как экономических, так и социальных задач. Так, формирование данного сектора способствует увеличению налоговой базы государства, позволяет вовлечь людей в предпринимательство и тем самым обеспечивает занятость части населения.

УСЛОВИЯ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА САМОЗАНЯТЫМИ

Обратимся к факторам, воздействующим на ведение бизнеса в России. Ухудшение делового климата в стране оказывает негативное влияние на развитие сектора самозанятых. Реализация закрепленных в нормативно-правовых актах положений, адресных мер господдержки не позволяет принципиальным образом изменить ситуацию. Решение данного вопроса должно предполагать «существенное изменение условий для ведения предпринимательской деятельности»²².

Производственные, социальные, институциональные условия оказывают влияние на развитие бизнес-среды, на осуществление предпринимательской деятельности [20; 30].

¹⁸ Индивидуальный предприниматель тоже может быть самозанятым.

¹⁹ Самозанятые вышли из тени // Коммерсантъ. URL: <https://special.kommersant.ru/pandemic/rocket.html> (дата обращения: 06.07.2022).

²⁰ В России зарегистрировались 5 млн самозанятых // ФНС. 06.06.2022. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/12258990 (дата обращения: 05.07.2022).

²¹ Статистика // Центр поддержки самозанятых граждан «Самозанятость в РФ. Защита прав самозанятых». URL: <https://sznpd.ru/statistika> (дата обращения: 21.12.2022).

²² Назарова К. Сбербанк оценил долю занятых в малом и среднем бизнесе // РБК. 22.07.2019 URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2019/5d3594ee9a79478645ac1102> (дата обращения: 05.07.2022).

Учет институциональных аспектов, территориальной специфики в контексте достижения результативности предпринимательской деятельности осуществляется во многих работах [31]. При характеристике территориальной специфики затрагиваются вопросы региональных особенностей, региональной дифференциации предпринимательства (структура экономики, институциональная среда, уровень экономического развития регионов и др.), детерминирующих уровень его развития. Среди факторов, способствующих или препятствующих развитию предпринимательства, рассматривается отраслевая структура экономики, анализируются и другие аспекты.

Исследование условий, оказывающих воздействие на предпринимательство, проводится с опорой на результаты как национальных, так и региональных исследований. По данным опроса ВЦИОМ российских предпринимателей о современных условиях, факторах и рисках, влияющих на ведение бизнеса, суммарно в 71% случаев условия для ведения бизнеса в нашей стране характеризуются как неблагоприятные. Среди наиболее неблагоприятных факторов респонденты выделяют: уровень благосостояния населения (50% опрошенных), распространенность коррупции (48%), монополизация рынка (41%) и др.²³

Ведение предпринимательской деятельности зависит и от внешних шоков, среди которых санкционное давление на бизнес. Несмотря на отрицательный прогноз динамики показателей, в материалах НАФИ отмечается рост значений индекса делового климата в предпринимательской среде²⁴ с – 19,8 (март 2022 г.) до 4,7 пунктов (начало мая 2022 г.)²⁵.

При переходе от интегральных показателей к дифференциальным отметим краткосрочное (январь – начало февраля 2022 г.) улучшение оценок предпринимателями теку-

щего финансового положения (превышение положительных оценок над отрицательными – 36 против 22%). Однако с начала марта 2022 г. перспективы развития бизнеса чаще стали характеризоваться как негативные (в 40% случаев финансовое состояние предприятий характеризовалось как «скорее плохое»), что было обусловлено нарастанием неопределенности социально-экономической среды²⁶.

Несмотря на восприимчивость самозанятых к изменению условий ведения деятельности, в том числе финансовых, они чаще наемных работников склонны к реализации предпринимательских намерений. Предпосылками могут становиться меньшие по сравнению с предпринимателями издержки на организацию своей деятельности (налог достигает 4% на доходы от работы с физическими лицами вместо 6% по УСН «доходы») [32]. Наряду с этим существует возможность льготного кредитования и получения других видов поддержки со стороны государства²⁷. Склонность к реализации предпринимательских намерений у самозанятых подтверждается с использованием данных исследования РАНХиГС: категорически против открытия своего дела заявляли 61,7% предпринимателей против 34,4% – среди самозанятых. В свою очередь, это может трактоваться как своего рода «резерв» пополнения предпринимательства в связи с большей по сравнению с остальными проявленностью предпринимательских намерений²⁸.

Если склонность к проявлению предпринимательских намерений у самозанятых выражена, то возникает вопрос о том, при каких условиях деятельность будет легализована. Региональные данные, в частности результаты социологического опроса «Качество занятости и человеческое развитие», проведенного сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН в 2021 г., позволяют такие условия выделить. Среди них

²³ *Бизнес в России: взгляд изнутри: аналитический обзор* // ВЦИОМ. 11.07.2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/biznes-v-rossii-vzglyad-iznutri> (дата обращения: 22.08.2022).

²⁴ Индекс делового климата NBCI (NAFI Business Climate Index) основывается на данных опроса 500 предпринимателей сегмента МСБ. Индекс рассчитывается как среднее геометрическое значение по балансовым оценкам текущей ситуации и будущих ожиданий и может принимать значения в диапазоне от –100 до 100 пунктов.

²⁵ *Бизнес в новых условиях: результаты социально-экономического мониторинга НАФИ в 1 полугодии*

2022 г. URL: <https://nafi.ru/projects/predprinimatelstvo/biznes-v-novykh-usloviyakh> (дата обращения: 22.08.2022).

²⁶ Там же.

²⁷ *Смирнова С. Вытащить из тени: самозанятым добавляют финансовых льгот* // Известия. 12.12.2020. URL: <https://iz.ru/1098606/sofia-smirnova/vytashchit-iz-teni-samozaniatym-dobavjat-finansovykh-lgot> (дата обращения: 11.08.2022).

²⁸ *Блейман Н. Экономика малых дел. Как государство стимулирует предпринимательство* // РБК. URL: <https://plus.rbc.ru/specials/malyj-i-srednij-biznes-gospodderzhka-predprinimatelstva-v-rossii> (дата обращения: 05.07.2022).

прежде всего можно назвать снижение налоговых ставок, предоставление налоговых каникул и государственной поддержки (табл. 4).

Схожие «посылы» по снижению налоговых ставок и предоставлению кредитных каникул встречаются у предпринимательского сообщества в целом, о чем свидетельствуют результаты социально-экономического мони-

торинга НАФИ²⁹ в I полугодии 2022 г. (табл. 5). Подчеркивается значимая (в 70% случаев) для предпринимательского сообщества роль налоговых послаблений, практически в 40% случаев отмечается важность предоставления льгот и различных субсидий, в то время как другие направления мер поддержки отмечаются как менее полезные для ведения деятельности.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «При каких условиях Вы были бы готовы зарегистрироваться в качестве самозанятого или индивидуального предпринимателя?»

Table 4. Distribution of answers to the question “What are the most favorable terms and conditions for you to register as a self-employed person or individual entrepreneur?”

Вариант ответа	Вологодская область
Снижение налоговых ставок	40,9
Предоставление налоговых каникул на начальный период деятельности	34,1
Затрудняюсь ответить	31,8
Дополнительная государственная поддержка в условиях кризиса и непредвиденных ситуациях, таких как пандемия коронавируса	29,5
Расширение возможностей льготной аренды земли и помещений	20,5
Расширение возможностей льготного кредитования	13,6
Дополнительное социальное страхование	4,5
Другое	4,5

Источник: данные опроса «Качество занятости и человеческое развитие» (ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021).

Примечания: 1) значения приведены в % от числа тех, кто не зарегистрирован официально в качестве СЗ или ИП и не планирует в ближайшее время (*values are in % of those who are not officially registered as a self-employed person or individual entrepreneur and do not plan to in the near future*); 2) сумма строк выше 100 %, так как респондент мог выбирать несколько вариантов ответа.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных мер поддержки могут быть полезными для вашего бизнеса в текущей ситуации?», % от всех опрошенных

Table 5. Distribution of answers to the question “What support measures from the list can be useful for your business in the current situation?”, % of all respondents

Вариант ответа	РФ
Налоговые послабления – отсрочка (отмена) по уплате налогов, снижение страховых взносов	70
Льготное кредитование	43
Субсидии на зарплату	38
Субсидии на аренду	38
Бесплатное обучение для предпринимателей	24
Поддержка инновационного предпринимательства	22
Выдача микрозаймов для бизнеса	22
Выдача поручительств и гарантий для обеспечения займов, кредитов	21
Экспортная поддержка	18
Консультационные услуги в центрах «Мой бизнес»	17
Проведение мастер-классов для предпринимателей и обучение	16
Другое	5
Ни одна мера государственной поддержки не сможет оказаться полезной для моего бизнеса	4

Источник: Бизнес в новых условиях: результаты социально-экономического мониторинга НАФИ в 1 полугодии 2022 года. URL: <https://nafi.ru/projects/predprinimatelstvo/biznes-v-novykh-usloviyakh> (дата обращения: 22.08.2022).

Примечание. Сумма ответов выше 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

²⁹ Исследования проводились с января по май 2022 г. путем опросов представителей микропредприятий, малого и среднего бизнеса всех основных отраслей экономики во всех федеральных округах РФ.

Респонденты – собственники бизнеса, первые лица компаний и индивидуальные предприниматели. В каждой волне мониторинга опрошены 500 человек, в том числе с помощью В2В-панели НАФИ «Голос бизнеса».

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, предоставление мер государственной поддержки по 5-балльной шкале, где 1 – наименьший, а 5 – наибольший уровень»

Table 6. Distribution of answers to the question “Please assess the accessibility of state support measures on a 5-point scale with 1 being the lowest score, 5 – the highest score”

Вариант ответа, балл	Государственная поддержка			
	доступность		эффективность	
	Субъекты МП	СЗ	Субъекты МП	СЗ
1	21,7	21,3	23,2	21,3
2	15,9	16,9	12,1	15,0
3	16,9	13,0	15,9	14,0
4	13,5	11,6	13,0	9,7
5	11,6	10,1	11,6	10,1
Затрудняюсь ответить	20,3	27,1	24,2	30,0
Средний	2,7	2,6	2,7	2,6

Примечание. Приведены данные по Вологодской области.

Источник: данные опроса «Качество занятости и человеческое развитие» (ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021).

Среди препятствий для вовлеченности в самозанятость – невысокая осведомленность о мерах государственной поддержки. Например, в соответствии с результатами исследования НАФИ, в 58% случаев отсутствует осведомленность о мерах господдержки и лишь

каждый третий знаком с теми направлениями поддержки, которые предоставляются³⁰. Подобное явление получает свое распространение не только на уровне страны, но и на уровне регионов. Например, в Вологодской области в соответствии с результатами исследования «Качество занятости и человеческое развитие» (ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021) о доступности информации о мерах государственной поддержки бизнеса на уровне 4–5 баллов по пятибалльной шкале заявлял каждый третий, о доступности самих мер – каждый пятый (табл. 6). Как доступность, так и эффективность мер поддержки характеризовались как близкие к среднему уровню, причем оценки у самозанятых по данным позициям были чуть ниже, чем у субъектов малого предпринимательства.

Несмотря на барьеры, существующие в отношении перехода на самозанятость, у нее есть определенные преимущества по сравнению с вовлеченностью в индивидуальное предпринимательство. Ниже представлены результаты сравнительного анализа, свидетельствующие о менее высоких «барьерах входа» в деятельность для самозанятых, чем, например, для ИП. Это проявляется в отсутствии издержек на регистрацию, в более низких налоговых ставках, в отсутствии необходимости ведения налогового учета, в добровольном характере страховых взносов и др. (табл. 7).

Таблица 7. Различия между ИП и самозанятыми

Table 7. Difference between an individual entrepreneur and a self-employed

Критерий для сравнения	ИП на УСН с объектом «доходы»	Самозанятый без статуса ИП
Регистрация	Лично с госпошлиной 800 руб. или через интернет бесплатно. Срок регистрации – 3 рабочих дня	Бесплатно. Срок регистрации – в день подачи заявления
Лимит годового дохода, млн руб.	219,2	2,4
Налоговая ставка	6% (но может быть другой – от 0 до 8%)	4% – доходы от физлиц, 6% – от юрлиц
Страховые взносы	Обязательны на ОПС и ОМС. В 2022 г. – 43 211 руб. + 1% от доходов, превышающих 300 000 руб.	По желанию
Онлайн-касса	Обязательна, если покупатели – физлица и деятельность не позволяет работать без кассы	Не нужна
Налоговый учет	Надо заполнить книгу учета доходов и расходов, раз в год сдавать декларацию	Нет
Налоговые вычеты	При УСН ежегодный вычет на сумму взносов на ОПС и ОМС	Один вычет в размере 10 000 руб. до достижения лимита

Источник: Радов В. Плюсы и минусы перехода на самозанятость. Кому выгодно платить НПД // Тинькофф журнал. 14.11.2022. URL: <https://journal.tinkoff.ru/guide/pro-contra-samozanyatost/> (дата обращения: 05.07.2022).

³⁰ Блейман Н. Экономика малых дел.

Таблица 8. Недостатки от перехода к самозанятым в зависимости от типа занятости**Table 8.** Disadvantages arising from the transition to self-employment by the type of employment

Недостаток	Наемный работник	Фрилансер	Владелец своего бизнеса	Еще никогда не работал(-а)
Не начисляется рабочий стаж и пенсия	55	61	56	55
Нет пособий на случай болезни и ухода в декрет	45	43	37	42
Нужно платить налог ежемесячно	28	31	30	27
Не во всех регионах можно зарегистрироваться в качестве самозанятого	21	26	31	22
Ограничение по доходу (не больше 2,4 млн руб. в год)	24	25	34	26
Запрещено иметь наемных работников	24	23	32	23
Нельзя перейти на самозанятость, если занимаешься перепродажей готовой продукции, посреднической деятельностью или добычей полезных ископаемых	20	18	27	17
Затрудняюсь ответить	18	13	7	20
Не вижу минусов	4	5	4	4
Другое	3	3	3	3

Источник: Самозанятые в 2022 году: виды деятельности для самозанятых граждан, кто может перейти на спецрежим, ограничения, чем заниматься, алгоритм расчет налога // InSales. 05.01.2022. URL: <https://www.insales.ru/blogs/university/samozanyatyie-2022> (дата обращения: 05.07.2022).

Несмотря на преимущества, которые включаются в практически полном отсутствии «входных барьеров», существуют и недостатки. Среди них связанные с ограничениями по отдельным социальным гарантиям и выплатам, таким как отсутствие пособий по болезни и уходу в декрет и другим аспектам (табл. 8). Наиболее остро стоит вопрос социальной защищенности самозанятых, в частности необязательного характера пенсионных отчислений для этой группы населения. Второй проблемой становится поиск мотивации к официальной регистрации трудящихся, для которых самозанятость не является основным источником дохода.

Обобщая, следует отметить, что условия для ведения бизнеса в нашей стране в большинстве случаев характеризуются как неблагоприятные, усиливает напряженность ухудшение внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Самозанятые оказываются чувствительны к таким изменениям внешней среды.

Результаты анализа условий ведения бизнеса свидетельствуют о том, что на склонность к предпринимательству оказывают влияние финансовые аспекты, связанные с наличием

материальных ресурсов, наряду с этим внимание уделяется вопросам налогообложения и предоставления разного рода льгот. В этом плане склонность к самозанятости может возрасти, поскольку требования рассматриваемого режима предполагают невысокие издержки на регистрацию, отсутствие необходимости ведения налогового учета, низкие налоговые ставки и др.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ САМОЗАНЯТОСТИ

По оценкам специалистов Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ, рынок самозанятых в стране потенциально достигает 8 млн человек (порядка 11 % от всего занятого населения)³¹. Исследователи РАНХиГС оценивают потенциальное количество самозанятых на уровне 16–17 млн человек (22,4 % экономически активного населения страны)³², что выше общей текущей численности занятых в субъектах МСП страны.

Среди факторов, обуславливающих быстрое распространение данной группы населения, – изменение специального налогового режима для самозанятых, повышение грани-

³¹ Рынок услуг самозанятых граждан: доклад / Институт государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/442787036.pdf> (дата обращения: 05.07.2022).

³² Самозанятые в экономике: взаимовыгодное сотрудничество? / РАНХиГС. URL: <https://www.ranepa.ru/news/camozanyatyie-v-ekonomike-vzaimovyygodnoe-sotrudnichestvo/> (дата обращения: 05.07.2022).

цы доходов (свыше 2,4 млн руб.), которые учитываются при регистрации в качестве самозанятых, расширение сфер деятельности (доставка товаров, ремонтные и маркетинговые услуги и др.) и увеличение территориального охвата. В последнем случае речь идет о распространенности этого режима для трудоустроенных в России, но приехавших из стран СНГ (на текущий момент самозанятыми могут являться не имеющие вида на жительство резиденты ЕАЭС)³³.

Несмотря на наличие причин, которые влияют на распространение самозанятых, многие аспекты продолжают сохранять дискуссионный характер. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований. Например, в соответствии с результатами онлайн-опроса самозанятых – продавцов российских маркетплейсов, проведенного в октябре 2021 г. и охватившего 1241 самозанятого, каждый третий респондент отмечал нехватку установленных ограничений, три из четырех заявляли о доходах ниже установленного лимита в 500 тыс. руб.³⁴

Одна из проблем связана с оптимизацией налоговой нагрузки вследствие найма самозанятых. Возможность заключения гражданско-правовых договоров с самозанятыми приводит к необходимости оплаты организациями НДФЛ и страховых взносов, а самих самозанятых – перечислений в бюджет 6% от полученного дохода. Кроме того, для организаций существует еще один барьер, связанный с невозможностью найма самозанятых в тех случаях, когда они уже являлись сотрудниками у данных работодателей за два года до текущего момента. Это обстоятельство может выступить одним из ограничителей для распространенности самозанятости населения. Еще одним «ограничителем» могут являться невысокие доходы самозанятых. Так, было показано, что среднемесячный доход самозанятого в Вологодской области составляет чуть более 14 тыс. руб. В качестве другой проблемы, которая может возникать, можно указать необходимость прохождения процедуры обязательной маркировки и сертификации товара. В 67% случаев участники

онлайн-опроса самозанятых – продавцов российских маркетплейсов – отмечали, что они сталкиваются с подобными проблемами. У половины опрошенных, которые работают на маркетплейсах, возникает необходимость в использовании дополнительных сервисов, которые связаны с предоставлением логистических, банковских услуг, кредитов и др. Создание условий для решения обозначенных проблем со стороны органов государственной власти будет способствовать преодолению существующих барьеров. В свою очередь, это может стать причиной для более масштабного распространения самозанятости населения.

Таким образом, мы можем сказать, что самозанятость является одним из наиболее динамично развивающихся секторов российской экономики. Однако перспективы развития самозанятости в России являются достаточно дискуссионным вопросом, при рассмотрении которого необходимо учитывать основные аспекты перехода в данный статус.

С одной стороны, самозанятыми могут становиться люди, которые не имеют официального дохода, следовательно, налоговая база будет увеличиваться, а масштабы теневого сектора снижаться. С другой стороны, число самозанятых может увеличиваться за счет граждан, которые предпочли данный вид трудовой деятельности другому, например, по причине сниженной налоговой ставки. Рассматриваемый вид занятости имеет значительное количество ограничений, однако постоянный прирост числа самозанятых позволяет характеризовать эксперимент как успешность. По нашему мнению, в среднесрочной перспективе эта тенденция сохранится.

РИСКИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ СЕКТОРА САМОЗАНЯТЫХ

Самозанятость как трудовая деятельность может вестись как в легальном, так и в теневом секторе экономики. Исследователи Н. В. Тонких и А. В. Бабинцева проанализировали возможные риски деятельности самозанятых в каждом из секторов эко-

³³ Агеева О. Счетная палата предложила варианты улучшения налога для самозанятых // РБК. 10.12.2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/12/>

2020/5fd0b2179a79474c2b46121c (дата обращения: 05.07.2022).

³⁴ Там же.

номики. Среди них мы можем отметить такие: отсутствие пенсионных начислений и социальных гарантий, отсутствие официального трудового стажа и возможности пользоваться льготами, предусмотренными для самозанятых, а также фактическое нарушение закона и следующая за этим ответственность для самозанятых из теневого сектора экономики. Среди проблем и рисков для легально действующих самозанятых выделяются следующие: пенсионные и социальные отчисления ложатся на плечи самозанятых, запрет на оказание услуг бывшему работодателю в течение двух лет, ограничение максимального дохода [27].

Исследователи В. И. Прусова, Н. В. Казизкая и Т. И. Мешкова при анализе развития института самозанятости в России обращают внимание на риски, которые могут возникать у граждан, использующих специальный налоговый режим. Среди рисков выделяют два основных: во-первых, затрудненная процедура контроля со стороны организации деятельности статуса самозанятого своего контрагента, во-вторых, массовый перевод компаниями своих работников в категорию самозанятых с целью сокращения расходов [33].

Итак, несмотря на достаточное количество преимуществ специального налогового режима, он не лишен недостатков и рисков. В первую очередь исследователи выделяют вопросы пенсионного и медицинского страхования, социальной защиты самозанятых. Помимо указанных рисков, мы можем выделить отсутствие выплат при потере трудоспособности в результате несчастного случая, а также отсутствие жестких мер безопасности при выполнении такой категорией граждан работ с фактором риска для жизни и здоровья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании представлены основные подходы к трактовке предпринимательства и самозанятости, выделены их особенности и общие характеристики. Самозанятость, имеющая свои особенности, рассмотрена как вид предпринимательской

деятельности, соответственно, институт самозанятости охарактеризован как составная часть сектора малого и среднего предпринимательства. Показано, что деятельность самозанятых как категории трудящихся способствует удовлетворению спроса в части необходимых товаров и услуг, увеличению налоговых поступлений в бюджет, снижению уровня теневой занятости и безработицы, развитию предпринимательской инициативы населения и решению социальных и экономических задач. Проведена оценка развития этого сектора как на страновом, так и на региональном уровне. На основе анализа социологических и статистических данных определен объем сектора самозанятых, представлена динамика его развития, выявлены возникающие барьеры и обозначены перспективы роста.

Каждый самозанятый может считаться предпринимателем, но не каждый предприниматель – самозанятым. Как было показано, самозанятые имеют черты предпринимателей как таковых (например, обладают инициативностью, склонностью к риску, направленностью на извлечение прибыли и др.). Тем не менее не все предприниматели могут стать самозанятыми. Это в некоторой степени обусловлено наличием ограничений для самозанятых, которые связаны с размером их ежемесячного дохода (не более 2,4 млн руб.), невозможностью найма работников, ограничением сфер деятельности, в которых проявляют себя самозанятые³⁵.

В исследовании показано, что предпринимательство и самозанятость чувствительны к изменению внешней среды, которая ухудшается вследствие внешнеполитической обстановки. Большинство предпринимателей охарактеризовали условия для ведения бизнеса как неблагоприятные. Определено, что склонность населения к предпринимательству и самозанятости связана с наличием ресурсов, в первую очередь финансовых, с особенностями системы налогообложения, а также с наличием и доступностью льгот и мер поддержки.

Анализ института самозанятости позволил сделать вывод о его динамичном разви-

³⁵ Сопина Д. Самозанятый или ИП: что выбрать и чем отличаются // ПланФакт. 07.06.2021. URL: [https://](https://planfact.io/blog/posts/samozanyatyj-ili-ip-chto-vybrat-chastnomu-specialistu)

planfact.io/blog/posts/samozanyatyj-ili-ip-chto-vybrat-chastnomu-specialistu (дата обращения: 12.08.2022).

тии и имеющемся потенциале роста. Реализация этого потенциала связана с созданием комфортных условий, связанных с низкой ставкой налога на прибыль, облегченными процедурами регистрации и документооборота, предоставлением возможности получения налогового вычета. Несмотря на обозначенные положительные стороны, специальный налоговый режим не лишен недостатков, среди которых отсутствие социальной защищенности, ограничения в доходе и видах деятельности.

Полученные выводы и основные положения могут быть использованы органами государственной и региональной власти при разработке мероприятий, направленных на обеспечение эффективного функционирования и стабильного развития сектора самозанятости в России. Важное место, как показано в работе, должно отводиться изучению условий, которые предопределяют осуществление деятельности самозанятыми, выявлению тех условий, которые способствуют или, напротив, препятствуют активности самозанятых. Отдельного внимания заслуживают вопросы, связанные с доступностью мер поддержки, их полезностью и эффективностью и для предпринимателей как таковых, и для самозанятых. Мониторинг обозначенных аспектов имеет принципиальную важность для органов власти, занимающихся вопросами предпринимательства как на федеральном, так и на региональном уровне.

Вклад авторов в исследование формирования сектора самозанятых на региональном уровне с позиций условий и перспектив заключается в следующем: выделение подходов, позволяющих провести сопоставительный анализ понятий «предпринимательство» и «самозанятость»; определение общих и отличительных черт между понятиями по результатам этого анализа (среди последних возможность найма у предпринимателей и отсутствие такой возможности у самозанятых, более низкий размер налогов и взносов для предпринимателей по сравнению с самозанятыми и др.); апробация инструментария социологического исследования, позволяющего провести оценку предпринимателями условий ведения деятельности, воздействующих

на предпринимательство рисков, а также оценить меры государственной поддержки предпринимательства и выявить направления для совершенствования предпринимательской деятельности.

Наряду с этим в работе были выявлены тенденции в секторе предпринимательства и самозанятости, связанные, с одной стороны, с сокращением малых и средних предприятий, а с другой – с увеличением микропредприятий и ИП, ростом количества самозанятых. Определены причины, обуславливающие распространенность самозанятых, среди которых, в частности, невысокие «барьеры входа» (отсутствие издержек на регистрацию, более низкие налоговые ставки, отсутствие необходимости ведения налогового учета, добровольный характер страховых взносов и др.) для самозанятых по сравнению с ИП. Проведен анализ доступности информации о мерах государственной поддержки предпринимательства. Определено, что и доступность, и эффективность мер поддержки характеризуются на среднем уровне. Приведены факторы, которые оказывают воздействие на склонность к осуществлению предпринимательской деятельности, такие как наличие финансовых ресурсов, вопросы налогообложения и предоставления льгот. Практическая значимость проведенного исследования заключается в определении доступности и эффективности принимаемых органами власти мер, направленных на поддержку предпринимательского сообщества в целом и самозанятых в частности, в выявлении факторов, которые оказывают не только способствующее, но и препятствующее воздействие на осуществление деятельности. Представленные выводы в отношении мер поддержки предпринимательства могут быть использованы органами власти и управления для обоснования и корректировки принимаемых решений. Еще одно направление использования представленных результатов – образовательный процесс: информация о выявленных в ходе анализа проблемах и мероприятиях по их преодолению может быть использована в преподавании курсов, которые связаны с экономикой предпринимательства и экономикой труда.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках госзадания № FMGZ-2022-0002 на тему «Методы и механизмы социально-экономического развития регионов России в условиях цифровизации и четвертой промышленной революции».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Максимович Л. В. Самозанятость населения в российской экономике: формирование и регулирование: дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2006. 180 с.
2. Veselovsky M. Ya., Suglov A. E., Abrashkin M. C., Khoroshavina N. S., Stepanov A. A. Managing Russian science-intensive enterprises in the emerging new technological paradigm // *International Review of Management and Marketing*. 2016. Vol. 5. P. 16–22.
3. Камарова Т. А. Понятия, виды и формы «нестандартной занятости», нормативно-правовая основа их применения // *Human Progress*. 2015. Т. 1, № 1. С. 1–16.
4. Громова А. С. Отношение к риску, предпринимательство и самозанятость // *Экономический журнал ВШЭ*. 2021. Т. 25, № 2. С. 263–291. doi: [10.17323/1813-8691-2021-25-2-263-291](https://doi.org/10.17323/1813-8691-2021-25-2-263-291)
5. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Динамика структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 43 с.
6. Грабова О. Н., Суглобов А. Е. Проблемы выхода «из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления // *Экономика. Налоги. Право*. 2017. Т. 10, № 6. С. 108–116.
7. Демеуова Г. Т., Спанов М. У., Спанова Е. М. Анализ развития самозанятости в странах Европейского союза и США // *Вестник Университета международного бизнеса*. 2015. № 3 (37). С. 4–11.
8. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Рутинность и риски автоматизации на российском рынке труда. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 44 с.
9. Макаров Е. И. Самозанятость. Преимущества и недостатки, выявленные в ходе эксперимента по введению налога на профессиональный доход в 2018–2020 гг. СПб.: СПбГУП, 2022. 32 с.
10. Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В., Иноземцева А. В. Безработица и самозанятость: ожидания и реалии (по материалам социологических исследований) // *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 11 (129). С. 22–31. doi: [10.24158/tipor.2018.11.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2018.11.3)
11. Leibus I., Ozola I., Irmeja A. Role of self-employment in the sustainable economic development // *Human Resources – the Main Factor of Regional Development*. 2010. Vol. 3.
12. Noorderhaven N., Thurik R., Wennekers S., Stel A. The Role of Dissatisfaction and per Capita Income in Explaining Self-Employment across 15 European Countries // *Entrepreneurship Theory & Practice*. 2004. Vol. 28, iss. 5. P. 447–466. doi: [10.1111/j.1540-6520.2004.00057.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2004.00057.x)
13. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
14. Герасимов П. П. К вопросу об экономической сущности и содержании предпринимательства // *Альманах современной науки и образования*. 2013. № 8 (75). С. 53–56.
15. Хоскинг А. Курс предпринимателя. М.: Международные отношения, 1993. 352 с.
16. Чистякова О. В. Исследование процессов современного предпринимательства // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2010. № 2. С. 94–98.
17. Корсун Т. А. Предпринимательство как сфера реализации способностей собственников в современных условиях // *Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления*. 2016. № 6 (63). С. 125–131.
18. Викулина В. В., Вотчель Л. М., Ахмеджанова Т. А. Противоречивость как источник функционирования и развития предпринимательской деятельности // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2016. № 1. Р. 19–23. doi: [10.18323/2221-5689-2016-1-19-23](https://doi.org/10.18323/2221-5689-2016-1-19-23)
19. Хафизов Д. Ф., Хисматуллин М. М., Исайчева Е. С. Сущность и значение предпринимательства в условиях институциональных преобразований // *Вестник Казанского государственного аграрного университета*. 2013. № 1 (27). С. 55–58.
20. Семенова Т. А., Чуднов И. А. Правовое регулирование самозанятости: советский опыт и современные реалии // *Правоведение*. 2017. Т. 61, № 4. С. 137–157.
21. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Регулирование деятельности самозанятых граждан // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2020. № 1. С. 60–85.
22. Абрамова Е. А. Кризисная самозанятость в России: классификация, структура и уровни развития // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. 2012. № 4 (32). С. 6–15.

23. Крылова Е. Г. Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом // Юрист. 2017. № 6. С. 11–15.
24. Бурлак А. В. К вопросу о понятии «самозанятые граждане» // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4 (49). С. 173–177.
25. Землянухина С. Г., Землянухина Н. С. Система экономических отношений в сфере самозанятости населения России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, № 2. С. 126–133. doi: [10.18500/1994-2540-2018-18-2-126-133](https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-2-126-133)
26. Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11, no. 4. P. 23–32. doi: [10.17323/2500-2597.2017.4.23.32](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2017.4.23.32)
27. Тонких Н. В., Бабинцева А. В. Исследование самозанятости населения в Российской Федерации: общие и частные проблемы // Вестник Омского университета. Экономика. 2020. Т. 18, № 1. С. 172–183. doi: [10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).172-183](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).172-183)
28. Токсанбаева М. С. Самозанятость и ее противоречия // Экономическая наука современной России. 1998. № 3. С. 32–45.
29. Mason C., Brown R. Entrepreneurial ecosystems and growth-oriented entrepreneurship. Paris: OECD., 2014. 38 p.
30. Stam E. Entrepreneurial ecosystems and regional policy: A sympathetic critique // European Planning Studies. 2015. Vol. 23, iss. 9. P. 1759–1769. doi: [10.1080/09654313.2015.1061484](https://doi.org/10.1080/09654313.2015.1061484)
31. Gancarczyk M., Kopora S. Exploring the Governance of Entrepreneurial Ecosystems for Productive High Growth // Foresight and STI Governance. 2021. Vol. 15, no. 4. P. 9–21. doi: [10.17323/2500-2597.2021.4.9.21](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.4.9.21)
32. Васькова А. Д. Самозанятость в Российской Федерации: анализ и прогнозирование эффективности введения налога на профессиональный доход // Сила систем. 2019. № 3 (12). С. 32–41.
33. Прусова В. И., Казицкая Н. В., Мешкова Т. И. Налог для самозанятых: проблемы и перспективы // Экономика и бизнес. 2022. № 3-2 (85). С. 98–101. doi: [10.24412/2411-0450-2022-3-2-98-101](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-3-2-98-101)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Светлана Викторовна Теребова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом проблем научно-технологического развития и экономики знаний, Вологодский научный центр Российской академии наук (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а); svetlana-ter@mail.ru

Ксения Александровна Устинова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, зав. лабораторией инновационной экономики отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний, Вологодский научный центр Российской академии наук (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а); ustinova-kseniya@yandex.ru

Иван Алексеевич Крюков – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а); ivan.kryukov.1974@mail.ru

ACKNOWLEDGEMENTS

The work was performed as a part of a state task No. FMGZ-2022-0002 titled «Methods and mechanisms of Russia's social economic regional development in the context of digitalization and the fourth industrial revolution».

REFERENCES

1. Maksimovich L. Vs. *Samozanyatost' naseleniya v rossiiskoi ekonomike: formirovanie i regulirovanie*. Dis.kand. ekon. nauk [Inhabitants' self-employment in the Russian economy: Development and regulation. Cand. econ. sci. diss.]. Saratov, 2006. 180 p. (In Russian).
2. Veselovsky M. Ya., Suglovov A. E., Abrashkin M. C., Khoroshavina N. S., Stepanov A. A. Managing Russian science-intensive enterprises in the emerging new technological paradigm. *International Review of Management and Marketing*, 2016, vol. 5, pp. 16–22.
3. Kamarova T. A. Ponyatiya, vidy i formy «nestandartnoi zanyatosti», normativno-pravovaya osnova ikh primeneniya [Concepts, types, and forms of “non-standard employment”, regulatory and law grounds for their application]. *Human Progress*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 1–16. (In Russian).

4. Gromova A. S. Otnoshenie k risku, predprinimatel'stvo i samozanyatost' [Risk attitude, entrepreneurship and self-employment]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [HSE Economic Journal], 2021, vol. 25, no. 2, pp. 263–291. (In Russian). doi: [10.17323/1813-8691-2021-25-2-263-291](https://doi.org/10.17323/1813-8691-2021-25-2-263-291)
5. Gimpel'son V. E., Kapelyushnikov R. I. *Dinamika struktury rabochikh mest v Rossii: polarizatsiya, uluchshenie, zastoi?* [Dynamics in the structure of working places in Russia: Polarization, improvement, stagnation?]. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2022. 43 p. (In Russian).
6. Grabova O. N., Suglovov A. E. Problemy vykhoda «iz teni» samozanyatykh lits v Rossii: riski i puti ikh preodoleniya [The problems of “de-shadowing” of self-employed people in Russia: Risks and coping mechanisms]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxation. Law], 2017, vol. 10, no. 6, pp. 108–116. (In Russian).
7. Demeuova G. T., Spanov M. U., Spanova E. M. Analiz razvitiya samozanyatosti v stranakh Evropeiskogo soyuza i SSHA [Analysis of the development of self-employment in the European Union and the United States]. *Vestnik Universiteta mezhdunarodnogo biznesa* [Vestnik of University of International Business], 2015, no. 3 (37), pp. 4–11. (In Russian).
8. Gimpel'son V. E., Kapelyushnikov R. I. *Rutinnost' i riski avtomatizatsii na rossiiskom rynke truda* [Automation routine and risks at the Russian labor market]. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2022. 44 p. (In Russian).
9. Makarov E. I. *Samozanyatost'. Preimushchestva i nedostatki, vyyavlennyye v khode eksperimenta po vvedeniyu naloga na professional'nyi dokhod v 2018–2020 gg* [Self-Employment. Advantages and Drawbacks Revealed in the Experiment with an Income Tax in 2018–2020]. Saint Petersburg, SPbGUP Publ., 2022, 32 p. (In Russian).
10. Volovskaya N. M., Plyusnina L. K., Rusina A. V., Inozemtseva A. V. Bezrobotitsa i samozanyatost': ozhidaniya i realii (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Unemployment and self-employment: Expectations and realities (based on sociological surveys)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2018, no. 11 (129), pp. 22–31. (In Russian). doi: [10.24158/tipor.2018.11.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2018.11.3)
11. Leibus I., Ozola I., Irmeja A. Role of self-employment in the sustainable economic development. *Human Resources – the Main Factor of Regional Development*, 2010, vol. 3.
12. Noorderhaven N., Thurik R., Wennekers S., Stel A. The Role of Dissatisfaction and per Capita Income in Explaining Self-Employment across 15 European Countries. *Entrepreneurship Theory & Practice*, 2004, vol. 28, iss. 5, pp. 447–466. doi: [10.1111/j.1540-6520.2004.00057.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2004.00057.x)
13. Schumpeter I. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of Economic Development]. Moscow, Progress Publ., 1982. 455 p. (In Russian).
14. Gerasimov P. P. K voprosu ob ekonomicheskoi sushchnosti i sodержanii predprinimatel'stva [Economic nature and content of entrepreneurship]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2013, no. 8 (75), pp. 53–56. (In Russian).
15. Hosking A. *Kurs predprinimatel'stva* [Entrepreneurship Course], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1993. 352 p. (In Russian).
16. Chistyakova O. V. Issledovanie protsessov sovremennogo predprinimatel'stva [Process analysis of modern entrepreneurship]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [Bulletin of Irkutsk State Economic Academy], 2010, no. 2, pp. 94–98. (In Russian).
17. Korsun T. A. Predprinimatel'stvo kak sfera realizatsii sposobnostei sobstvennikov v sovremennykh usloviyakh [Entrepreneurship as a sphere of owners' abilities realization in modern conditions]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniya* [ESSUTM Bulletin], 2016, no. 6 (63), pp. 125–131. (In Russian).
18. Vikulina V. V., Votchel' L. M., Akhmedzhanova T. A. Protivorechivost' kak istochnik funktsionirovaniya i razvitiya predprinimatel'skoi deyatel'nosti [Contrariety as the source for operation and development of a business]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management], 2016, no. 1, pp. 19–23. (In Russian). doi: [10.18323/2221-5689-2016-1-19-23](https://doi.org/10.18323/2221-5689-2016-1-19-23)
19. Khafizov D. F., Khismatullin M. M., Isaicheva E. S. Sushchnost' i znachenie predprinimatel'stva v usloviyakh institutsional'nykh preobrazovaniy [Essence and significance of entrepreneurship in institutional reforms]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Vestnik of Kazan State Agrarian University], 2013, no. 1 (27), pp. 55–58. (In Russian).
20. Semenova T. A., Chudnov I. A. Pravovoe regulirovanie samozanyatosti: sovetskii opyt i sovremennyye realii [Legal regulation of self-employment: Soviet experience and modern realities]. *Pravovedenie* [Pravovedenie], 2017, vol. 61, no. 4, pp. 137–157. (In Russian).
21. Pokida A. N., Zygunovskaya N. V. Regulirovanie deyatel'nosti samozanyatykh grazhdan [Regulation of self-employed citizens' activity]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues], 2020, no. 1, pp. 60–85. (In Russian).

22. Abramova E. A. Krizisnaya samozanyatost' v Rossii: klassifikatsiya, struktura i urovni razvitiya [Crisis self-employment in Russia: Classification, structure and development levels]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie* [Modern High Technologies. Regional Application], 2012, no. 4, pp. 6–15. (In Russian).
23. Krylova E. G. Osobennosti ekonomicheskogo regulirovaniya predprinimatel'skoi deyatelnosti samozanyatykh v Rossii i za rubezhom [Specifics of economic regulation of business of self-employed persons in Russia and abroad]. *Yurist* [Jurist], 2017, no. 6, pp. 11–15. (In Russian).
24. Burlak A. V. K voprosu o ponyatii «samozanyatyte grazhdane» [To a question about the concept of “self-employed citizens”]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Herald of Omsk University. Series “Law”], 2016, no. 4 (49), pp. 173–177. (In Russian).
25. Zemlyanukhina S. G., Zemlyanukhina N. S. Sistema ekonomicheskikh otnoshenii v sfere samozanyatosti naseleniya Rossii [The system of economic relations in the sphere of self-employment of the population of Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Izv. Saratov University (N.S.), Ser. Economics. Management. Law], 2018, vol. 18, no. 2, pp. 126–133. (In Russian). doi: [10.18500/1994-2540-2018-18-2-126-133](https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-2-126-133)
26. Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy. *Foresight and STI Governance*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 23–32. doi: [10.17323/2500-2597.2017.4.23.32](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2017.4.23.32)
27. Tonkikh N. V., Babintseva A. V. Issledovanie samozanyatosti naseleniya v Rossiiskoi Federatsii: obshchie i chastnye problemy [Research of population's self-employment in the Russian Federation: General and private problems]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ekonomika* [Herald of Omsk University. Series “Economics”], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 172–183. (In Russian). doi: [10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).172-183](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).172-183)
28. Toksanbaeva M. S. Samozanyatost' i ee protivorechiya [Self-employment and its contradictions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 1998, no. 3, pp. 32–45. (In Russian).
29. Mason C., Brown R. *Entrepreneurial Ecosystems and Growth-oriented Entrepreneurship*. Paris, OECD, 2014. 38 p.
30. Stam E. Entrepreneurial ecosystems and regional policy: A sympathetic critique. *European Planning Studies*, 2015, vol. 23, iss. 9, pp. 1759–1769. doi: [10.1080/09654313.2015.1061484](https://doi.org/10.1080/09654313.2015.1061484)
31. Gancarczyk M., Konopa S. Exploring the Governance of Entrepreneurial Ecosystems for Productive High Growth. *Foresight and STI Governance*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 9–21. doi: [10.17323/2500-2597.2021.4.9.21](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.4.9.21)
32. Vas'kova A. D. Samozanyatost' v Rossiiskoi Federatsii: analiz i prognozirovaniye effektivnosti vvedeniya naloga na professional'nyi dokhod [Self-employment in Russian Federation: Analysis of forecasting of effectiveness of professional income tax's establishment]. *Sila sistem* [System Power], 2019, no. 3 (12), pp. 32–41. (In Russian).
33. Prusova V. I., Kazitskaya N. V., Meshkova T. I. Nalog dlya samozanyatykh: problemy i perspektivy [Tax for the self-employed: Problems and prospects]. *Ekonomika i biznes* [Journal of Economy and Business], 2022, no. 3-2 (85), pp. 98–101. (In Russian). doi: [10.24412/2411-0450-2022-3-2-98-101](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-3-2-98-101)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana Viktorovna Terebova – Doctor of Sciences (economics), Associate Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of Scientific and Technological Development and Economics of Knowledge, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky st., Vologda, 160014, Russia); svetlana-ter@mail.ru

Ksenia Aleksandrovna Ustinova – Candidate of Sciences (economics), Senior Researcher, Head of the Laboratory of Innovative Economy at the Department of Scientific and Technological Development Problems and Economics of Knowledge, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky st., Vologda, 160014, Russia); ustinova-kseniya@yandex.ru

Ivan Alekseevich Kryukov – Research Engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky st., Vologda, 160014, Russia); ivan.kryukov.1974@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.09.2022, принята к печати 09.11.2022

Received September 19, 2022; accepted November 09, 2022

РАЗДЕЛ II. ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ,
ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ

УДК 338.467.6, ББК 65.497.7, JEL Code R33
DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-453-473

© Караваева Н. М., Гончарова Н. В.,
Дайнеко Л. В., Юрасова И. И., 2022

РЕДЕВЕЛОПМЕНТ И РЕКОНЦЕПЦИЯ
ИЗБЫТОЧНОЙ ТОРГОВОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

Наталья Михайловна Караваева

ORCID ID: [0000-0002-1886-6836](https://orcid.org/0000-0002-1886-6836), Researcher ID: [AAJ-1164-2021](https://orcid.org/AAJ-1164-2021), n.m.karavaeva@urfu.ru

Наталья Вадимовна Гончарова

ORCID ID: [0000-0001-8133-8289](https://orcid.org/0000-0001-8133-8289), Researcher ID: [AAJ-1611-2021](https://orcid.org/AAJ-1611-2021), n.v.goncharova@urfu.ru

Людмила Владимировна Дайнеко

ORCID ID: [0000-0003-0062-2611](https://orcid.org/0000-0003-0062-2611), Researcher ID: [AAJ-1076-2021](https://orcid.org/AAJ-1076-2021), l.v.daineko@urfu.ru

Инна Игоревна Юрасова

ORCID ID: [0000-0001-7611-9030](https://orcid.org/0000-0001-7611-9030), Researcher ID: [AAJ-1583-2021](https://orcid.org/AAJ-1583-2021), i.i.iurasova@urfu.ru

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19)

Аннотация. Перенасыщение рынка торговой недвижимости вынуждает собственников и инвесторов задумываться об изменении концепции существующих объектов под потребности нового поколения посетителей. Целью исследования является анализ современного состояния рынка торговой недвижимости г. Екатеринбурга для решения проблемы избыточных площадей морально устаревших торговых центров и адаптации их к запросам потребителей поколений Y и Z, позволяющих обозначить перспективные направления речедевелопмента и реконцепта морально устаревшей торговой недвижимости в торгово-спортивно-культурно-развлекательные центры. К наиболее существенным результатам, характеризующим научную новизну исследования, можно отнести следующие: проведен анализ состояния рынка коммерческой недвижимости в России за период 2019–2022 гг., розничной торговли Свердловской области за период 2017–2021 гг., крупнейших торговых и торгово-развлекательных центров г. Екатеринбурга по дате открытия, общей и торговой площади, категории, наличию парковки, фуд-корта, кинотеатра, игровых зон и т.д.; систематизированы основные недостатки морально устаревших торговых центров с точки зрения потребителей нового поколения; для обоснования необходимости создания торгово-спортивно-культурно-развлекательных центров проведен анализ имеющихся в г. Екатеринбурге объектов для организации досуговых мероприятий по таким направлениям, как концертно-гастрольная и образовательно-досуговая деятельность, организация спортивных мероприятий; предложена концепция речедевелопмента потерявшего актуальность объекта в центр досуга, развлечений и культурного отдыха, удовлетворяющего потребностям поколений Y и Z; выявлен тренд на развитие культурно-развлекательных объектов; разработано финансово-экономическое обоснование проекта речедевелопмента и доказана эффективность его реализации. Перспективы исследований связаны с более подробным анализом перепрофилирования устаревших торговых центров под объекты индустрии развлечений, востребованные у поколений Y и Z, с целью устранения недостатков существующей методики ее оценки.

Ключевые слова: речедевелопмент, торгово-развлекательная недвижимость, экономическая эффективность, реконцепт, теория поколений, коммерческая недвижимость, экономическая эффективность проекта, торговый центр

Для цитирования:

Караваева Н. М., Гончарова Н. В., Дайнеко Л. В., Юрасова И. И. Речедевелопмент и реконцепция избыточной торговой недвижимости // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2022. Т. 17, № 4. С. 453–473. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-453-473

REDEVELOPMENT AND RECONCEPTION OF SURPLUS RETAIL PROPERTY

Natalia M. Karavaeva

ORCID ID: [0000-0002-1886-6836](https://orcid.org/0000-0002-1886-6836), Researcher ID: [AAJ-1164-2021](https://orcid.org/AAJ-1164-2021), n.m.karavaeva@urfu.ru

Natalia V. Goncharova

ORCID ID: [0000-0001-8133-8289](https://orcid.org/0000-0001-8133-8289), Researcher ID: [AAJ-1611-2021](https://orcid.org/AAJ-1611-2021), n.v.goncharova@urfu.ru

Liudmila V. Daineko

ORCID ID: [0000-0003-0062-2611](https://orcid.org/0000-0003-0062-2611), Researcher ID: [AAJ-1076-2021](https://orcid.org/AAJ-1076-2021), l.v.daineko@urfu.ru

Inna I. Yurasova

ORCID ID: [0000-0001-7611-9030](https://orcid.org/0000-0001-7611-9030), Researcher ID: [AAJ-1583-2021](https://orcid.org/AAJ-1583-2021), i.i.iurasova@urfu.ru

Ural Federal University (19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia)

Abstract. The retail real estate market is oversaturated. This forces the owners and investors to reconsider the design of the existing facilities to meet the needs of new visitors. The purpose of the research is to re-evaluate the commercial real estate market in Yekaterinburg to solve the problem of excessive outdated shopping areas and to adjust them to the needs of Y and Z consumers. This can reveal the promising areas for redevelopment and reconception of outdated commercial real estate in shopping, sports, cultural, and entertainment centers. The most significant results characterizing the scientific novelty of the study are as follows: the commercial real estate market in Russia was analyzed for the period 2019–2022, retail trade in Sverdlovsk region was examined for the period 2017–2021, the largest shopping and entertainment malls in Yekaterinburg were assessed by their opening date, total and retail area, category, availability of parking space, food court, cinema, gaming zones, etc.; the key drawbacks of outdated shopping malls were systematized from the perspective of new generation consumers; the authors analyzed the facilities available in Yekaterinburg for organizing leisure events in the areas such as concerts and touring, educational and leisure activities, sports events to justify the need for SECs; the concept of redeveloping an irrelevant site into a leisure, entertainment and cultural recreational center was proposed, with the center satisfying the needs of Y and Z generations; the trend for the development of cultural and entertainment facilities was identified; the redevelopment project was financially and economically reasoned; and its efficiency was proven. Further research is associated with a more detailed analysis of outdated shopping mall redevelopment into the entertainment sites which are popular among Y and Z generations. This can fill the gaps in the existing methods of its evaluation.

Keywords: *redevelopment, retail and entertainment real estate, economic efficiency, redevelopment, re-concept, generation theory, commercial real estate, economic efficiency of the project, shopping center*

For citation:

Karavaeva N. M., Goncharova N. V., Daineko L. V., Yurasova I. I. Redevelopment and reconception of surplus retail property. *Perm University Herald. Economy*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 453–473. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-453-473

ВВЕДЕНИЕ

За последние 20 лет развитие торговой недвижимости в России претерпело значительные изменения. В начале 2000-х гг. в России начался бум строительства торговых центров (ТЦ) и торгово-развлекательных центров (ТРЦ) в первую очередь в городах-миллионниках. Резкий спрос на торговую недвижимость привел к тому, что строительство торговых центров стремительно росло и к 2022 г. их площади составили около 30 млн кв. м. Но в последние несколько лет особенно

остро наблюдается усиление конкуренции среди ТРЦ за привлечение арендаторов из-за стагнации экономики и снижения спроса со стороны торговых операторов на торговые площади. В России после ухода западных компаний до 30% выросло количество свободных площадей в торгово-развлекательных центрах, посещаемость ТРЦ упала на 20%. На конец 2022 г. в банкротном и предбанкротном состоянии находятся уже не менее 200 торговых центров. В обозримом будущем

к ним могут прибавиться еще 70–100 объектов. На продажу выставлено свыше 20 моллов, но пока инвесторы не спешат приобретать такие объекты¹. Это связано с высокой степенью насыщенности торговыми площадями, постоянно растущей долей онлайн-торговли, ухода части иностранных компаний с рынка России и изменением поведенческого подхода к покупкам новых поколений потребителей, которые предпочитают различное окружение, в том числе с точки зрения организации городского пространства [1; 2]. Для собственников ТРЦ снижение поступлений от аренды и рост затрат на содержание ТРЦ влечет за собой банкротство и закрытие, что приведет к росту массовой безработицы, ухудшению качества жизни, усилению социальной напряженности и росту уровня преступности. Закрытие бизнесов отразится также на величине налоговых сборов (НДС, НДФЛ, налоги на прибыль и имущество и пр.) в бюджеты различных уровней. Опустевшие темные здания привнесут в городское пространство ощущение заброшенности и обветшалости. Все это в целом негативно отразится на качестве городской среды.

Данная статья посвящена проблеме использования избыточной торговой недвижимости, возникшей из-за морального и физического устаревания объектов торговой недвижимости и изменения потребностей нового поколения покупателей. Редевелопмент и реконцепт являются одним из вариантов решения данной проблемы [3].

В ближайшее время в России число объектов редевелопмента по всем направлениям коммерческой недвижимости будет неизбежно расти. Это не столько модный тренд, сколько вынужденная необходимость, адекватный ответ на задачи, стоящие перед различными стейкхолдерами рынка недвижимости: девелоперами, инвесторами, администрациями муниципалитетов и регионов, налоговыми структурами, жителями городов, туристами, арендаторами и покупателями и др. Редевелопмент позволяет из невостребованных и нерационально используемых территорий создать доходные проекты, обновить городскую ткань

[4] и повысить социальный уровень жизни горожан.

ОСОБЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ

Согласно теории поколений [5] у представителей различных поколений отличаются ценности, приоритеты и потребности, так как они подвержены влиянию различных внешних факторов (телевидение, СМИ и другие каналы передачи информации, технологическая развитость региона (страны), внедрение инноваций, уровень цифровизации, политическая обстановка в регионе (стране), демографические показатели, мода). Исследователи отмечают, что социальный характер поколений выступает основой сохранения общества в условиях кризисов, являясь выражением системы ориентаций (принципов, идеалов, убеждений) в социальном поведении. Благодаря внутренней социально-психологической устойчивости личности ее поведение также носит устойчивый характер в самых различных ситуациях [6]. Однако у российских исследователей теории поколений несколько отличается подход к разделению поколений на волны от традиционного деления поколений по Штраусу и Хоуфу – основоположников теории [5]. Так, Ю. А. Левада привязывает их к историческим событиям в нашей стране, рассматривая годы рождения поколения, сформировавшегося к этим событиям: поколение революционного перелома (1905–1930, родившиеся в 90-х гг. XIX в.); Сталинской мобилизационной системы (1930–1941, родившиеся около 1910 г.); военного и послевоенного периода (1943–1953, родившиеся в 1920–1928 гг.); «оттепели» (1953–1964, родившиеся в 1929–1943 гг.), «застоя» (1964–1985, родившиеся в 1944–1968 гг.), перестройки и реформ (1985–1999, родившиеся в конце 1960-х гг.) [7]. Следует отметить, что Ю. А. Левада рассматривает поколения, сформировавшиеся к историческим событиям, а не родившиеся в период этих событий. Российские исследователи отмечают, что Штраус и Хоуф мало опирались на эмпирические и социологические данные, а их выводы носят больше

¹ Широков А. Превратят в склад для маркетплейса: каждый второй ТЦ находится под угрозой закрытия //

Деловой квартал. 30.11.2022. URL: <https://www.dk.ru/news/237176575> (дата обращения: 30.11.2022).

художественный, чем научный характер [8]. Ю. В. Астахова отмечает, что представители пограничных поколений являются носителями ценностей, актуальных для двух поколений, выделяя «эхо»-поколения [9]. Н. П. Попов, критически анализируя адаптацию теории поколений к российским условиям, отмечает, что концепция радикального отличия каждого нового поколения в 20 лет не отменяет преемственности поколений [10], и предлагает не переносить формально условия формирования ценностей за рубежом в Россию. Так, традиционный период поколения бэби-бумеров (1943–1960) в России условно можно разделить на два подпериода: 1945–1953 гг. – поколение послевоенного периода и 1953–1964 гг. – поколение «оттепели» после смерти Сталина. Данный период для России отмечен покорением космоса, началом «холодной войны». В период поколения X (1964–1982) в России произошло много событий, сформировавших потребности данного поколения: продолжение «холодной войны», перестройка, появление СПИДа, война в Афганистане. Период поколения Y (1983–2001) в России характеризуется, с одной стороны, распростра-

нением компьютеров, мобильных телефонов, интернета, а с другой – распадом СССР, ГКЧП, первыми терактами. В период поколения Z (2002–2019) произошло много как трагических (захват террористами зрителей мюзикла «Норд-Ост», школы в Беслане, протестные акции), так и успешных (громкие аресты чиновников по коррупционным делам, политические реформы, проведение Олимпиады в Сочи, Чемпионата мира по футболу) событий. Период поколения Альфа только начинается, однако уже сейчас можно отметить, что к числу ключевых событий, определяющих будущие потребности данного поколения, относятся пандемия, которая перевела все процессы в онлайн-режим и явилась своеобразным триггером глобальной цифровизации, а также СВО на Украине, которая сопровождается мировым политическим, экономическим и продовольственным кризисами. В настоящей работе мы определили поколенческие диапазоны с примерно одинаковой продолжительностью – 18 лет – и воспользовались устоявшимися названиями поколений, характеристика которых представлена в табл. 1.

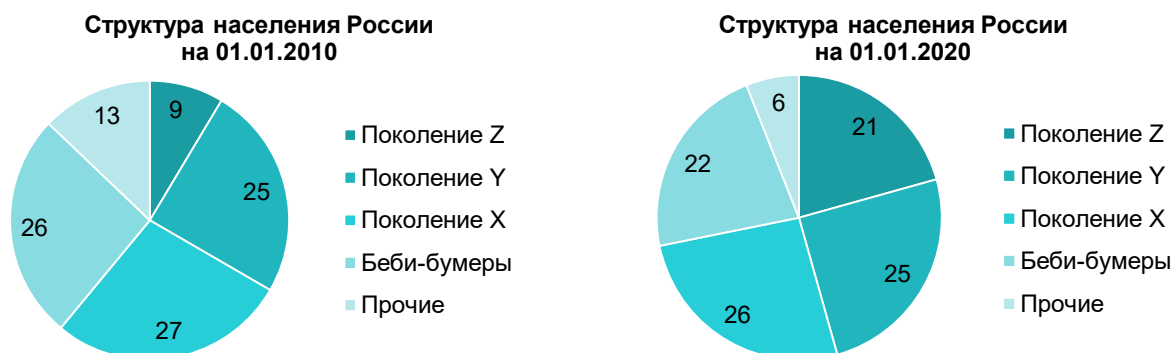
Таблица 1. Характеристика поколений

Table 1. Descriptions of the generations

Поколение	Характеристика
Бэби-бумеры (1945–1963 г. р.)	• Название поколения связано со всплеском рождаемости во всем мире после Второй мировой войны. • Считают важным образование, стремятся получить максимум того, что может предложить система. • Рано строят семью, ценят семейные отношения, уделяют много внимания духовным ценностям, предпочитают традиционные способы общения. • Работают ради карьеры и личного социального роста, высокий страх потери работы, чувствуют долг перед обществом, обладают ответственностью, как правило, являются трудолюбивыми, хорошо вливаются в коллектив, поддерживают командный дух. • Имеют консервативные взгляды, поддерживают идею уважения к более старшим по статусу и возрасту. • Отличаются крепким здоровьем и выносливостью, патриотичностью, умением все делать своими руками. • Первое поколение, которое выросло на телевидении, его представители проявляют интерес к телерекламе. • Предпочитают совершать обдуманные покупки, знают ценность вещей, думают о рациональном потреблении и наименее материалистичны
X (1964–1982 г. р.)	• Полностью интегрированы в рынок труда, готовы к изменениям. • Считают важным баланс между работой и личной жизнью. • Работают ради денег как источника благосостояния, склонны «выгорать» на работе. • Стремятся к развитию не только на работе, но и в личной жизни. • Надеются на себя, обладают технической грамотностью. • Были первыми, кто стал свидетелем внедрения интернета, мобильных телефонов и компьютеров.

Поколение	Характеристика
X (1964–1982 г. р.)	- Устойчивы к современным тенденциям. - Поддерживают альтруистические ценности компаний. - Предпочитают совершать покупки в одном месте, любят гипермаркеты, могут долго сравнивать разные товары, анализировать и раздумывать, прежде чем решиться на покупку
Y – «миллениалы» (1983–2001 г. р.)	- Сформированы технологиями и выросли в быстро меняющемся и высококонкурентном мире. - Низкий страх потери работы, с оптимизмом смотрят на свою карьеру, нацелены на результат и немедленное вознаграждение, при этом не готовы терпеть избыточно жесткие правила работодателей. - Постоянно находятся онлайн. - Беспокоятся о своем здоровье и принимают меры для его улучшения. - Готовы нестандартно мыслить, чтобы использовать все профессиональные возможности. - Проявляют большой интерес к изменению климата. - Часто делают покупки в интернете, ходят в торговые центры не только для шопинга, но и для развлечений. - Могут совершить покупки на эмоциях, но чаще все-таки проверяют информацию и сравнивают разные предложения
Z – «хоумлендеры» (2002–2019 г. р.)	- Верят в равенство и отсутствие дискриминации. - Положительная рабочая атмосфера имеет для них первостепенное значение, планируют работать ради удовольствия и реализации собственного предназначения. - Всегда на связи, используют мессенджеры и соцсети для связи с друзьями и близкими. - Оптимистичны. - Амбициозны. - Охотно тратят деньги на развлечения, гаджеты, одежду, образование, путешествия и все, что может подарить им впечатления
Альфа (рожденные после 2020 г.)	- Только формируются основные ценности. - Поколение, полностью погруженное в цифровое пространство и интернет, станет продолжением их существования

Источник: составлено авторами.

Источник: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 28.07.2022).

Рис. 1. Структура потребителей по поколениям в 2010 и 2020 гг., %

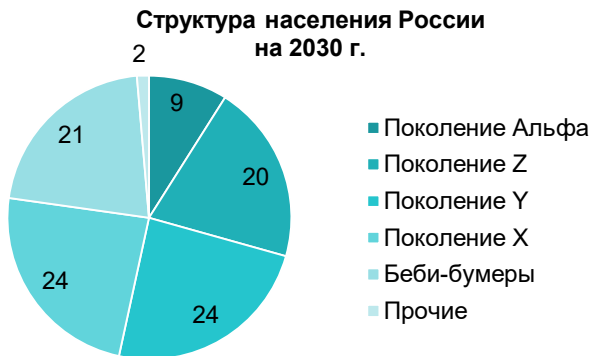
Fig. 1. Structure of consumers by generations in 2010 and 2020, %

Таким образом, разные поколения имеют особенности как потребительского поведения, так и его формы. В силу естественных причин структура потребителей разных поколений меняется, изменение структуры потре-

бителей в России за период с 2010 по 2020 г. представлено на рис. 1.

Прогноз структуры населения по возрастным группам в России к 2030 г. представлен на рис. 2. Следует отметить, что к 2030 г.

поколение Альфа не успеет сформироваться как самостоятельные платежеспособные покупатели, поэтому представлять их интересы, в том числе совершать покупки для них, будут более старшие поколения родственников – родители и бабушки (дедушки).

Источник: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (дата обращения: 30.11.2022).

Рис. 2. Прогноз структуры потребителей по поколениям в 2030 г., %

Fig. 2. Forecast of the structure of consumers by generations in 2030, %

Следуя логичному тренду, уже сейчас необходимо строить бизнес на ближайшие 10 лет, ориентируясь в большей степени на поколения Y и Z, а также на поколение Альфа, для которых цифровизация естественна. Для этих поколений доступ к сети Интернет и уровень заряда батареи настолько важны, что их можно отнести к базовым наряду с потребностями пирамиды А. Маслоу. Поэтому для большинства из них покупки онлайн не представляют никаких сложностей и являются обычным делом. По мнению маркетологов [11], следует различными способами информировать о товарах и услугах, зная характеристики и особенности поведения разных поколений. С этим согласны *Wiratno* и соавторы, которые, анализируя потребительское поведение поколений, отметили необходимость наполнения торговых центров большим количеством развлечений, досуга и организации питания [12]. *Dewanti* и *Indrajit*, изучая влияние характеристик разных поколений на онлайн-торговлю,

отметили, что онлайн-рынки выходят на новый уровень улучшения обслуживания клиентов, а не просто обновляют платформу для продаж [13]. М. В. Михалева, изучая модели покупательского поведения в зависимости от характеристик поколения, выявила сложность применения подхода поколений в модели покупателей в маркетинге [14].

Помимо характерных особенностей поведения «миллениалов» (поколение Y) и «хоумлендеров» (поколение Z), существенную роль в изменении потребительского поведения сыграла пандемия, во время которой очень многие процессы были переведены в онлайн, в том числе покупки, которые они предпочитают делать в интернете. Покупатели поколений Y и Z, как правило, ходят в торговые центры и для шоппинга, и для развлечений. Современные посетители торговых центров хотят не просто в одном месте купить необходимую одежду, обувь, технику, посуду, продукты, а качественно провести свободное время, посмотреть фильм, пообедать, развлечься, посетить лекцию или театральное представление, заняться спортом и т.д. При этом представители поколений Y и Z достаточно притязательны к качеству самого торгового центра, к набору, разнообразию и качеству предлагаемых услуг.

Изменение структуры потребителей задает тренд на изменение концепции морально устаревших торговых центров под потребности нового поколения посетителей [15].

СОСТОЯНИЕ РЫНКА КОММЕРЧЕСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

Россия

Следует отметить, что 2020–2021 гг. для коммерческой недвижимости были трудными: локдаун, пандемийные ограничения, введение обязательных QR-кодов, существенное падение трафика досуговой части торговых центров и др. Тем не менее, по данным аналитиков международной консалтинговой компании *Knight Frank*², общий объем предложения качественных торговых площадей в России в конце 2021 г.

² В 2021 году в России введен рекордный объем новых торговых площадей за пять лет – более 900 тыс. кв. м (по данным Knight Frank Research) // Logistics.ru.

URL: <https://logistics.ru/rityel/v-2021-godu-v-rossii-vveden-rekordnyy-obem-novykh-torgovykh-ploschadey-za-pyat-let-bolee-900> (дата обращения: 28.07.2022).

составил 29,96 млн кв. м. По данным исследователей, в 2021 г. был зафиксирован максимальный объем ввода в эксплуатацию новых площадей с 2017 г.: 35 новых торговых центров общей арендной площадью 901,8 тыс. кв. м, что на 49,3 и 3,6% выше показателя 2020 и 2019 гг. соответственно.

Аналитики компании «Деловой профиль» считают, что влияние пандемии на рынок коммерческой недвижимости было существенным и привело к падению трафика покупателей и высвобождению площадей. Однако торговые центры, ведущие активную работу с потребителями, оказались в выигрыше по сравнению с конкурентами³. С этим мнением солидарны И. Б. Стукалова и О. С. Токмачева, считающие, что феномен торговых центров заключается в эффекте синергии от возникновения в них комплекса полезностей для потребителей [16]. С этой точкой зрения согласны и аналитики *Colliers*⁴ в отчете по розничной торговле, проведенном в 13 странах Центральной и Восточной Европы. Они отмечают, что в течение последних нескольких лет происходит динамичное развитие индустрии развлечений в торговых центрах. Причем традиционно доминирующие в торговых центрах многозальные кинотеатры и фитнес-клубы постепенно дополняются детскими игровыми центрами, танцевальными студиями, боулингом, квестами, батутными парками, оздоровительными центрами и другими досуговыми активностями⁵. В исследовании особенностей торговой недвижимости в Великобритании аналитики *Colliers* выявили «кризис» розничной торговли, обусловленный ее переходом в онлайн и переходом от субурбанизации к повторному заселению городов за счет городов-

сателлитов. Таким образом, происходит переход физической торговли в формат «магазинов у дома», а традиционные торговые центры создают необходимую среду для местного сообщества, стараясь расширить охват посетителей, забрав их у конкурентов⁶.

Следует отметить, что в связи с западными санкциями и отсутствием зарубежных фильмов в прокате спрос на билеты в кинотеатры упал на 34% в июне–июле 2022 г. по сравнению с предыдущим годом (по данным аналитиков *CloudPayments*⁷), что может привести к закрытию большинства кинотеатров в торговых центрах. Массовый уход зарубежных брендов из России в 2022 г. также стимулирует необходимость поиска решения по актуализации простаивающих торговых площадей.

Свердловская область

Свердловская область является одним из крупнейших регионов и занимает 5-е место по численности населения среди субъектов РФ. По данным Министерства агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области⁸, в 2021 г. потребительский рынок обеспечивает занятость около 18,5% экономически активного населения, а также 13,7% валового регионального продукта и 19,3% налоговых поступлений. В табл. 2 приведены показатели розничной торговли Свердловской области за период 2017–2021 гг.

Анализ показывает, что темп роста розничной торговли в пандемийном 2020 г., по сравнению с предыдущим годом, в фактических ценах снизился на 6,6%, а в сопоставимых – на 9,6%, что объясняется снижением реальных доходов значительной части населения из-за закрытия некоторых отраслей (туризм, общественное питание, сфера услуг и развлечений)

³ *Коммерческая недвижимость 2021: как трансформировался рынок офисных и торговых помещений // Delovoy profil. 09.12.2021. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/kommercheskaya-nedvizhimost-2021-kak-transformirovalsya-rynok-ofisnykh-i-torgovykh-pomeshcheniy> (дата обращения: 28.07.2022).*

⁴ *Colliers. URL: <https://www.colliers.com/en-xe> (дата обращения: 28.07.2022).*

⁵ *Souber P., Turpin K. Exceeding Borders: Retail Market in 13 CEE. Countries Entertainment & Leisure Sector. November 2019 // Colliers. 14.11.2019. URL: <https://www.colliers.com/en-xe/research/201911-exceeding-borders-retail> (дата обращения: 28.07.2022).*

⁶ *Souber P., Harrington D. The magic roundabout – the role of F&B and leisure in retail across the EMEA*

region. November 2019 // Colliers. 21.11.2019. URL: <https://www.colliers.com/en-xe/research/201911-the-magic-roundabout> (дата обращения: 28.07.2022).

⁷ *Аналитики CloudPayments считают, что к осени закроются 70% российских кинотеатров // Рамблер. Слово и Дело. 23.07.2022. URL: <https://kino.rambler.ru/movies/49048527-analitiki-cloudpayments-schitayut-cto-k-oseni-zakroyutsya-70-rossiyskih-kinoteatrov> (дата обращения: 28.07.2022).*

⁸ *Агропромышленный комплекс и потребительский рынок. Итоги 2021 // Министерство агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области. Итоги АПК. URL: <https://mexso.midural.ru/article/show/id/105> (дата обращения: 28.07.2022).*

и повышения уровня безработицы во время пандемийных ограничений. Однако такие показатели, как количество торговых площадей на 1000 жителей, кв. м, и количество ТЦ, непрерывно растут с 2017 г., несмотря на снижение основных показателей розничной торговли в пандемийные 2020–2021 гг.

Екатеринбург

Екатеринбург – один из городов-миллионников России, четвертый по численности в стране, является крупнейшим экономическим, административным, культурным, научно-образовательным центром Урала.

На 01.01.2022 численность населения города составила, согласно оценке Федеральной службы государственной статистики, 1 493 600 человек⁹.

Структура населения Екатеринбурга по поколениям, по данным Уральской палаты недвижимости, представлена на рис. 3. Отметим, что Екатеринбург является крупным областным центром, в который ежедневно ездит на работу и учебу, а следовательно, использует городские инфраструктурные объекты большое количество жителей городов-спутников.

Таблица 2. Показатели розничной торговли Свердловской области за период 2017–2021 гг.

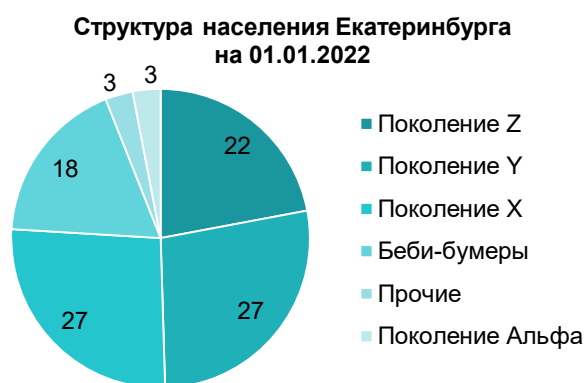
Table 2. Sverdlovsk region's retail trade indicators, 2017–2021

Показатель	Год				
	2017	2018	2019	2020	2021
Оборот розничной торговли, млрд руб.	1 078,2	1 130	1 196,9	1 117,6	1 215
Темп роста по сравнению с предыдущим годом в фактических ценах, %	2,3	4,9	5,9	–6,6	8,8
Темп роста по сравнению с предыдущим годом в сопоставимых ценах, %	–1,5	2,3	1,5	–9,6	1
Доля оборота продажи товаров в стационарной торговой сети, %	97	97,1	97,2	98,5	99,4
Доля оборота продажи товаров на розничных рынках и ярмарках, %	3	2,9	2,8	1,5	0,6
Объем продажи продуктов питания (включая напитки и табачные изделия), млрд руб.	524,8	580,9	583,3	555,4	564,5
Доля продуктов питания (включая напитки и табачные изделия) в обороте розничной торговли, %	48,7	48,3	48,7	49,7	46,5
Объем продажи непродовольственных товаров, млрд руб.	553,4	619,4	613,7	562,2	650,6
Доля непродовольственных товаров в обороте розничной торговли, %	51,3	51,7	51,3	50,3	53,5
Оборот розничной торговли на душу населения, тыс. руб.	249	261,4	277,3	259,9	282,6
Индекс потребительских цен в Свердловской области, %	102,2	103,9	103,7	104,24	108,11
Индекс потребительских цен в России, %	102,5	104,3	103	104,91	108,39
Количество объектов торговли, шт., из них	26 733	26 960	27 347	27 140	27 197
магазинов	21 267	21 518	21 704	21 642	21 901
торговых центров	481	497	510	523	555
павильонов	4 985	4 945	5 133	2 948	2 748
киосков				2 016	1 993
Количество торговых площадей на 1000 жителей, кв. м.	1 044	1 068	1 085	1 117	1 175
Доля магазинов международных, федеральных и региональных торговых сетей, %	35	37	41,3	52	52
Доля областных и местных магазинов, %	65	63	58,7	48	48

Источник: составлено авторами на основании данных сайта Министерства агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области (<https://mcxso.midural.ru/article/show/id/105>).

⁹ Численность населения по муниципальным образованиям на 1 января 2022 года и в среднем за 2021 год // Управление федеральной службы государственной

статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения: 30.11.2022).

Источник: Уральская палата недвижимости.
URL: <https://upn.ru> (дата обращения: 30.11.2022).

Рис. 3. Структура населения Екатеринбурга на 1 января 2022 г., %

Fig. 3. Population structure in Yekaterinburg on January 1, 2022, %

По объему экономики Екатеринбург занимает одно из лидирующих мест в России. По итогам первого полугодия 2021 г. он стал лидером по обеспеченности торговыми площадями (742 кв. м. на 1000 жителей) среди региональных городов-миллионников, увеличив показатель на 7% за счет открытия ТРЦ «Veer Mall» с торговой площадью 76 тыс. кв. м.

Согласно данным Министерства агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области¹⁰, оборот розничной торговли за 2020 г. в Екатеринбурге составил 318 090,8 млн руб. (1-е место среди городов Свердловской области), однако темп роста оборота розничной торговли составляет лишь 5,3%, что ставит г. Екатеринбург на 64-е место среди городов области. По данным компании *Focus*¹¹, посещаемость торговых центров Екатеринбурга в 2021 г. снизилась более чем на 20% по сравнению с доковидным 2019 г. С этим мнением согласно и руководство крупнейшего ТРЦ Екатеринбурга «Гринвич», отмечающее снижение трафика на 14,5%¹².

Несмотря на существенное снижение трафика, в Екатеринбурге в ближайшие годы планируется строительство нескольких крупных торговых объектов (вторая очередь ТРЦ

«Мега», новые ТРЦ «Золотой», «Екатеринбург-сити» и «Боевой»).

Для анализа текущего состояния городской торговой недвижимости авторы изучили крупнейшие торговые и торгово-развлекательные центры г. Екатеринбурга. Результаты анализа представлены в табл. 3, где торговые центры расположены по дате открытия.

Исследование показало, что в Екатеринбурге большое количество морально устаревших торговых центров, в том числе четырех из них 20 лет и более, двенадцати – от 10 до 20 лет, четырех – от 8 до 10 лет и только двум торговым центрам менее 4 лет.

Как правило, в старых торговых центрах площади были просто «нарезаны» под различные магазины без учета необходимости создания общественных пространств. Торговые центры были ориентированы на покупателей, которые предпочитают совершать покупки в одном месте, могут долго сравнивать разные товары, анализировать и раздумывать, прежде чем решиться на покупку, и лишь в крайнем случае выпить кофе во время посещения ТЦ, то есть на поколение X. К таким морально устаревшим торговым центрам относятся «Универбйт», «Успенский», «Дирижабль» и «Гермес Плаза».

За последние 10 лет подход к торговым центрам кардинально изменился, так как посетители торговых центров поколений Y и Z хотят качественно проводить свободное время, а не просто делать покупки. Помимо магазинов, они хотят видеть в торговом центре кинотеатры, фуд-корты, детские и семейные зоны развлечений, места для занятий спортом и фитнесом, удобные парковки и т.д. Однако для представителей этих поколений важно не только наличие в торговых центрах разнообразных дополнительных услуг и сервисов, но и их уровень. Именно поэтому стремление существующих торговых центров сохранить трафик посетителей поколений Y и Z приводит их к частому пересмотру своих концепций (например, торговый центр «Мега» провел

¹⁰ Рейтинг муниципальных образований Свердловской области по темпу оборота розничной торговли за 2020 год (без ЗАТО). URL: <https://mcxso.mindural.ru/article/show/id/213> (дата обращения: 28.07.2022).

¹¹ Игнатова М. Посещаемость уральских ТЦ в 2021 году оказалась на 22% ниже уровня доковидного

периода // Коммерсантъ. 13.01.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5158466> (дата обращения: 28.07.2022).

¹² Игнатова М. Сейчас нет такого паломничества в ТЦ, как в предыдущие годы // Коммерсантъ. 12.01.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5158208> (дата обращения: 28.07.2022).

Таблица 3. Характеристика крупнейших торговых и торгово-развлекательных центров г. Екатеринбург

Table 3. Characteristics of the largest shopping and entertainment centers in Yekaterinburg

Название ТЦ (ТРЦ), сайт, адрес нахождения	Дата открытия	Этажность, кол-во	Общая/торг. площадь, кв. м	Парковка, кол-во м/мест	Категория/масштаб	Кино-театр	Фуд-корт	Продуктовый гипермаркет	Детский парк развлечений	Спорт/фитнес	Примечание
Универбыт (https://univerbyt.ru) ул. Посадская, 28-а	01.05.1995	5	5 865/4 294	180	Район./торг.	–	+	–	–	–	Fashion-сообщество сорока уникальных брендов. В 2019–2020 гг. прошла реновация
Успенский (https://www.uspenskiy.ru) ул. Вайнера, 10	16.08.1997	6	25 000/16 000	–	Окруж./торг.	–	–	–	–	–	Центр города, пешеходная зона. Рядом ТРЦ «Пассаж» с подземным паркингом и «Европа»; фитнес-центр, коворкинг, рестораны, кафе. 2007 г. – реконструкция
Диржабль (https://диржабль.рф) ул. Академика Шварца, 17	07.03.2001	2	48 000/35 000	1 250	Район./торг.-развл.	–	–	+	–	–	Находится в активно развивающемся стальном районе. Отсутствие лифтов (эскалаторов). Плохая вентиляция
Гринвич (https://grinvi.ch.com) ул. 8 Марта, 46	16.08.2002	4	165 000/147 000	1 800 (подземный паркинг)	Окруж./торг.-развл.	+	+	+	+	–	Весной 2014 г. открылась 4-я очередь, в дек. 2016 г. – 5-я; в дек. 2019 г. – первый профессионал. фуд-холл, объединивший около 50 ресторанных концепций и продуктовых корнеров. Выход на станцию метро
Парк Хаус (https://yekaterinburg.atgim-parkhouse.ru), ул. Сулимова, 50	21.08.2005	3	62 000/31 340	1 800	Суперрегион./торг.-развл.	+	+	+	+	+	В 2016–2018 гг. прошла глобальная реконструкция и обновление ТРЦ
Гермес Плаза (https://getmesplaza.ru) ул. Малышева, 16	01.10. 2005	3	16 610/6 600	50	Район./торг.	–	+	–	–	–	В шаговой доступности расположены ТРЦ «Гринвич» и «Пассаж»
Мега (https://mega.ru/ekaterinburg) ул. Металлургов, 87	11.12.2006	1	127 000/84 000	700	Суперрегион./торг.-развл.	+	+	+	–	–	В 2017–2018 гг. прошла серьезная реконструкция и обновление ТРЦ
Карнавал (https://karnavalrc.ru) ул. Хайтурина, 55	14.12.2006	4	75 000/40 000	1 600	Регион./торг.-развл.	+	+	+	–	–	–
Мегаполис (http://megapolis66.ru) ул. 8 Марта, 149	12.06.2008	5	42 000/31 000	860	Регион./торг.-развл.	+	+	+	–	–	–
Фан-Фан (https://fanfan-ekb.ru) ул. Ясная, 2	01.09.2009	5	32 000/18 000	700	Район./торг.-развл.	+	+	+	+	–	–
Европа (https://европа-center.ru) ул. Ленина, 25	18.10.2009	4	21 000/10 500	100	Район./торг.	–	–	+	–	–	В шаговой доступности находятся ТРЦ «Пассаж» и ТЦ «Успенский»
Алтарь (http://tс-alatir.ru) ул. Малышева, 5	16.12.2009	9	80 000/40 000	520 (подземный паркинг)	Регион./торг.-развл.	+	+	+	–	+	–
КомсоМолл (https://komsomall-ekb.ru) ул. Дублер Сибирского тракта, 2	20.07.2010	4	67 201/41 050	1 648	Регион./торг.-развл.	+	+	–	+	+	Несколько лет был заблокирован проезд к ТРЦ из-за нарушения требований ГИБДД – отток арендаторов. До сих пор большая часть площадей пустует
Радуга-Парк (https://radugapark.ru) ул. Ретина, 94	12.12.2012	1	113 163/56 036	2 000	Регион./торг.-развл.	+	+	+	+	+	–
ЭкоМолл Гранат (https://ecomoll66.ru/tits-ekomoll-granat), ул. Амундсена, 63	12.12.2012	3	24 000/17 200	–	Район./торг.-развл.	+	+	+	–	–	–
Ботаника Молл (http://botanikamall.ru) ул. Академика Шварца, 1	20.12. 2012	2	20 000/18 000	400	Район./торг.-развл.	+	+	+	–	–	–
Глобус (https://www.globusfamily.ru) ул. Щербакова, 4	28.12.2013	3	158 000/39 000	2 500	Регион./торг.-развл.	+	+	+	+	+	–
Краснолесье (http://tс-krasnoles.ru) ул. Краснолесье, 12а	08.08.2014	7	17 766/14 500	258	Район./торг.	–	–	+	–	+	–
Пассаж (https://passage.ru) ул. Вайнера, 9	01.09.2014	7	60 000/30 000	450	Регион./торг.-развл.	+	+	+	–	–	–
Максидом (https://www.maxidom.ru) ул. Тверитина, 45	10.04.2015	3	70 000/32 000	400	Регион./торг.-развл.	+	–	+	–	+	–
Brands Stories (https://brandstoriesoutlet.ru), ул. Нескучная, 3	18.12.2018	1	17 000/10 344	600	Регион./торг.	–	+	–	+	–	Аутлет брендов
VEER MALL (https://veermall.ru) пр-т Космонавтов, 108	01.06.2021	2	167 000/76 000	2 300	Суперрегион./торг.-развл.	+	+	+	+	–	–

Источник: составлено авторами с использованием информации с официальных сайтов ТЦ (ТРЦ).

Примечание. В таблице использованы сокращения: *район.* – районный, *окруж.* – окружной, *регион.* – региональный, *суперрегион.* – суперрегиональный, *торг.* – торговый, *торг.-развл.* – торгово-развлекательный.

серьезную реконструкцию в 2017–2018 гг.). Очередной этап реконструкции, запланированный на 2022 г. и предполагавший увеличение площади торгового центра на 30%, временно приостановлен. В процессе реконструкции в ТЦ «Мега» планировалось открытие нового развлекательного кластера, мультифункционального комьюнити-центра, кинотеатра, детских зон и зон отдыха, а также расширение существующего предложения для магазинов и фуд-концепций.

Торговые центры начинают больше внимания уделять зонам благоустройства и отдыха, созданию общественных пространств (коворкингов, библиотек), увеличивать долю сегмента кафе и ресторанов, а также развлекательной составляющей, расширять пул арендаторов, характеризующихся регулярным помещением (фермерские продуктовые лавки, операторы сферы услуг, пункты выдачи, спортивный досуг, офисная функция, образование)¹³. Магазины и торговым сетям, которые размещаются в торговых центрах, тоже приходится изменять свою концепцию под потребности покупателей поколений Y и Z. Магазины перестраивают интерьеры, вводят новые форматы работы с покупателями, такие как онлайн-заказы с доставкой в магазины, а физические магазины все больше становятся центром формирования клиентского опыта и местом демонстрации сильных сторон бренда. Создание в ТРЦ зон отдыха также позволяет городу получить новые общественные пространства и площадки для реализации социальных и культурных проектов.

МЕТОДОЛОГИЯ

Довольно много исследователей занимаются изучением проблем улучшения городской среды путем девелопмента торговой недвижимости [17–21]: они анализируют влияние редевелопмента торгового центра на стоимость жилых объектов, его окружающих [22], оценивают соотношение стоимости перепланировки и увеличения цены коммерческой недвижимости [23], рас-

сматривают способы увеличения экономической эффективности торговых центров с помощью редевелопмента [24], исследуют перспективы развития торговой недвижимости [25–27], изучают наиболее благоприятные экономические условия для проведения редевелопмента объекта недвижимости с целью максимизации прибыльности [28]. Однако с точки зрения теории поколений проблема использования избыточной торговой недвижимости недостаточно исследована.

Гипотеза исследования заключается в том, что редевелопмент морально устаревшей торговой недвижимости в торгово-спортивно-культурно-развлекательный центр (ТСКРЦ) может быть не только точкой притяжения поколений Y и Z за счет удовлетворения их запросов, но и экономически эффективным способом оживления нерационально используемых устаревших коммерческих площадей.

Авторами для проведения исследования применен системный подход, при помощи которого была достигнута поставленная цель. В работе использовались методы экономико-математического моделирования, сравнительный метод, методы обобщения, абстракции, индукции и дедукции.

РЕЗУЛЬТАТЫ

По результатам анализа международной консалтинговой компании *Knight Frank*¹⁴ за 2021 г., направленного на выявление уровня обеспеченности качественными торговыми площадями и проведенного в 13 городах России с населением более 1 млн человек (исключая Москву и Санкт-Петербург), насыщенность торговыми площадями в городах-миллионниках оценивается в среднем в 475 кв. м / 1 000 жителей. В Екатеринбурге с середины 2021 г. количество уже введенных торговых площадей находится на уровне 742 кв. м / 1 000 жителей, что является самой высокой насыщенностью в России. Поэтому уже сейчас многие ТЦ меняются: предлагают площадки для развлекательных мероприятий, предоставляют возможности для

¹³ CBRE: Вакантность в ТЦ может упасть до 6% // CRE – Портал коммерческой недвижимости Москвы и России. 28.01.2022. URL: <https://www.cre.ru/analitics/85700> (дата обращения: 28.07.2022).

¹⁴ Рынок торговой недвижимости. Россия // Knight Frank. Аналитика. 2021. URL: <https://kf.expert/publish/rynok-torgovoj-nedvizhimosti-rossiya-2021> (дата обращения: 28.07.2022).

общения по интересам, перепрофилируя объекты с торгового на торгово-развлекательное направление. Такое изменение называется редевелопментом [29]. Он позволяет формировать комфортную окружающую среду [30; 31], причем редевелопмент возможен для самых различных объектов: старых промышленных зон [32], городских территорий [33], общественных пространств [34], объектов культурного наследия [35] и др. При этом в процессе реализации проектов редевелопмента могут создаваться школы [36], жилая недвижимость [32] и даже религиозные объекты [37].

Авторы предлагают изменение концепции устаревших торговых центров на концепцию торгово-спортивно-культурно-развлекательных центров с учетом потребностей покупателей поколений Y и Z.

Обоснование выбора объекта исследования. Согласно данным табл. 3, в Екатеринбургe расположено четыре старейших торговых центра, открытых более 20 лет назад: «Универбыт», «Успенский», «Дирижабль» и «Гринвич».

ТЦ «Универбыт» ориентирован на сегменты «средний+» и «премиум». Несмотря на то что он находится в не очень подходящем здании, в стороне от центра (в спальном районе), он продолжает достаточно успешно развиваться, так как представляет эксклюзивные российские и европейские бренды из сегмента *middle-up* и имеет достаточно узкую целевую аудиторию и незначительную конкуренцию в данном сегменте. В 2019 г. из-за смены собственников в ТЦ была проведена масштабная реновация: каждый этаж приобрел стильный интерьер, появились зона отдыха и пространство для модных показов и мастер-классов стилистов, открылся ресторан с аутентичной уральской авторской кухней.

ТЦ «Успенский» ориентирован на «средний» потребительский сегмент. Его главным преимуществом является расположение в непосредственной близости от центральной площади города и исторического центра. По этой причине посещаемость ТЦ остается на высоком уровне. В 2007 г. были проведены работы по реновации центра и реконструкции его фасада.

ТРЦ «Гринвич» ориентирован на «средний» и «средний+» потребительские сегменты, от центральной площади и исторического центра города к нему идет пешеходная улица. ТРЦ постоянно обновляется (2004, 2006, 2009, 2014, 2016, 2021 гг.) и соответствует всем современным требованиям.

ТЦ «Дирижабль» является классическим примером морально устаревшего торгового центра, который за свою историю прошел путь от одного из самых популярных региональных ТЦ и лидеров рынка до районного ТЦ с низкой проходимостью, которому требуется масштабная реконцепция. ТЦ создавался по принципу рынка под крышей, ни одного якорного арендатора в момент открытия не было, однако он был спроектирован как визуализация городского пространства: торговые линии являются улицами, скамейки для отдыха – бульварами и скверами, места для рекламных акций – городскими площадями¹⁵. Значительно позже открытия в ТЦ «Дирижабль» появился сетевой магазин бытовой техники «Эльдорадо», создавший дополнительный поток покупателей. ТЦ «Дирижабль» потерял статус торгового центра городского масштаба и перешел в разряд районных после строительства в 2008 г. в районе Южного автовокзала ТЦ «Мегаполис», в 2012 г. в шаговой доступности нового ТЦ – «Ботаника Молл».

Еще одной важной причиной необходимости масштабной реконцепции ТЦ является то, что в 2023 г. недалеко от ТЦ «Дирижабль» планируется открытие торгово-транспортного пересадочного узла общей площадью 308 тыс. кв. м., в том числе с торговыми площадями в размере 147 тыс. кв. м. и многоуровневым автомобильным паркингом на 6 тыс. автомобилей. Все это значительно ухудшит посещаемость торгового центра.

Для обоснования необходимости создания ТСКРЦ на базе ТЦ «Дирижабль» авторами был проведен анализ имеющихся в Екатеринбургe объектов для организации досуговых мероприятий по следующим направлениям:

- концертно-гастрольная деятельность;
- образовательно-досуговая деятельность;
- организация спортивных мероприятий.

¹⁵ ТЦ «Дирижабль»: аренда в торговых и торгово-развлекательных центрах // Arenda-TRK. URL: <http://arenda-trk.ru/advert/tk-dirizhabl-ekb> (дата обращения: 28.07.2022).

arenda-trk.ru/advert/tk-dirizhabl-ekb (дата обращения: 28.07.2022).

Анализ площадок для организации концертов и гастролей. В Екатеринбурге достаточно много разнообразных концертных площадок. По мнению комитета музыкальной индустрии (организаторов музыкального фестиваля *Ural Music Night*; <https://uralmusicnight.ru>), самыми популярными площадками являются следующие: *Tele-club*, Дом печати, концерт-холл «Свобода», ККТ «Космос», МВЦ «Екатеринбург-ЭКСПО», арена «Уралец», *Center Club*, *Ever Jazz*, Екатеринбургский театр оперы и балета, Дворец молодежи. В табл. 4 представлен сравнительный анализ перечисленных площадок.

На основе сопоставления характеристик концертных площадей выявлены следующие трудности, которые не позволяют в полной мере удовлетворить потребности жителей города в индустрии развлечений:

- недостаточное количество малых площадок вместимостью 100–300 человек;
- логистические трудности (крупные концертные площадки, такие как *Tele-club* и Екатеринбург-ЭКСПО, находятся вдали от центра города);
- устаревание концертных площадок – многие построены более 20 лет назад и требуют реконструкции.

Таблица 4. Сравнительный анализ концертных площадок г. Екатеринбурга

Table 4. Comparative analysis of concert venues in Yekaterinburg

Название, сайт, адрес	Год открытия	Транспортная доступность	Наличие парковки	Площадь, кв. м	Вместимость, чел.	Мероприятие
<i>Tele-club</i> (https://tele-club.ru/teleclub) Карьерная ул., 16	2007	Удовлетворительная	Да	15 000	1 500	Живые концерты российских и зарубежных исполнителей, музыкальные фестивали и другие спецпроекты
Дом печати (https://tele-club.ru/dompechati) ул. Ленина, 49	2012	Хорошая	Нет	8 000	600	Выступление локальных кавер-групп, лекции об искусстве, кинопоказы, выставки и другие культурные события
Свобода (https://svoboda-ekb.ru) ул. Черкасская, 12	2004	Хорошая	Нет	4 000	1 500	Концерты российских и зарубежных исполнителей
ККТ «Космос» (https://kosmos-e.ru) ул. Дзержинского, 2	1967	Удовлетворительная	Да	15 500	2 380	Международные форумы, региональные съезды, творческие вечера
Екатеринбург-ЭКСПО (https://www.yekaterinburg-expo.ru) Экспо Бульвар, 2	2011	Неудовлетворительная	Да	50 000	20 000	Выставки, конференции, концерты российских и зарубежных исполнителей, творческие вечера, спорт. мероприятия
Арена «Уралец» (http://krk-uralec.ru) ул. Большакова, 90	1970	Хорошая	Да	20 000	5 500	Спортивные и развлекательные мероприятия
<i>Center Club</i> (https://vk.com/center-musicclub) ул. Бориса Ельцина, 3	2015	Хорошая	Да	700	1 000	Концерты российских и зарубежных исполнителей
<i>Ever Jazz</i> (http://www.everjazz.ru) ул. Тургенева, 22	2009	Хорошая	Нет	290	150	Концерты российских и зарубежных исполнителей, музыкальные фестивали
Екатеринбургский театр оперы и балета (https://uralopera.ru) пр-т Ленина, 46а	1912	Хорошая	Нет	8 000	900	Театральные представления
Дворец молодежи (https://dm-centre.ru) пр-т Ленина, 1	1975	Хорошая	Нет	11 112	1 400	Спортивные мероприятия, концерты, тематические вечера, конференции, выставки

Источник: составлено авторами с использованием информации с официальных сайтов концертных площадок.

Анализ мест организации образовательно-досуговых мероприятий. Проведение образовательно-досуговых мероприятий (конференций, лекций, семинаров) может быть организовано в различных местах. Достаточно часто для этого могут быть использованы кафе или антикафе, рестораны, учебные заведения, музеи и галереи. Наиболее популярными площадками являются: Ельцин-центр; Екатеринбург-ЭКСПО; Синара-центр. Характеристика объектов представлена в табл. 5.

Следует отметить, что наиболее популярные досуговые объекты появились сравни-

тельно недавно и расположены далеко от ТЦ «Дирижабль», к тому же для города-миллионника их явно недостаточно.

Анализ спортивно-досуговых объектов.

При анализе не рассматривались специализированные государственные спортивные учреждения, использующиеся в основном для профессиональных занятий спортом. В городе много спортивных и фитнес-залов, самыми крупными из которых являются *Drive Fitness*, *Powerhouse Gym*, *Golden Gym*. В табл. 6 приведена сравнительная характеристика данных объектов.

Таблица 5. Сравнительный анализ крупнейших мест организации образовательно-досуговых мероприятий г. Екатеринбурга

Table 5. Comparative analysis of the largest educational and leisure sites in Yekaterinburg

Название, сайт, адрес	Год открытия	Транспортная доступность	Наличие парковки	Площадь, кв. м	Мероприятие
Ельцин-центр (https://yeltsin.ru) ул. Бориса Ельцина, 3	2015	Хорошая	Да	86 670	Лекции, концерты, выставки, фестивали и различные общественные мероприятия, в кинозале – центр документального кино
Екатеринбург-ЭКСПО (https://www.ekaterinburgexpo.ru), Экспо Бульвар, 2	2011	Неудовлетворительная	Да	50 000	Выставки, конференции, концерты российских и зарубежных исполнителей, творческие вечера, спортивные мероприятия
Синара-центр (https://sinara-center.com) Верх-Исетский бульвар, 15/4	2019	Хорошая	Да	5 700	Ярмарки, фестивали, концерты, форумы, конференции, лекции, мастер-классы, кинопоказы, корпоративные праздники

Источник: составлено авторами с использованием информации с официальных сайтов мест организации образовательно-досуговых мероприятий.

Таблица 6. Сравнительный анализ крупнейших мест организации спортивно-досуговых мероприятий г. Екатеринбурга

Table 6. Comparative analysis of the largest sports and leisure sites in Yekaterinburg

Название, сайт, адрес	Год открытия	Транспортная доступность	Наличие парковки	Площадь, кв. м	Мероприятие
Drive Fitness (https://drivefitness.ru), 15 клубов в разных районах города	2014	Хорошая	Да	Все клубы – более 1 500	Тренажерный зал, зона функционального тренинга, залы групповых программ, детские тренировки, зона боевых искусств
Powerhouse Gym (https://powerhousegym.ru) 5 клубов в разных районах города	2005	Хорошая	Да	10 500	Тренажерный зал, залы групповых программ, комната для персональных занятий, бассейн с джакузи, зона SPA, солярий, детский клуб, студия бокса
Golden Gym (https://golden-gym.ru) ул. Юлиуса Фучика, 3	2019	Хорошая	Да	800	Детский фитнес, единоборства, йога, тренажерный зал, зал групповых программ, солярий, сауна
Дворец игровых видов спорта (https://divsport.ru) ул. Еремина, 3	2003	Хорошая	Да	1 500	Соревнования по игровым видам спорта (волейбол, баскетбол, мини-футбол, индор-хоккей). Периодически – соревнования по различным видам единоборств, спортивной и художественной гимнастике, спортивным танцам и теннису. Используется как одна из концертных площадок города
Екатеринбург-ЭКСПО (https://www.ekaterinburgexpo.ru) Экспо Бульвар, 2	2011, обновлен в 2019	Неудовлетворительная	Да	10 000	Крупнейший центр для проведения деловых и развлекательных мероприятий любого уровня: выставок, концертов, фестивалей, спортивных событий и др.

Источник: составлено авторами с использованием информации с официальных сайтов мест организации спортивно-досуговых мероприятий.

Таблица 7. Основные экономические показатели проекта редевелопмента ТСКРЦ «Дирижабль»

Table 7. Key economic indicators of Dirigible TSRC redevelopment project

Показатель	Использование капитала	
	собственный	50 % – заемный
Стоимость проекта (величина затрат на редевелопмент объекта), тыс. руб.	665 181	
Планируемая выручка, тыс. руб./год	225 928	
Операционные расходы, тыс. руб./год	87 604	
Расчетный срок проекта, лет	10	
Чистый денежный поток (недисконтированный), тыс. руб.	7 025 897	6 363 600
Ставка дисконтирования, %	15,95	
Чистый дисконтированный денежный поток, накопленный к концу срока проектирования, тыс. руб.	1 520 287	1 369 141
Внутренняя норма доходности, %	17,2	17,1
Дисконтированный срок окупаемости проекта, лет	8,89	9

Источник: составлено авторами.

Таким образом, вблизи ТЦ «Дирижабль» отсутствуют места организации крупных спортивно-досуговых мероприятий.

Концепция ТСКРЦ. Авторами сделан вывод об обоснованности реконцепции ТЦ «Дирижабль» в спортивно-культурно-развлекательный центр из-за отсутствия прямых конкурентов в области спортивно-досуговых и образовательно-досуговых мероприятий в районе нахождения торгового центра. Следует отметить, что местоположение ТЦ «Дирижабль» характеризуется хорошей доступностью как общественного (метро и наземный транспорт), так и личного транспорта, причем для личного транспорта предусмотрена вместительная парковка.

Для реализации проекта редевелопмента ТЦ «Дирижабль» в ТСКРЦ, удовлетворяющего потребностям поколений Y и Z, имеющуюся площадь можно распределить между фуд-кортом, концертно-спортивными площадками, выставками и галереями, местами для проведения творческих мастер-классов, организации фотосессий и другими объектами досуговой направленности.

Фуд-корт стоит организовать в формате совмещения большого количества различных кафе (ресторанов) в одном месте с общим залом для посетителей. Концертно-спортивные площадки дают возможность использовать одно и то же пространство дважды: днем – как площадку для занятий спортом, вечером – как площадку для проведения лекций, кон-

ференций, тематических вечеров, концертов. Второй этаж объекта можно использовать в качестве масштабного веревочного парка или помещения для организации квестов. Фотостудии, галереи и выставки можно разместить в небольших пространствах, причем имеет смысл предоставить возможность почасовой, дневной аренды.

Уникальность предложенной концепции редевелопмента заключается в объединении всевозможных способов организации досуга в едином пространстве, что позволит, с одной стороны, удовлетворить потребности потенциальных посетителей ТСКРЦ, а с другой – обеспечить гармоничную организацию пространства.

Оценив основные экономические показатели проекта редевелопмента, авторы сделали вывод об эффективности предлагаемого проекта, рассмотрев два варианта его финансирования (первый – с использованием исключительно собственного капитала инвестора, второй – с использованием 50% заемного финансирования). Рассчитанные показатели представлены в табл. 7.

Таким образом, расчет показателей оценки эффективности инвестиций в проект редевелопмента устаревшего объекта коммерческой недвижимости показал, что проект экономически успешен, срок окупаемости с использованием как заемного, так и исключительно собственного капитала составляет примерно 9 лет.

ВЫВОДЫ

В России жизненно важным является запрос на массовый редевелопмент объектов торговой недвижимости, обусловленный моральным и физическим устареванием существующих концепций. Из-за снижения доходов многим российским ТЦ грозит банкротство, а на продажу уже выставлено около 200¹⁶ моллов. Переформатирование и смена акцентов позволят не только снизить количество банкротств ТЦ, но и предотвратить закрытие предприятий малого и среднего бизнеса, влекущее за собой рост безработицы, ухудшение качества жизни, усиление социальной напряженности и рост уровня преступности.

Важный новый вектор развития – ориентация на актуальные запросы активных потребителей поколений Y, Z и подрастающего поколения Альфа, стимулирующие тенденции развития торгово-развлекательных центров:

- усиление концептуализации объектов недвижимости;
- увеличение площади развлекательной составляющей (образовательные, спортивные, досуговые, культурные мероприятия), усиление концепции семейного отдыха;
- изменение размеров коммерческих объектов;
- создание объектов в периферийных районах города и городах-спутниках;
- оптимизация схем работы с арендаторами, в том числе повышение роли новых якорных арендаторов;
- формирование сетей торговых центров.

Новые предложенные креативные концепции редевелопмента устаревшей торговой недвижимости с учетом обозначенных трендов позволяют:

- привлечь новых инвесторов для реновации;
- сохранить и увеличить человеческий капитал территории, особенно молодого креа-

тивного контингента, за счет реализации его потребностей, связанных с проведением как активного досуга (спортивных активностей), так и образовательно-познавательных мероприятий (выставки, творческие и образовательные мастер-классы и пр.);

- сохранить и увеличить занятость населения, в том числе молодежи, и повысить его доходы;

- повысить налоговые и иные сборы в бюджеты различных уровней;

- обновить фасады и благоустройство прилегающей территории с учетом современного дизайна, что в итоге приведет к улучшению городской среды и развитию города.

В Екатеринбурге, как и в других крупных городах, наблюдается тренд постоянно растущего количества морально устаревающих торговых центров с пустующими площадями, которые перестают отвечать потребностям поколений Y и Z. При этом наблюдается недостаточное количество площадей в индустрии развлечений. Авторы считают целесообразным проведение реконцепции таких торговых центров. Уже сейчас некоторые торговые центры вынуждены менять соотношение торгового и развлекательного наполнения, увеличивать различные виды досуга и предоставлять возможность общения по интересам.

Развитие морально устаревшей торговой недвижимости возможно в двух направлениях:

- переоборудование офлайн-магазинов в склады-магазины и пункты выдачи онлайн-покупок;
- переоборудование ТЦ в формат центров лайф-стайл, предлагающих посетителю провести целый день за различными видами досуга, включая шопинг.

Рассчитанные показатели оценки эффективности инвестиций для проекта редевелопмента устаревшей торговой недвижимости в торгово-спортивно-развлекательный центр доказали успешность предлагаемой концепции для потенциальных инвесторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Zapariy V., Zaitseva E., Goncharova N. Industrial Heritage as A Brand of The Ural Region in The Context of New Industrialization // Proceedings of the 36th International Business Information Management Association Conference (IBIMA), Granada, Spain, 04–05 Nov 2020. Granada, Spain: IBIMA, 2020. P. 1854–1860.

¹⁶ Широков А. Превратят в склад для маркетплейса.

2. *Shalina D. S., Stepanova N. R., Larionova V. A.* A Creative Approach to Creating a Livable Urban Environment // Bylieva D., Nordmann A. (eds) Technology, Innovation and Creativity in Digital Society. PCSF 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 345. Springer, Cham., 2022. P. 285–296. doi: [10.1007/978-3-030-89708-6_24](https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_24)
3. *Bareicheva M. A., Kubina E. A., Stepanova N. R.* Structural analysis with visualization elements as a factor in the development of the commercial real estate market // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. Vol. 666, no. 6. Article 062130. doi: [10.1088/1755-1315/666/6/062130](https://doi.org/10.1088/1755-1315/666/6/062130)
4. *Goncharova N. V., Daineko L. V.* Territorial Brand Development and Evaluation (The Case of Ekaterinburg) // Proceedings of the 36th International Business Information Management Association Conference (IBIMA), Granada, Spain, 04–05 Nov 2020. Granada, Spain: IBIMA, 2020. P. 1673–1681.
5. *Strauss W., Howe N.* Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. New York: Quill, 1991. 600 p.
6. *Шайхисламов Р. Б., Асадуллина Г. Р., Садретдинова Э. В.* Социальный характер в я-концепции поколения Z // Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2021. С. 160–177.
7. *Левада Ю.* Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7–14.
8. *Земскова Е. С.* Анализ поведения потребителей в цифровой экономике с позиции теории поколений // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11, № 5. URL: <https://esj.today/PDF/32ECVN519.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).
9. *Асташова Ю. В.* Теория поколений в маркетинге // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. Т. 8, № 1. С. 108–114.
10. *Попов Н. П.* Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146). С. 309–323. doi: [10.14515/monitoring.2018.4.15](https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15)
11. *Kumlangphaet W.* Online marketing to generation XYZ consumers // Research Journal Humanities and Social Sciences. 2016. Vol. 1, no. 2. URL: <http://repository.rmutp.ac.th/handle/123456789/2458> (дата обращения: 16.05.2022).
12. *Wiratno B., Trisno R., Priyomarsono N.W., Lianto F.* Shopping Centre Evolution in Jakarta Due to Changes of Generation XYZ Consumerism Behaviour // Tarumanagara International Conference on the Applications of Social Sciences and Humanities (TICASH 2019). 2020. Vol. 439. P. 76–82. doi: [10.2991/as-sehr.k.200515.014](https://doi.org/10.2991/as-sehr.k.200515.014)
13. *Dewanti P., Indrajit R. E.* The effect of XYZ generation characteristics to e-commerce C-to-C: A review // Ikraith Informatika. 2018. Vol. 2, no. 2. P. 56–60.
14. *Мухалева М. В.* Модель покупателей и его характеристика по поколению XYZ // StudNet. 2020. № 3 (4). С. 432–436.
15. *Platonov A. M., Larionova V. A., Davy Y. M., Bazhenov S. I.* Theoretical and methodological approaches to management of resource flow processes of development projects on macro-, mezzo-, microlevels // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. Vol. 972, no. 1. Article 012060. doi: [10.1088/1757-899X/972/1/012060](https://doi.org/10.1088/1757-899X/972/1/012060)
16. *Стукалова И. Б., Токмачева О. С.* Торговые центры в РФ: сущность, динамика развития, оценка эффективности // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16, № 11. С. 1637–1648. doi: [10.18334/rp.16.11.244](https://doi.org/10.18334/rp.16.11.244)
17. *Jayantha W. M., Chun Ming C.* The effect of urban redevelopment on retail shopping property values: A case study in Hong Kong // International Journal of Urban Sciences. 2015. Vol. 19, no. 3. P. 379–399. doi: [10.1080/12265934.2015.1095111](https://doi.org/10.1080/12265934.2015.1095111)
18. *Jayantha W. M., Yung E. H. K.* Effect of revitalisation of historic buildings on retail shop values in urban renewal: An empirical analysis // Sustainability. 2018. Vol. 10, no. 5. Article 1418. doi: [10.3390/su10051418](https://doi.org/10.3390/su10051418)
19. *Kok H. J.* Restructuring retail property markets in Central Europe: Impacts on urban space // Journal of Housing and the Built Environment. 2007. Vol. 22, no. 1. P. 107–126. doi: [10.1007/S10901-006-9068-Z](https://doi.org/10.1007/S10901-006-9068-Z)
20. *Cortez C.* The West End: Redevelopment of the Westminster Mall. City and Regional Planning, 2021. 50 p.
21. *Джавадов Т. М.* Использование редевелопмента для повышения эффективности использования объектов коммерческой недвижимости: российский опыт // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19, № 10. С. 3209–3218. doi: [10.18334/rp.19.10.39502](https://doi.org/10.18334/rp.19.10.39502)
22. *Gitcho G. W.* Benefits of redevelopment of outdated retail centers. Massachusetts Institute of Technology, 2005. 51 p.

23. *Büchler S. C., Van de Minne A., Schöni O.* Redevelopment Option Value for Commercial Real Estate. Working Paper No. 26. University of Bern, CRED, 2020. 32 p. doi: [10.7892/BORIS.143537](https://doi.org/10.7892/BORIS.143537)
24. *Фабричных М. Ю.* Реконцепция и редевелопмент как способ повышения экономической эффективности торгового центра // *International Innovation Research: сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1.* Пенза: Наука и просвещение, 2017. С. 121–123.
25. *Учинина Т. В., Бибилашвили А. Д.* Исследование тенденций развития торговой недвижимости в г. Пензе // *Образование и наука в современном мире. Инновации.* 2017. № 1. С. 279–282.
26. *Кочетова О. А.* Оценка тенденций развития рынка торговой недвижимости в 2015 году // *Торгово-экономический журнал.* 2015. Т. 2, № 1. С. 41–54. doi: [10.18334/tezh.2.1.568](https://doi.org/10.18334/tezh.2.1.568)
27. *Смирнова Ю. О., Булдыгина Ю. В.* Тенденции развития рынка торговой недвижимости в России в современных кризисных условиях // *Вестник ПГУАС: строительство, наука и образование.* 2017. № 1. С. 40–45.
28. *Mogodi M. F.* Analysis of Multi-stage Real Options for Timing Redevelopment of Super Regional Shopping Centres in South Africa, Utilizing Study Area Johannesburg West Region C. University of the Witwatersrand, 2014. 113 p.
29. *Шалина Д. С., Степанова Н. Р.* Реновация, редевелопмент, ревитализация и джентрификация городского пространства // *Фундаментальные исследования.* 2019. № 12 (2). С. 285–289.
30. *Vlasova M. F., Larionova V. A., Stepanova N. R.* The Development of a Comfortable Urban Environment on the Example of Ekaterinburg City // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering.* 2020. Vol. 753, no. 5. Article 052031. doi: [10.1088/1757-899X/753/5/052031](https://doi.org/10.1088/1757-899X/753/5/052031)
31. *Kondrat'eva L. N., Stepanova N. R., Bochkov P. V.* The Formation of a Comfortable Urban Environment // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering.* 2020. Vol. 972, no. 1. Article 012021. doi: [10.1088/1757-899X/972/1/012021](https://doi.org/10.1088/1757-899X/972/1/012021)
32. *Daineko L. V., Karavaeva N. M., Yurasova I. I.* Redevelopment of Ex-industrial Areas in Yekaterinburg // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering.* 2021. Vol. 1079, no. 3. Article 032093. doi: [10.1088/1757-899X/1079/3/032093](https://doi.org/10.1088/1757-899X/1079/3/032093)
33. *Lai Y., Tang B., Chen X., Zheng X.* Spatial determinants of land redevelopment in the urban renewal processes in Shenzhen, China // *Land Use Policy.* 2021. Vol. 103. Article 105330. doi: [10.1016/j.landusepol.2021.105330](https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2021.105330)
34. *Jaszczak A., Kristianova K., Pochodyła E., Kazak J. K., Młynarczyk K.* Revitalization of Public Spaces in Cittaslow Towns: Recent Urban Redevelopment in Central Europe // *Sustainability.* 2021. Vol. 13, no. 5. Article 2564. doi: [10.3390/su13052564](https://doi.org/10.3390/su13052564)
35. *Bareicheva M. A., Kubina E. A., Daineko L. V.* Redevelopment of the cultural heritage object (the case of the “Nurov’s Estate”) // *SHS Web of Conferences. EDP Sciences.* 2021. Vol. 128. Article 01014. doi: [10.1051/shsconf/202112801014](https://doi.org/10.1051/shsconf/202112801014)
36. *Шалина Д. С., Степанова Н. Р.* Реновация школ как условие повышения уровня образования // *Современные проблемы науки и образования.* 2020. № 1. doi: [10.17513/spno.29484](https://doi.org/10.17513/spno.29484)
37. *Daineko L. V., Goncharova N. V., Larionova V. A., Karavaeva N. M., Sheveleva A. E.* Socio-Cultural Impact of Church Building in Russia (the Case of the Cathedral of Saint Martyr Catherine in Ekaterinburg) // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science.* 2021. Vol. 666, no. 6. Article 062082. doi: [10.1088/1755-1315/666/6/062082](https://doi.org/10.1088/1755-1315/666/6/062082)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Михайловна Караваева – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления строительством и рынком недвижимости, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19); n.m.karavaeva@urfu.ru

Наталья Владимовна Гончарова – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19); n.v.goncharova@urfu.ru

Людмила Владимировна Дайнеко – старший преподаватель кафедры экономики и управления строительством и рынком недвижимости, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19); l.v.daineko@urfu.ru

Инна Игоревна Юрасова – старший преподаватель кафедры экономики и управления строительством и рынком недвижимости, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19); i.i.iurasova@urfu.ru

REFERENCES

1. Zapariy V., Zaitseva E., Goncharova N. Industrial Heritage as A Brand of The Ural Region in The Context of New Industrialization. *Proceedings of the 36th International Business Information Management Association Conference (IBIMA), Granada, Spain, 04–05 Nov 2020*. Granada, Spain, IBIMA, 2020, pp. 1854–1860.
2. Shalina D. S., Stepanova N. R., Larionova V. A. A Creative Approach to Creating a Livable Urban Environment. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2022, vol. 345, pp. 285–296. doi: [10.1007/978-3-030-89708-6_24](https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_24)
3. Bareicheva M. A., Kubina E. A., Stepanova N. R. Structural analysis with visualization elements as a factor in the development of the commercial real estate market. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2021, vol. 666, no. 6, Article 062130. doi: [10.1088/1755-1315/666/6/062130](https://doi.org/10.1088/1755-1315/666/6/062130)
4. Goncharova N. V., Daineko L. V. Territorial Brand Development and Evaluation (The Case of Ekaterinburg). *Proceedings of the 36th International Business Information Management Association Conference (IBIMA), Granada, Spain, 04–05 Nov 2020*, Granada, Spain, IBIMA, 2020, pp. 1673–1681.
5. Strauss W., Howe N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, Quill, 1991. 600 p.
6. Shaikhislamov R. B., Asadullina G. R., Sadretdinova E. V. Sotsial'nyi kharakter v ya-kontseptsii pokoleniya Z [Social nature of I-concept of Z generation]. *Pokolenie Z: mnogoobrazie identichnostei, orientatsii, povedeniya* [Z Generation: Variety of Identities, Orientations, Behaviors]. Ufa, Bashkirskii gos. un-t Publ., 2021, pp. 160–177. (In Russian).
7. Levada Yu. Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generations of XX century: Possibilities of a research]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2001, no. 5, pp. 7–14. (In Russian).
8. Zemskova E. S. Analiz povedeniya potrebiteli v tsifrovoi ekonomike s pozitsii teorii pokolenii [Analysis of consumer behavior in the digital economy from the perspective of generation theory]. *Vestnik evraziiskoi nauki* [The Eurasian Scientific Journal], 2019, vol. 11, no. 5. Available at <https://esj.today/PDF/32ECVN519.pdf> (In Russian).
9. Astashova Yu. V. Teoriya pokolenii v marketinge [Generation theory in marketing]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of the South Ural State University. Series “Economics and Management”, 2014, vol. 8, no. 1, pp. 108–114. (In Russian).
10. Popov N. P. Rossiiskie i amerikanskie pokoleniya XX veka: otкуда prishli millenialy? [Russian and American generations of the 20th century: Where have Millennials come from?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2018, no. 4 (146), pp. 309–323. (In Russian). doi: [10.14515/monitoring.2018.4.15](https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15)
11. Kumlangphaet W. Online marketing to generation XYZ consumers. *RMUTP Research Journal Humanities and Social Sciences*, 2016, vol. 1, no. 2. Available at <http://repository.rmup.ac.th/handle/123456789/2458> (In Indian).
12. Wiratno B., Trisno R., Priyomarsono N.W., Lianto F. Shopping Centre Evolution in Jakarta Due to Changes of Generation XYZ Consumerism Behaviour. *Tarumanagara International Conference on the Applications of Social Sciences and Humanities (TICASH 2019)*, 2020, vol. 439, pp. 76–82. doi: [10.2991/assehr.k.200515.014](https://doi.org/10.2991/assehr.k.200515.014)
13. Dewanti P., Indrajit R. E. The effect of XYZ generation characteristics to e-commerce C-to-C: A review. *Ikraith Informatika*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 56–60.
14. Mikhaleva M. V. Model' pokupatelei i ego kharakteristika po pokoleniyu XYZ [Customer model and its characteristics by generation XYZ]. *Studnet*, 2020, vol. 3. iss. 4, pp. 432–436. (In Russian).
15. Platonov A. M., Larionova V. A., Davy Y. M., Bazhenov S. I. Theoretical and methodological approaches to management of resource flow processes of development projects on macro-, mezzo-, microlevels. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2020, vol. 972, no. 1, Article 012060. doi: [10.1088/1757-899X/972/1/012060](https://doi.org/10.1088/1757-899X/972/1/012060)

16. Stukalova I. B., Tokmacheva O. S. Torgovyie tsentry v RF: sushchnost', dinamika razvitiya, otsenka effektivnosti [Trade centers in the Russian Federation: the essence, development dynamics, assessment of effectiveness]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2015, vol. 16, no. 11, pp. 1637–1648. (In Russian). doi: [10.18334/rp.16.11.244](https://doi.org/10.18334/rp.16.11.244)
17. Jayantha W. M., Chun Ming C. The effect of urban redevelopment on retail shopping property values: A case study in Hong Kong. *International Journal of Urban Sciences*, 2015, vol. 19, no. 3, pp. 379–399. doi: [10.1080/12265934.2015.1095111](https://doi.org/10.1080/12265934.2015.1095111)
18. Jayantha W. M., Yung E. H. K. Effect of revitalisation of historic buildings on retail shop values in urban renewal: An empirical analysis. *Sustainability*, 2018, vol. 10, no. 5, Article 1418. doi: [10.3390/su10051418](https://doi.org/10.3390/su10051418)
19. Kok H. J. Restructuring retail property markets in Central Europe: Impacts on urban space. *Journal of Housing and the Built Environment*, 2007, vol. 22, no. 1, pp. 107–126. doi: [10.1007/S10901-006-9068-Z](https://doi.org/10.1007/S10901-006-9068-Z)
20. Cortez C. *The West End: Redevelopment of the Westminster Mall*. *City and Regional Planning*, 2021. 50 p.
21. Dzhavadov T. M. Ispol'zovanie redevelopment dlya povysheniya effektivnosti ispol'zovaniya ob'ektov kommercheskoi nedvizhimosti: rossiiskii opyt [The use of redevelopment to improve the efficiency of commercial real estate: Russian experience]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2018, vol. 19, no. 10, pp. 3209–3218. (In Russian). doi: [10.18334/rp.19.10.39502](https://doi.org/10.18334/rp.19.10.39502)
22. Gitcho G. W. *Benefits of redevelopment of outdated retail centers*. Massachusetts Institute of Technology, 2005. 51 p.
23. Büchler S. C., Van de Minne A., Schöni O. *Redevelopment Option Value for Commercial Real Estate*. Working Paper No. 26. University of Bern, CRED, 2020. 32 p. doi: [10.7892/BORIS.143537](https://doi.org/10.7892/BORIS.143537)
24. Fabrichnykh M. Yu. Rekontseptsiya i redevelopment kak sposob povysheniya ekonomicheskoi effektivnosti torgovogo tsentra [Re-concept and redevelopment as a way to boost economic cost-efficiency of a trading center]. *International Innovation Research* [International Innovation Research]. Penza, Nauka i prosveshchenie Publ., 2017, pp. 121–123. (In Russian).
25. Uchinina T. V., Bibilashvili A. D. Issledovanie tendentsii razvitiya torgovoi nedvizhimosti v g. Penze [A study of trends in the development of commercial real estate in Penza]. *Obrazovanie i nauka v sovremennom mire. Innovatsii* [Education and Science in the Modern World. Innovations], 2017, no. 1, pp. 279–282. (In Russian).
26. Kochetova O. A. Otsenka tendentsii razvitiya rynka torgovoi nedvizhimosti v 2015 godu [Estimation of the retail real estate market development trends in 2015]. *Torgovo-ekonomicheskii zhurnal* [The Russian Journal of Retail Management], 2015, vol. 2, no. 1, pp. 41–54. (In Russian). doi: [10.18334/tezh.2.1.568](https://doi.org/10.18334/tezh.2.1.568)
27. Smirnova Yu. O., Buldygina Yu. V. Tendentsii razvitiya rynka torgovoi nedvizhimosti v Rossii v sovremennykh krizisnykh usloviyakh [Tendencies of market development of trade real estate in Russia in modern crisis conditions]. *Vestnik PGUAS: stroitel'stvo, nauka i obrazovanie* [PGUAS Bulletin: Construction, Science and Education], 2017, no. 1, pp. 40–45. (In Russian).
28. Mogodi M. F. *Analysis of Multi-stage Real Options for Timing Redevelopment of Super Regional Shopping Centres in South Africa, Utilizing Study Area Johannesburg West Region C*. University of the Witwatersrand, 2014. 113 p.
29. Shalina D. S., Stepanova N. R. Renovatsiya, redevelopment, revitalizatsiya i dzhentrifikatsiya gorodskogo prostranstva [Renovation, redevelopment, revitalization and gentrification of urban space]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2019, no. 12 (2), pp. 285–289. (In Russian).
30. Vlasova M. F., Larionova V. A., Stepanova N. R. The Development of a Comfortable Urban Environment on the Example of Ekaterinburg City. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2020, vol. 753, no. 5, Article 052031. doi: [10.1088/1757-899X/753/5/052031](https://doi.org/10.1088/1757-899X/753/5/052031)
31. Kondrat'eva L. N., Stepanova N. R., Bochkov P. V. The Formation of a Comfortable Urban Environment. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2020, vol. 972, no. 1, Article 012021. doi: [10.1088/1757-899X/972/1/012021](https://doi.org/10.1088/1757-899X/972/1/012021)
32. Daineko L. V., Karavaeva N. M., Yurasova I. I. Redevelopment of Ex-industrial Areas in Yekaterinburg. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2021, vol. 1079, no. 3, Article 032093. doi: [10.1088/1757-899X/1079/3/032093](https://doi.org/10.1088/1757-899X/1079/3/032093)
33. Lai Y., Tang B., Chen X., Zheng X. Spatial determinants of land redevelopment in the urban renewal processes in Shenzhen, China. *Land Use Policy*, 2021, vol. 103, Article 105330. doi: [10.1016/j.landusepol.2021.105330](https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2021.105330)
34. Jaszczak A., Kristianova K., Pochodyła E., Kazak J. K., Młynarczyk K. Revitalization of Public Spaces in Cittaslow Towns: Recent Urban Redevelopment in Central Europe. *Sustainability*, 2021, vol. 13, no. 5, Article 2564. doi: [10.3390/su13052564](https://doi.org/10.3390/su13052564)

35. Bareicheva M. A., Kubina E. A., Daineko L. V. Redevelopment of the cultural heritage object (the case of the “Nurov’s Estate”). *SHS Web of Conferences. EDP Sciences*, 2021, vol. 128, Article 01014. doi: [10.1051/shsconf/202112801014](https://doi.org/10.1051/shsconf/202112801014)

36. Shalina D. S., Stepanova N. R. Renovatsiya shkol kak uslovie povysheniya urovnya obrazovaniya [Renovation of schools as a condition for improving the level of education]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2020, no. 1. (In Russian). doi: [10.17513/spno.29484](https://doi.org/10.17513/spno.29484)

37. Daineko L. V., Goncharova N. V., Larionova V. A., Karavaeva N. M., Sheveleva A. E. Socio-Cultural Impact of Church Building in Russia (the Case of the Cathedral of Saint Martyr Catherine in Ekaterinburg). *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2021, vol. 666, no. 6, Article 062082. doi: [10.1088/1755-1315/666/6/062082](https://doi.org/10.1088/1755-1315/666/6/062082)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia Mikhailovna Karavaeva – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Management in Construction and Real Estate Market, Ural Federal University (19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia); n.m.karavaeva@urfu.ru

Natalia Vadimovna Goncharova – Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Management at Metallurgical and Machine-Building Enterprises, Ural Federal University (19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia); n.v.goncharova@urfu.ru

Liudmila Vladimirovna Daineko – Senior Lecturer at the Department of Economics and Management in Construction and Real Estate Market, Ural Federal University (19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia); l.v.daineko@urfu.ru

Inna Igorevna Yurasova – Senior Lecturer at the Department of Economics and Management in Construction and Real Estate Market, Ural Federal University (19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia); i.i.iurasova@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 29.07.2022, принята к печати 13.12.2022

Received July 29, 2022; accepted December 13, 2022

УДК 338.45, ББК 65.291.5, JEL Code D24, F63, L10, L52, L67
DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-474-486

© Ибрагимова Р. С.,
Головкин Д. С., 2022

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК КОНЦЕПЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Розалия Савиевна Ибрагимова

ORCID ID: [0000-0002-7184-5073](https://orcid.org/0000-0002-7184-5073), Researcher ID: [J-9485-2017](https://orcid.org/J-9485-2017), irozalia@hotmail.com

Дмитрий Сергеевич Головкин

ORCID ID: [0000-0002-1925-265X](https://orcid.org/0000-0002-1925-265X), Researcher ID: [X-7023-2018](https://orcid.org/X-7023-2018), dm-golovkin@yandex.ru

Ивановский государственный университет (Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39)

Аннотация. Статья посвящена проблемам совершенствования управления промышленными предприятиями, актуальность решения которых возрастает в связи с динамичными изменениями среды функционирования под влиянием вызовов четвертой промышленной революции и структурной трансформацией социально-экономических и технологических процессов. Основная цель работы заключается в поиске и формировании наиболее рациональной и адекватной современным условиям концепции стратегического управления, обеспечивающей синхронизацию внутренних преобразований компании с перманентными переменными во внешней среде, своевременное реагирование на возникающие проблемы и открывающиеся возможности во всех аспектах деятельности, проактивное принятие управленческих решений. Методология проведенного исследования базируется на классических и современных теориях стратегического планирования и управления, моделях устойчивого развития и эндогенного роста экономики. Авторами предложен подход к построению системы стратегического управления, новизна которого заключается в интеграции концепции экономического потенциала промышленного предприятия и современного инструментария менеджмента (*Balanced Scorecard*, *Foresight*, *Benchmarking*, *Life-Cycle Management*, *Value-Based Management* и др.). Особое внимание уделено стратегическому планированию как основному звену системы управления: выстроен и описан логический процесс формирования стратегии компании, выделены векторы форсайт-исследования и перспективы *Balanced Scorecard*, сформирована система сбалансированных показателей в соответствии с основными элементами экономического потенциала предприятия, уточнена методика расчета частных и интегрального показателей *Balanced Scorecard*. Предложенный в работе подход к стратегическому управлению и представленный комплекс методических разработок могут быть использованы в практике работы промышленных компаний, что подтверждено результатами их апробации на предприятиях текстильной отрасли.

Ключевые слова: промышленное предприятие, экономический потенциал, стратегическое управление, стратегия развития, форсайт, сбалансированная система показателей, капитализация

Для цитирования:

Ибрагимова Р. С., Головкин Д. С. Экономический потенциал как концепция стратегического управления промышленным предприятием // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2022. Т. 17, № 4. С. 474–486. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-474-486

ECONOMIC POTENTIAL AS A STRATEGIC MANAGEMENT CONCEPT OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISE

Rozaliia S. Ibragimova

ORCID ID: [0000-0002-7184-5073](https://orcid.org/0000-0002-7184-5073), Researcher ID: [J-9485-2017](https://orcid.org/J-9485-2017), irozalia@hotmail.com

Dmitry S. Golovkin

ORCID ID: [0000-0002-1925-265X](https://orcid.org/0000-0002-1925-265X), Researcher ID: [X-7023-2018](https://orcid.org/X-7023-2018), dm-golovkin@yandex.ru

Ivanovo State University (39, Ermaka st., Ivanovo, 153025, Russia)

Abstract. The article is devoted to the problems of improving the industrial enterprises management which are becoming relevant due to dynamic changes in the operating environment under the challenges of the fourth industrial revolution, structural transformation of socio-economic and technological processes. The main objective of the work is to find and develop a concept of strategic management which is the most reasonable and appropriate for the modern conditions. This concept should synchronize in-house transformations with the permanent changes in the external environment; provide a timely response to the emerging concerns and opportunities in all aspects of activity, proactive managerial decision-making. Methodologically, the research arises from the classical and modern theories of strategic planning and management, models of sustainable development and endogenous economic growth. The authors offer an approach to the development of a strategic management system. The approach is novel thanks to the integration of the concept of the industrial enterprise economic potential and modern management tools (Balanced Scorecard, Foresight, Benchmarking, Life-cycle Management, Value-Based Management, etc.). Special attention is paid to the strategic planning as the main link of the management system: the company's strategy is logically designed and described; the vectors of foresight research and prospects of Balanced Scorecard are highlighted; balanced indicators are systematized by the key elements of the company's economic potential; the methodology for calculating the partial and integral Balanced Scorecard indicators is clarified. The approach to the strategic management proposed in the paper and the presented set of methodological developments can be used in the practices of industrial companies, which is confirmed by the testing results at textile enterprises.

Keywords: industrial enterprise, economic potential, strategic management, development strategy, foresight, balanced scorecard, capitalization

For citation:

Ibragimova R. S., Golovkin D. S. Economic potential as a strategic management concept of the industrial enterprise. *Perm University Herald. Economy*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 474–486. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-474-486

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время среда функционирования предприятий довольно нестабильна и изменчива, что повышает степень неопределенности и риски развития. В этих условиях для обеспечения гибкости, адекватности и эффективности менеджмента требуется постоянная модернизация систем и инструментария управления.

Цель нашего исследования заключалась в разработке подхода к построению системы стратегического управления на основе концепции экономического потенциала промышленного предприятия, способствующей формированию комплексной оценки текущего состояния и возможностей перспективного развития хозяйствующего субъекта с более раз-

носторонних позиций, чем при использовании традиционных подходов к анализу и планированию деятельности.

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Огромный вклад в становление и развитие науки стратегического управления в рыночных условиях внесли И. Ансофф [1; 2], Дж. Куинн, Г. Минцберг, С. Гошал [3], М. Портер [4], А. Стрикленд, А. Томпсон [5], Д. Аакер, [6], Р. А. Д'Авени [7], А. Сливотски, Д. Моррисон [8], Ж. Ж. Ламбен [9], Р. Ромер [10] и др. С их работ началась классическая теория стратегического планирования и управления.

Подходы к стратегическому планированию постепенно менялись по мере трансформации среды функционирования, изменения скорости перемен и ключевых факторов роста компаний. В середине XX в. (1950–1960-е гг.) долгосрочное планирование сводилось к разработке корпоративных финансовых планов на основе экстраполяции сложившихся тенденций. И. Ансофф (1965) определял стратегическое планирование как логический и аналитический процесс [1]. В 1970-е гг. внешние изменения стали сопровождаться периодическими скачками, что обусловило появление на Западе концепции управления по обстоятельствам; далее, в 1980-е гг., когда эти скачки стали более существенными, зародился новый подход – «кризисное управление».

В конце XX в. взгляды на сущность стратегического управления значительно преобразовались, что было вызвано ускорением рыночных изменений под влиянием научно-технического прогресса и глобализации экономических процессов. Д. Аакер в 1990-е гг. особо подчеркивает роль концепции стратегического рыночного управления, характеризующегося проактивным подходом к принятию решений, высокой скоростью стратегической реакции независимо от цикла планирования и применением глобальных информационных систем поддержки решений [6].

По мнению *R. A. D'Aveni*, автора концепции гиперконкуренции, высокая динамичность среды требует различных стратегических реакций и подходов к стратегическому управлению, нормой становится не равновесное состояние, а непрерывная ломка тенденций во всех областях связей и сфер активности фирмы [7].

А. Сливотски и Д. Моррисон в 2000-е гг., изучив менеджмент наиболее успешных компаний мира, делают вывод, что большинство из них создают новую архитектуру для своей модели бизнеса каждые 5–7 лет [8].

Существенные изменения практики стратегического управления в последние десятилетия связаны прежде всего с ориентацией компаний на освоение открывающихся возможностей технологических инноваций. Динамика внешних и внутренних изменений среды под нарастающим влиянием научно-технического прогресса усиливается, что тре-

бует высокой скорости стратегических реакций. *P. Romer*, исследуя закономерности структурных изменений систем под воздействием передовых технологий, констатирует, что устойчивая динамика экономического роста может базироваться преимущественно на эндогенных факторах производства [10].

Очевидно, современная система стратегического управления должна содержать элементы и включать процессы, способствующие быстрому реагированию на изменения среды и принятию стратегических решений в соответствии с закономерностями развития открытых социально-экономических систем, обеспечивать проактивное поведение и своевременную смену модели бизнеса в точке бифуркации, противодействовать отставанию внутренних изменений от внешних. С нашей точки зрения, такая комплексная система может быть построена на основе концепции экономического потенциала, которая подразумевает рассмотрение промышленного предприятия как сложной иерархической структуры, располагающей определенными экономическими ресурсами, компетенциями и возможностями в самых разнообразных аспектах функционирования: инновационном, производственном, маркетинговом, кадровом, финансовом и организационно-управленческом. Управление экономическим потенциалом компании означает ориентирование ее деятельности на устойчивое развитие при эффективном использовании основных факторов производства и обеспечение сильных позиций в будущем. Оно базируется на системном анализе, охватывающем весь хозяйственный цикл и кругооборот капитала, и оптимальной комбинации современного инструментария управления.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ ПРЕДПРИЯТИЯ

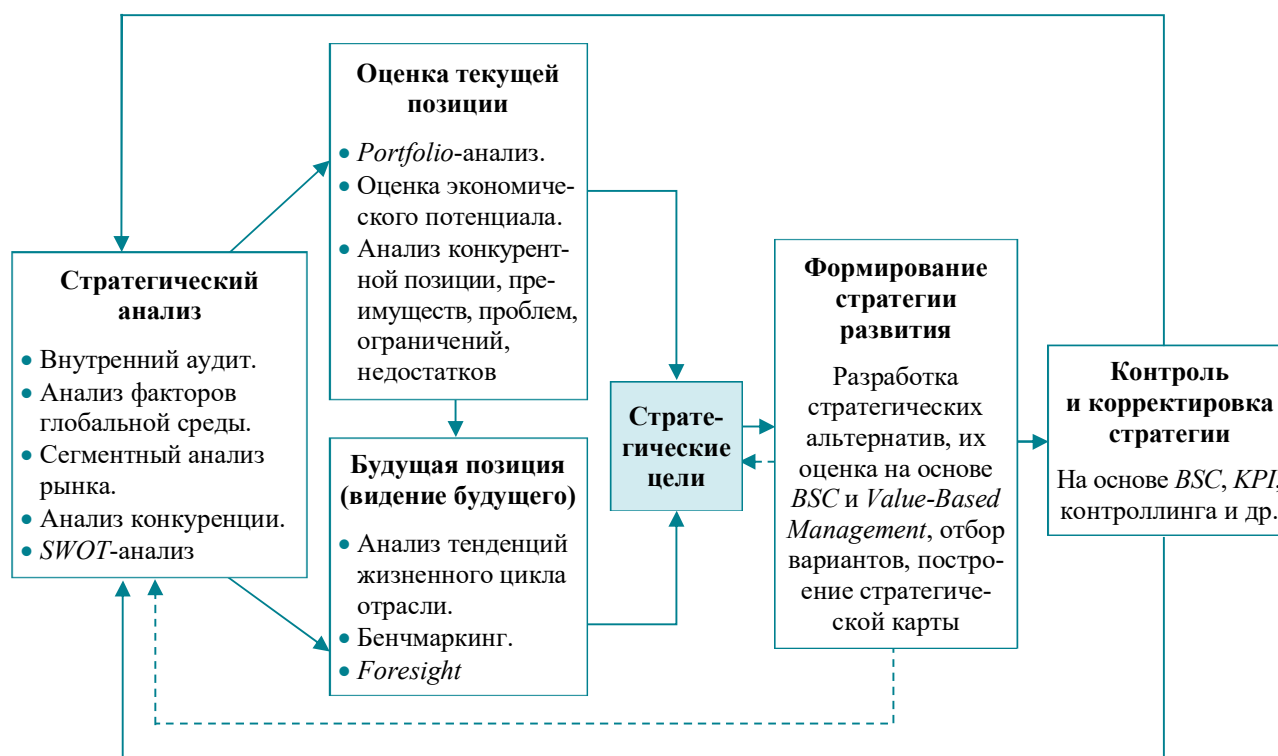
Под экономическим потенциалом мы понимаем способность предприятия обеспечивать долговременное функционирование, развитие и достижение стратегических целей на основе использования

системы наличных ресурсов с учетом накопленных компетенций и открывающихся возможностей в целях удовлетворения спроса потребителей в товарах и услугах в объеме и качестве, определяемом их индивидуальными потребностями [11]. При этом под ресурсами подразумеваются все материальные и нематериальные активы, которые участвуют в производственно-коммерческой деятельности и формировании доходов предприятия; под накопленными компетенциями – способность эффективно использовать имеющиеся активы; под возможностями – внутренние и внешние потенциальные позитивные эффекты, которые могут быть реализованы в целях дальнейшего развития.

В данной работе акцентировано внимание на стратегическом планировании как центральном звене системы управления. Исходя из понимания стратегии как пути достижения устойчивой позиции предприятия в глобальном бизнес-пространстве, в систему разработки стратегии включены такие компоненты: стратегический анализ, оценка текущего положения, выбор будущей позиции, поста-

новка целей и их оценка, формирование стратегии развития, контроль и корректировка стратегии в соответствии с изменениями (рис. 1).

Процесс стратегического планирования начинается с комплексного анализа факторов среды функционирования (внутренних и внешних флуктуаций), в результате которого определяется текущая позиция предприятия и формируется видение будущего. Текущее и будущее положение оценивается по всем элементам экономического потенциала с помощью сбалансированной системы показателей (*Balanced Scorecard* – *BSC*). Текущее положение характеризуется имеющимся экономическим потенциалом, конкурентной позицией на рынке, ключевыми факторами успеха, а также проблемами и ограничениями деятельности. Желаемая будущая позиция формируется исходя из результатов *foresight*-исследований, изучения закономерностей жизненного цикла отрасли и бенчмаркинга. Стратегические цели ставятся на основе сравнения текущей и желаемой позиции компании с учетом достигнутого потенциала и возможностей наращивания недостающих ресурсов и компетенций.

Источник: разработано авторами.

Рис. 1. Процессная структуризация глобально ориентированной системы формирования стратегии предприятия

Fig. 1. Process-based structuring of a globally oriented system for enterprise's strategy development

Далее разрабатываются стратегические альтернативы и отбирается та, которая наилучшим образом способствует достижению стратегических целей и желаемой позиции. Оценка и отбор альтернатив проводится с помощью методов *BSC* и *Value-Based Management*. Завершающим этапом процесса стратегического планирования является контроль и корректировка стратегии, осуществляемые с помощью разнообразных инструментов менеджмента (*BSC*, *management by objectives*, *key performance indicators*, контроллинг, бюджетирование и др.).

Стратегическое управление в рамках предлагаемой системы характеризуется непрерывностью и итерационностью. Процесс неоднократно повторяется: детализация управленческих решений и их оценка сопровождаются дополнительными уточняющими исследованиями среды функционирования и верификацией соответствия принятых решений стратегическим целям и открывающимся возможностям.

В данной статье представим основные черты разработанного нами подхода к оценке текущей и будущей позиций компании, формированию целей и стратегических альтернатив, особенностью и новизной которого является интеграция концепции экономического потенциала с методами сбалансированной системы показателей (*BSC*) и *foresight*-технологиями.

Как было отмечено, экономический потенциал предприятия представляет собой сложную и многоаспектную категорию, включающую несколько составляющих: инновационный, производственный, маркетинговый, кадровый, финансовый и организационно-управленческий потенциалы. Формирование образа будущего компании как в целом, так и по отдельным аспектам обеспечивается *foresight*-технологиями, используемыми для выявления приоритетов в экономической, научно-технологической и социальной сферах. Концепция *foresight* как методология инновационного пути развития в большей степени ориентирована на глобальные вызовы научно-технического прогресса по сравнению с традиционными методами долгосрочного планирования и прогнозирования. Эффективность ее применения в стратегическом управлении уже неоднократно подтверждалась на практике [12–16].

В нашем подходе к стратегическому управлению *foresight*-исследования нацелены на поиск путей количественного и качественного наращивания экономического потенциала предприятия как в целом, так и по отдельным элементам. Для этих целей выделено восемь стратегических векторов развития промышленной компании и формирования целостного образа будущего, схематично представленных на рис. 2.

Источник: разработано авторами.

Рис. 2. Стратегические векторы *foresight*-исследования по элементам экономического потенциала предприятия

Fig. 2. Strategic vectors of a foresight research by enterprise's economic potential elements

Система оценки экономического потенциала предприятия базируется на количественных и качественных характеристиках, в связи с чем представляется целесообразным применение сбалансированной системы показателей (*BSC*), объединяющей в себе комплекс финансовых и нефинансовых индикаторов и наиболее полно отвечающей современным требованиям управления деятельностью предприятия. Модель *Balanced scorecard*, впервые предложенная *R. S. Kaplan* и *D. P. Norton* в 1992 г. [17; 18], в настоящее время широко используется для формирования самых разнообразных систем управления и хорошо зарекомендовала себя на практике [19; 20].

Для измерения ресурсов, компетенций и возможностей при анализе и оценке текущей и будущей позиции предприятия нами разработана и предложена система сбалансированных показателей (*BSC*) с использованием шести перспектив, коррелирующих с основными элементами экономического потенциала предприятия: инновации, производство, маркетинг, кадры, финансы, организация и управление. По каждой перспективе отобраны наиболее существенные, с нашей точки зрения, показатели.

Ресурсный аспект в *BSC* представлен показателями, отражающими материальные и нематериальные активы по отдельным элементам экономического потенциала: производственный капитал (ПК), трудовой капитал (ТК), финансовый капитал (ФК), инновационный капитал (ИК), нематериальный маркетинговый капитал (НМК), организационно-управленческий капитал (ОУК).

Для оценки компетенций компании предлагается применять показатели, характеризующие эффективность использования ресурсов (соотношение результатов и вложений): уровень использования производственной мощности ($У_{ПМ}$); производительность труда (ПТ); коэффициент оборачиваемости оборотных активов ($КО_{ОА}$); эффективность системы НИОКР ($Э_{НИОКР}$); эффективность системы маркетинга ($Э_{М}$); эффективность системы управления ($Э_{У}$).

Возможности предприятия по каждой перспективе *BSC*, по нашему мнению, могут быть измерены на основе индикаторов роста экономического потенциала за счет реализации

тех или иных мер в целях дальнейшего развития: рост производственной мощности ($\Delta ПМ$); добавленной стоимости, производимой одним работником ($\Delta ДС$); инвестиционного капитала ($\Delta ИнвК$); доли инновационной продукции ($\Delta ИП$); доли рынка (ΔD); конкурентоспособности предприятия (КСП).

Система сбалансированных показателей, предназначенная для целей стратегического управления экономическим потенциалом промышленного предприятия, отражена на рис. 3.

Отобранные индикаторы *BSC* достаточно широко используются в практике планирования и учета предприятий, поэтому их оценка в рамках системы стратегического управления не представляется затруднительной с точки зрения информационно-методической поддержки. Вместе с тем требуются некоторые уточнения и пояснения методов расчета отдельных показателей по каждой перспективе для однозначности их интерпретации в процессе принятия стратегических решений.

1. Производственный потенциал

1.1. *Производственный капитал предприятия* (ПК) – это форма капитала, непосредственно используемого в производстве (основной и оборотный производственный капитал):

$$ПК = ОС + ВВА + ПВА + 3 + НП + ДС + ДЗ, \quad (1)$$

где ОС – основные средства (кроме занятых в НИОКР);

ВВА – вложения во внеоборотные активы;

ПВА – прочие внеоборотные активы;

3 – запасы;

НП – незавершенное производство;

ДС – денежные средства;

ДЗ – дебиторская задолженность (кроме просроченной).

Оценку производственного капитала следует осуществлять по остаточной стоимости, то есть за вычетом амортизации, что даст представление об уровне износа производственных активов.

1.2. *Уровень использования производственной мощности предприятия* ($У_{ПМ}$) – отношение результатов деятельности предприятия (V) к плановой производственной мощности ($ПМ_{пл}$):

$$У_{ПМ} = V / ПМ_{пл}. \quad (2)$$

			Производственный потенциал					
			Ресурсы	Компетенции	Возможности			
Трудовой потенциал	Ресурсы	Трудовой капитал (ТК)	Производственный капитал (ПК)	Уровень использования производственной мощности (У _{ПМ})	Рост производственной мощности (ΔПМ)	Финансовый капитал (ФК)	Ресурсы	Финансовый потенциал
	Компетенции	Производительность труда (выработка) (ПТ)				Коэффициент оборачиваемости оборотных активов (КО _{ОА})	Компетенции	
	Возможности	Рост добавленной стоимости, производимой 1 рабочим (ΔДС)				Рост инвестиционного капитала (ΔИнвК)	Возможности	
Инновационный потенциал	Ресурсы	Инновационный капитал (ИК)	Стоимость предприятия (СП)			Нематериальный маркетинговый капитал (НМК)	Ресурсы	Маркетинговый потенциал
	Компетенции	Эффективность системы НИОКР (Э _{НИОКР})				Эффективность системы маркетинга (Э _М)	Компетенции	
	Возможности	Рост доли инновационной продукции (ΔИП)				Организационно-управленческий капитал (ОУК)	Эффективность системы управления (Э _У)	
			Ресурсы	Компетенции	Возможности			
			Потенциал организации и управления					

Источник: разработано авторами.

Рис. 3. Сбалансированная система показателей для управления экономическим потенциалом предприятия

Fig. 3. A balanced system of indicators for enterprise's economic potential management

1.3. *Рост производственной мощности предприятия* ($\Delta ПМ$) – это прирост максимально возможного годового выпуска продукции в номенклатуре и ассортименте пред-

приятия при условии наиболее полного использования оборудования и производственных площадей, применения прогрессивной технологии и организации производства за счет

запланированных мероприятий по вводу в действие новых и модернизации действующих объектов основных средств ($\Delta\text{ПМ}_{\text{ОС}}$), увеличения номенклатуры производства ($\Delta\text{ПМ}_{\text{Н}}$), увеличения часов работы оборудования ($\Delta\text{ПМ}_{\text{ЧР}}$), использования технологического оборудования на условиях аутсорсинга ($\Delta\text{ПМ}_{\text{А}}$):

$$\Delta\text{ПМ} = \Delta\text{ПМ}_{\text{ОС}} + \Delta\text{ПМ}_{\text{Н}} + \Delta\text{ПМ}_{\text{ЧР}} + \Delta\text{ПМ}_{\text{А}}. \quad (3)$$

2. Трудовой потенциал

2.1. Трудовой капитал предприятия (ТК)

представляет собой часть человеческого капитала, то есть совокупность врожденных и приобретенных способностей и возможностей промышленно-производственного персонала предприятия, которые реально воплощаются в трудовой деятельности на предприятии [21; 22]:

$$\text{ТК} = \text{З}_3 + P + \text{HR} + \text{ФОТ}_{\text{П}}, \quad (4)$$

где З_3 – затраты, которые могут возникнуть в случае замены промышленно-производственного персонала (затраты на рекламу, время, необходимое для поиска кандидата, и стоимость подготовки нового сотрудника); P – средства, вложенные в развитие знаний, навыков и умений промышленно-производственного персонала;

HR – затраты, понесенные на поиск и подбор промышленно-производственного персонала предприятия;

$\text{ФОТ}_{\text{П}}$ – затраты на оплату труда, включая страховые взносы, которые организация уплатит в перспективе, с учетом планируемого срока работы сотрудников.

2.2. *Производительность труда* (ПТ) отражает результативность имеющихся компетенций персонала, определяемую как отношение выручки от реализации (V) к вложенному трудовому капиталу:

$$\text{ПТ} = V / \text{ТК}, \quad (5)$$

2.3. *Рост добавленной стоимости, производимой одним работником* ($\Delta\text{ДС}$), показывает реализацию возможностей по увеличению добавленной стоимости в расчете на одного работника за счет привлечения дополнительного промышленно-производственного персонала ($\Delta\text{ДС}_{\text{ФОТ}}$), вложений в развитие знаний, навыков, умений специалистов ($\Delta\text{ДС}_{\text{Р}}$), поиск и подбор ($\Delta\text{ДС}_{\text{HR}}$), аттестацию персонала ($\Delta\text{ДС}_{\text{А}}$):

$$\Delta\text{ДС} = (\Delta\text{ДС}_{\text{ФОТ}} + \Delta\text{ДС}_{\text{Р}} + \Delta\text{ДС}_{\text{HR}} + \Delta\text{ДС}_{\text{А}}) / \text{Ч}, \quad (6)$$

где Ч – численность дополнительно привлеченного промышленно-производственного персонала.

3. Финансовый потенциал

3.1. *Стоимость финансового капитала предприятия* (ФК) включает собственный и заемный капитал предприятия:

$$\text{ФК} = \text{УК} + \text{ДК} + \text{РК} + \text{НП} + \text{КЗ} + \text{ФП} + \text{РПР} + \text{ДЗС} + \text{КЗС}, \quad (7)$$

где УК – уставный капитал;

ДК – добавочный капитал;

РК – резервный капитал;

НП – нераспределенная прибыль;

КЗ – кредиторская задолженность (кроме просроченной);

ДО – долгосрочные обязательства;

КО – краткосрочные обязательства.

3.2. *Коэффициент оборачиваемости оборотных активов* ($\text{КО}_{\text{ОА}}$) – это соотношение результатов деятельности предприятия (V) к оборотным активам предприятия (ОА):

$$\text{КО}_{\text{ОА}} = V / \text{ОА}. \quad (8)$$

Этот показатель позволяет косвенно оценить компетенции в области кругооборота капитала.

3.3. *Рост инвестиционного капитала предприятия* ($\Delta\text{ФК}$) характеризует реализацию предприятием возможностей по увеличению капитала, предназначенного для осуществления капитальных вложений в производство, НИОКР, маркетинг, управленческие и трудовые ресурсы за счет привлечения инвестиций ($\Delta\text{ФК}_{\text{И}}$) или кредитов ($\Delta\text{ФК}_{\text{К}}$):

$$\Delta\text{ФК} = \Delta\text{ФК}_{\text{И}} + \Delta\text{ФК}_{\text{К}}. \quad (9)$$

4. Инновационный потенциал

4.1. *Инновационный капитал предприятия* (ИК) – совокупная стоимость человеческого капитала, занятого в НИОКР, всех материальных и нематериальных активов, непосредственно занятых в НИОКР, а также стоимость всех результатов НИОКР, приобретенных или разработанных предприятием:

$$\text{ИК} = \text{ФОТ}_{\text{П}} + \text{ОС}_{\text{И}} + \text{МПА} + \text{НПА} + P + \text{КТ} + \text{НХ} + \text{ИЦ}, \quad (10)$$

где ΦOT_{Π} – фонд оплаты труда, включая налоги и страховые взносы работников, занятых в НИОКР, которые организация уплатит в перспективе с учетом планируемого срока работы сотрудников;

OC_{Π} – стоимость основных средств, занятых в НИОКР;

$МПА$ – материальные поисковые активы;

$НПА$ – нематериальные поисковые активы;

P – результаты законченных проектно-изыскательских работ и НИОКР;

Π – стоимость патентов на изобретения, промышленные образцы, селекционные достижения, свидетельств на полезные модели, знаки обслуживания или лицензионных договоров на их использование;

$КТ$ – стоимость коммерческой или служебной тайны;

$НХ$ – стоимость прав на ноу-хау и др.;

$ИЦ$ – приобретенные предприятием права пользования отдельными природными ресурсами, патентами, ноу-хау и другими аналогичными видами имущественных ценностей.

4.2. *Эффективность системы НИОКР предприятия* ($\mathcal{E}_{\text{НИОКР}}$) отражает уровень компетенций в области исследований и разработок ($D\&R$), измеряемый соотношением результатов деятельности предприятия (B) к затратам на НИОКР ($\mathcal{Z}_{\text{НИОКР}}$):

$$\mathcal{E}_{\text{НИОКР}} = (B / \mathcal{Z}_{\text{НИОКР}}), \quad (11)$$

где B – выручка от реализации;

$\mathcal{Z}_{\text{НИОКР}}$ – затраты на выполнение НИОКР и проектно-изыскательских работ, приобретение патентов на изобретения, регистрацию промышленных образцов, свидетельств на полезные модели, знаки обслуживания или покупка лицензионных договоров на их использование и др.

4.3. *Рост доли инновационной продукции* – увеличение объема продаж инновационной продукции в общем объеме товарооборота предприятия за счет привлечения новых сотрудников в отдел НИОКР ($\Delta\Phi OT_{\Pi}$), покупки новых объектов основных (ΔOC_{Π}) и поисковых ($\Delta МПА + \Delta НПА$) активов, приобретения патентов и других прав пользования ($\Delta ИЦ$), покупки лицензионных договоров на ноу-хау ($\Delta НХ$):

$$ИК = \Delta\Phi OT_{\Pi} + \Delta OC_{\Pi} + \Delta МПА + \Delta НПА + \Delta НХ + \Delta ИЦ. \quad (12)$$

5. Маркетинговый потенциал

5.1. *Нематериальный маркетинговый капитал предприятия* ($НМК$) представляет собой совокупную стоимость человеческого капитала, занятого в маркетинге, всех нематериальных активов, непосредственно используемых в маркетинговой деятельности, а также стоимость всех маркетинговых результатов в форме баз данных (в том числе CRM), товарных знаков и др.:

$$НМК = \Phi OT_{\Pi} + AP + T3 + BD + \Gamma, \quad (13)$$

где ΦOT_{Π} – фонд оплаты труда, включая налоги и страховые взносы работников, занятых в сфере маркетинга, которые организация уплатит в перспективе с учетом планируемого срока работы сотрудников;

AP – стоимость объектов авторского права;

$T3$ – стоимость товарных знаков;

BD – стоимость баз данных;

Γ – гудвилл.

5.2. *Эффективность системы маркетинга предприятия* ($\mathcal{E}_M$) отражает уровень компетенций маркетинговой деятельности, определяемый как соотношение результатов деятельности предприятия к затратам на маркетинг:

$$\mathcal{E}_M = (B / НМК), \quad (14)$$

где B – выручка от продаж;

$НМК$ – затраты на маркетинг, включающие в себя фонд оплаты труда персонала, занятого в маркетинге, затраты на проведение маркетинговых исследований, стоимость пользования базами данных и программным обеспечением, затраты на регистрацию товарных знаков и др.

5.3. *Рост доли рынка* (ΔD) – увеличение процентного соотношения показателей объема продаж компании к общему объему продаж товаров той же категории на рынке за счет регистрации товарного знака (ΔD_{T3}), покупки или формирования баз данных клиентов (ΔD_{BD}), роста деловой репутации фирмы (ΔD_{Γ}), регистрации субъектов авторских прав (ΔD_{AP}):

$$\Delta D = \Delta D_{AP} + \Delta D_{T3} + \Delta D_{BD} + \Delta D_{\Gamma}. \quad (15)$$

6. Организационно-управленческий потенциал

6.1. *Организационно-управленческий капитал предприятия* ($ОУК$) – это совокупная стоимость человеческого капитала управлен-

ческого персонала предприятия (стратегическое руководство, оперативное руководство, специалисты, служащие), а также всех нематериальных активов предприятия (системы поддержки управленческих решений, ERP-системы, корпоративная культура и др.):

$$\text{ОУК} = \text{ФОТ}_\Pi + \text{ПП} + \text{КК}, \quad (16)$$

где ФОТ_Π – фонд оплаты труда, включая логи и страховые взносы управленческого персонала предприятия (стратегическое руководство, оперативное руководство, специалисты, служащие), которые организация уплатит в перспективе с учетом планируемого срока работы сотрудников; ПП – приобретенные предприятием права пользования отдельными программными продуктами (системы поддержки управленческих решений, ERP-системы и др.); КК – затраты на формирование корпоративной культуры.

6.2. *Эффективность системы управления предприятия* отражает уровень компетенций менеджмента и определяется как отношение результатов деятельности предприятия (В) к затратам на организацию и управление (ОУК):

$$\text{Э}_y = (\text{В} / \text{ОУК}). \quad (17)$$

6.3. *Конкурентоспособность предприятия* (КСП) – это способность предприятия удовлетворять конкретные потребности лучше по сравнению с аналогичными объектами на отраслевом рынке [23]. Этот показатель в определенной мере характеризует свойство управлять возможностями, открывающимися на отраслевом рынке. Коэффициент конкурентоспособности мы предлагаем определять экспертным методом как соотношение рейтинга предприятия к рейтингу лидера отраслевого рынка, получившего наивысший рейтинг.

Выше были описаны методы расчета частных показателей экономического потенциала предприятия. К существенным недостаткам традиционной BSC-модели Каплана – Нортон [17; 18] можно отнести отсутствие интегрального показателя, служащего конечным стратегическим ориентиром [24]. Некоторые исследователи западных стран в качестве такого базового показателя предлагают использовать экономическую добавленную стоимость (EVA), ссылаясь на комплексность и бухгалтерскую

простоту методики ее расчета [25]. Очевидно, при построении BSC для системы стратегического управления экономическим потенциалом промышленных предприятий требуется интегральный показатель, который, с одной стороны, включал бы как финансовые, так и нефинансовые активы с учетом эффективности их использования, с другой – был бы четко связан с частными показателями отдельных перспектив BSC. В качестве такой обобщающей количественной характеристики, отражающей уровень экономического потенциала всего предприятия, в нашем исследовании выступает стоимость (капитализация) компании (СП), определяемая доходным методом по следующей формуле:

$$\begin{aligned} \text{СП} = & (\text{У}_{\text{ПМ}} \times \text{ПК}^{i\text{ПМ}} + \text{КО}_{\text{ОА}} \times \\ & \times \text{ФК}^{i\text{ИнвК}} + \text{В} \times \text{ТК}^{i\text{ДС}} + \text{Э}_{\text{ИК}} \times \\ & \times \text{ИК}^{i\text{ИП}} + \text{Э}_{\text{М}} \times \text{НМК}^{i\text{D}} + \\ & + \text{Э}_{\text{У}} \times \text{ОУК}^{i\text{КСП}}) / 6, \end{aligned} \quad (18)$$

где $i\text{ПМ}$, $i\text{ИнвК}$, $i\text{ДС}$, $i\text{ИП}$, $i\text{D}$, $i\text{КСП}$ – индексы роста частных показателей, отражающих способность компании реализовать открывающиеся возможности соответственно в области производственного, инвестиционного, трудового, инновационного, маркетингового и организационно-управленческого потенциалов.

Каждое слагаемое формулы (18) характеризует потенциальный уровень отдачи от актива по определенной перспективе BSC. Возведение стоимости ресурса в степень, отражающую темп его роста за счет реализации возможностей, позволяет оценить потенциальный доход предприятия. Стоимость предприятия определяется как средняя величина из потенциальных доходов, рассчитанных по каждой перспективе. Предлагаемая методика формирования BSC дает возможность через частные показатели отслеживать изменение факторов повышения экономического потенциала и их влияние на стоимость компании на всех этапах процесса стратегического планирования, а также способствует выявлению путей роста капитализации предприятия в различных формах (технологической, интеллектуальной, маркетинговой, финансовой, социальной), тем самым обеспечивая управление стоимостью компании (*Value-Based Management*).

Подход к формированию стратегии предприятия на основе концепции экономического потенциала был апробирован на предприятиях текстильной отрасли: ООО «ТДЛ Текстиль», ОАО ХБК «Шуйские ситцы», ООО «Альфа-Трейд», ООО «Фурмановская фабрика № 2». На основе *foresight*-исследований приоритетных направлений развития текстильной промышленности [26] и *BSC*-анализа текущего положения компаний разработаны стратегии развития, ориентированные на рост капитализации каждой из них, а именно: для ООО «ТДЛ Текстиль» предложена стратегия инвестирования в инновационное развитие; ОАО ХБК «Шуйские ситцы» – стратегия инвестирования в интеллектуальный капитал и максимизации эффективности ресурсного потенциала; ООО «Альфа-Трейд» – стратегия кастомизации и цифровизации бизнес-процессов; ООО «Фурмановская фабрика № 2» – стратегия технологической модернизации и технического перевооружения.

Результаты апробации свидетельствуют о практическом значении предлагаемого методического подхода к формированию системы стратегического управления экономическим потенциалом, охватывающей все аспекты деятельности, учитывающей имеющийся потенциал предприятия и приоритетные отраслевые тренды, что повышает эффективность принимаемых решений и ведет к росту капитализации компании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, эффективное развитие предприятия в условиях динамичных изменений среды может быть обеспечено на основе целостного механизма стратегического управления, ориентированного на продолжительное и устойчивое функционирование открытых социально-экономических систем.

Предлагаемый нами подход к формированию стратегического управления, новизна которого заключается в интеграции концепции экономического потенциала промышленного предприятия и современных инструментов менеджмента (*BSC*, *Foresight*, *Benchmarking*, *Life-Cycle Management* и *Value-Based Management*), способствует адекватному и проактивному реагированию на внешние и внутренние изменения, синхронизации с внешней средой, созданию условий для обновления всех форм капитала, количественному и качественному наращиванию потенциала по всем элементам и росту стоимости (капитализации) компании.

Методический комплекс, разработанный в соответствии с процессной структуризацией стратегического управления, представляет собой основу для информационно-методической поддержки стратегических решений, что подтверждается результатами практической апробации на ряде предприятий текстильной промышленности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. СПб.: Питер, 1999. 416 с.
2. Ансофф И. Стратегический менеджмент. СПб.: Питер, 2009. 344 с.
3. Минцберг Г., Куинн Дж., Гошал С. Стратегический процесс: концепции, проблемы, решения. СПб.: Питер, 2001. 567 с.
4. Porter M. What is Strategy? // Harvard Business Review. 1996. Vol. 74, no. 6. P. 61–78.
5. Томпсон А., Стрикленд А. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации. М.: ИНФРА-М, 2000. 928 с.
6. Аaker Д. Стратегическое рыночное управление. СПб.: Питер, 2002. 496 с.
7. D'Aveni R. A. Hypercompetition: Managing the Dynamics of Strategic Maneuvering. New York: The Free Press, 1994. 448 p.
8. Сливотски А., Моррисон Д. Маркетинг со скоростью мысли. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 448 с.
9. Ламбен Ж. Ж. Стратегический маркетинг: Европейская перспектива. СПб.: Наука, 1996. 590 с.
10. Romer P. M. Increasing returns and long-Run growth // Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94, no. 5. P. 1002–1037. doi: [10.1086/261420](https://doi.org/10.1086/261420)
11. Ибрагимова Р. С., Головкин Д. С. Методическое обоснование оценки экономического потенциала предприятия текстильной промышленности // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2016. № 3 (47). С. 64–74.
12. Martin B. R. Foresight in science and technology // Technology Analysis & Strategic Management. 1995. Vol. 7, no. 2. P. 139–168. doi: [10.1080/09537329508524202](https://doi.org/10.1080/09537329508524202)

13. *Martin B. R.* Research Foresight and the exploitation of science base. London: HSMO, 1993. 21 p.
14. *Popper R.* Methodology: Common Foresight Practices & Tools // *The International Handbook on Foresight and Science Policy: Theory and Practice*. Edward Elgar, 2007. P. 123–144.
15. *Loveridge D.* Foresight / PREST. University of Manchester, 2001. 200 p.
16. *Keenan M., Miles I.* Scoping and Planning Foresight // *Georghiou I., Cassinger H. J., Keenan M., Miles I., Popper R.* (eds) // *Handbook of Technology Foresight*. Cheltenham: Edward Elgar, 2008. P. 342–376.
17. *Kaplan R. S., Norton D. P.* The balanced scorecard: Translating strategy into action. Boston: Harvard Business School Press, 1996. 400 p.
18. *Kaplan R. S., Norton D. P.* Why Does Business Need a Balanced Scorecard? Part I // *Journal of Cost Management*. 1997. Vol. 11, no. 3. P. 5–10.
19. *Сычева С. М., Шрамченко Т. Б.* Роль системы сбалансированных показателей в проектно-ориентированных организациях // *Вестник университета*. 2020. № 2. С. 148–155. doi: [10.26425/1816-4277-2020-2-148-155](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-2-148-155)
20. *Железнова Т. Ю., Вайсман Е. Д.* Интеграция методов стратегического управления промышленным предприятием // *Управленец*. 2022. Т. 13, № 2. С. 2–19. doi: [10.29141/2218-5003-2022-13-2-1](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-2-1)
21. *Ахтямов М. К., Гончар Е. А., Тихонова Н. В.* Оценка интеллектуального капитала организации как элемента внутренней стоимости предприятия // *Креативная экономика*. 2016. № 8 (10). С. 945–960. doi: [10.18334/ce.10.8.35851](https://doi.org/10.18334/ce.10.8.35851)
22. *Овчинникова О. А., Парушина Н. В.* Трансформация отчетности для отражения интеллектуального капитала // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2015. № 4. С. 77–79.
23. *Kotler P.* Marketing essentials. Prentice-Hall, 2019. 565 p.
24. *Зенкина И. В.* Основы формирования системы показателей экономического субъекта в русле современных концепций стратегического управления // *Экономический анализ: теория и практика*. 2009. № 27. С. 34–39.
25. *Редченко К.* Сбалансированная система показателей (BSC) и экономическая добавленная стоимость (EVA): комбинирование с целью достижения синергии // *Финансы и кредит*. 2014. № 5. С. 64–69.
26. *Ибрагимова Р. С., Головкин Д. С.* Выявление приоритетных направлений развития текстильной промышленности на основе форсайт-исследований // *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*. 2021. № 1 (47). С. 87–97. doi: [10.6060/ivecofin.20214701.521](https://doi.org/10.6060/ivecofin.20214701.521)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Розалия Савиевна Ибрагимова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории, экономики и предпринимательства, Ивановский государственный университет (Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39); irozalia@hotmail.com

Дмитрий Сергеевич Головкин – аспирант кафедры экономической теории, экономики и предпринимательства, Ивановский государственный университет (Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39); dm-golovkin@yandex.ru

REFERENCES

1. Ansoff I. *Novaya korporativnaya strategiya* [The New Corporate Strategy]. Saint Petersburg, Piter Publ., 1999. 416 p. (In Russian).
2. Ansoff I. *Strategicheskii menedzhment* [Strategic Management]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2009. 344 p. (In Russian).
3. Mintzberg H., Quinn J., Ghoshal S. *Strategicheskii protsess: kontseptsii, problemy, resheniya* [The Strategic Process. Concepts, Contexts, Cases]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2001. 567 p. (In Russian).
4. Porter M. What is Strategy? *Harvard Business Review*, 1996, vol. 74, no. 6, pp. 61–78.
5. Thompson A., Strickland A. *Strategicheskii menedzhment: kontseptsii i situatsii* [Strategic Management: Concepts and Cases]. Moscow, INFRA-M, 2000. 928 p. (In Russian).
6. Aaker D. *Strategicheskoe rynochnoe upravlenie* [Strategic Market Management]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2002. 496 p. (In Russian).
7. D'Aveni R. A. *Hypercompetition: Managing the Dynamics of Strategic Maneuvering*. New York, The Free Press, 1994. 448 p.
8. Slywotzky A., Morrison D. *Marketing so skorost'yu mysli* [Marketing with a Speed of Thought]. Moscow, EKSMO-PRESS Publ., 2002. 448 p. (In Russian).

9. Lambin J.-J. *Strategicheskii marketing: Evropeiskaya perspektiva* [Strategic Marketing: European Perspective]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996. 590 p. (In Russian).
10. Romer P. M. Increasing returns and long-run growth. *Journal of Political Economy*, 1986, vol. 94, no. 5, pp. 1002–1037. doi: [10.1086/261420](https://doi.org/10.1086/261420)
11. Ibragimova R. S., Golovkin D. S. Metodicheskoe obosnovanie otsenki ekonomicheskogo potentsiala predpriyatiya tekstil'noi promyshlennosti [Methodological substantiation of the estimation of economic potential of the enterprise]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie* [Modern High Technologies. Regional Application], 2016, no. 3 (47), pp. 64–74. (In Russian).
12. Martin B. R. Foresight in science and technology. *Technology Analysis & Strategic Management*, 1995, vol. 7, no. 2, pp. 139–168. doi: [10.1080/09537329508524202](https://doi.org/10.1080/09537329508524202)
13. Martin B. R. *Research Foresight and the Exploitation of Science Base*. London, HMSO, 1993. 21 p.
14. Popper R. Methodology: Common Foresight Practices & Tools. *The International Handbook on Foresight and Science Policy: Theory and Practice*. Edward Elgar, 2007, pp. 123–144.
15. Loveridge D. *Foresight / PREST*. University of Manchester, 2001. 200 p.
16. Keenan M., Miles I. Scoping and Planning Foresight. *Handbook of Technology Foresight*. Cheltenham, Edward Elgar, 2008, pp. 342–376.
17. Kaplan R. S., Norton D. P. *The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action*. Boston, Harvard Business School Press, 1996. 400 p.
18. Kaplan R. S., Norton D. P. Why Does Business Need a Balanced Scorecard? Part I. *Journal of Cost Management*, 1997, vol. 11, no. 3, pp. 5–10.
19. Sycheva S. M., Shramchenko T. B. Rol' sistemy sbalansirovannykh pokazatelei v proektno-orientirovannykh organizatsiyakh [Role of the balanced scoreboard in project-oriented organizations]. *Vestnik universiteta* [Vestnik Universiteta], 2020, no. 2, pp. 148–155. (In Russian). doi: [10.26425/1816-4277-2020-2-148-155](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-2-148-155)
20. Zheleznova T. Yu., Vaisman E. D. Integratsiya metodov strategicheskogo upravleniya promyshlennym predpriyatiem [Methods of industrial enterprise strategic management: Integration of approaches]. *Upravlenets* [The Manager], 2022, vol. 13, no. 2, pp. 2–19. (In Russian). doi: [10.29141/2218-5003-2022-13-2-1](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-2-1)
21. Akhtyamov M. K., Gonchar E. A., Tikhonova N. V. Otsenka intellektual'nogo kapitala organizatsii kak elementa vnutrennei stoimosti predpriyatiya [Evaluation of the company's intellectual capital as the element of the company's intrinsic value]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 2016, no. 8 (10), pp. 945–960. (In Russian). doi: [10.18334/ce.10.8.35851](https://doi.org/10.18334/ce.10.8.35851)
22. Ovchinnikova O. A., Parushina N. V. Transformatsiya otchetnosti dlya otrazheniya intellektual'nogo kapitala [Transformation statements to reflect intellectual capital]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Samara State University of Economics], 2015, no. 4, pp. 77–79. (In Russian).
23. Kotler P. *Marketing Essentials*. Prentice-Hall, 2019. 565 p.
24. Zenkina I. V. Osnovy formirovaniya sistemy pokazatelei ekonomicheskogo sub"ekta v rusle sovremennykh kontseptsii strategicheskogo upravleniya [Fundamentals for economic entity's indicators in the context of modern strategic management concepts]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], 2009, no. 27, pp. 34–39. (In Russian).
25. Redchenko K. Sbalansirovannaya sistema pokazatelei (BSC) i ekonomicheskaya dobavlenaya stoimost' (EVA): kombinirovanie s tsel'yu dostizheniya sinergii [Balanced scorecard (BSC) and economic value added (EVA): Combination for synergy]. *Finansy i kredit* (Finance and Credit), 2014, no. 5, pp. 64–69. (In Russian).
26. Ibragimova R. S., Golovkin D. S. Vyyavlenie prioritetnykh napravlenii razvitiya tekstil'noi promyshlennosti na osnove forsait-issledovaniy [Identification of priority areas for the textile industry development based on foresight research]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom* [News of Higher Educational Institutions. Series: Economy, Finance and Production Management], 2021, no. 1 (47), pp. 87–97. (In Russian). doi: [10.6060/ivecofin.20214701.521](https://doi.org/10.6060/ivecofin.20214701.521)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rozaliia Savievnna Ibragimova – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Economic Theory, Economy and Entrepreneurship Department, Ivanovo State University (39, Ermaka st., Ivanovo, 153025, Russia); irozalia@hotmail.com

Dmitry Sergeevich Golovkin – Postgraduate Student of the Economic Theory, Economy and Entrepreneurship Department, Ivanovo State University (39, Ermaka st., Ivanovo, 153025, Russia); dm-golovkin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.07.2022, принята к печати 13.10.2022

Received July 16, 2022; accepted October 13, 2022

РАЗДЕЛ III. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БУХГАЛТЕРСКОГО
УЧЕТА, АУДИТА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

УДК 657.62, 658.15, ББК 65.052, 65.9, JEL Code M21, P41, M41, R32
DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-487-502

© Попов А. Ю., 2022

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ НОВЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ
БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА НА ИНДИКАТОРЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ БИЗНЕСА

Алексей Юрьевич Попов

ORCID ID: 0000-0002-2200-0568, Researcher ID: J-9503-2017, prepodpopov@yandex.ru

Уральский государственный экономический университет
(Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45)

Аннотация. Для разработки мероприятий по повышению эффективности деятельности и обеспечению устойчивого роста хозяйствующим субъектам необходимо проводить подробный анализ индикаторов экономической безопасности на основе достоверной и репрезентативной информации. В связи с изменением законодательства в сфере бухгалтерского учета методика оценки экономической безопасности по данным финансовой отчетности нуждается в адаптации под меняющиеся нормы. В настоящей работе поставлена задача проиллюстрировать влияние новых федеральных стандартов бухгалтерского учета на индикаторы экономической безопасности в целях разработки эффективных управленческих и финансовых решений. Методологической базой являются труды отечественных и зарубежных ученых в исследуемой области, нормы действующего законодательства, данные финансовой отчетности российских компаний. В ходе работы применялись общенаучные и специальные методы научного исследования: обзор, анализ, аналогия, дедукция и др. Рассмотренные авторские подходы к оценке экономической безопасности предприятий на основе индикаторного подхода обнаружили необходимость унификации методики для обеспечения единообразия и сопоставимости аналитических данных. Раскрыты ключевые принципы изменения показателей отчетности, которые направлены на повышение качества финансовой информации и ее конвергенции с международными правилами. Однако новые правила формирования отчетности существенным образом влияют на индикаторы безопасности, что проиллюстрировано на примере двух лизинговых компаний. Сделан вывод, что для разработки программы по укреплению финансовой устойчивости и отражению угроз экономической безопасности предприятиям необходимо более детально подходить к анализу информационной базы финансовой отчетности, стандартизация которой также требует дальнейшего научного обоснования.

Ключевые слова: экономическая безопасность, устойчивый рост, федеральные стандарты бухучета, ликвидность, платежеспособность, рентабельность, капитальные вложения, основные средства, инвестиционная недвижимость, право пользования активом, инвестиция в аренду

Для цитирования:

Попов А. Ю. Оценка влияния новых федеральных стандартов бухгалтерского учета на индикаторы экономической безопасности субъектов бизнеса // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2022. Т. 17, № 4. С. 487–502. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-4-487-502

IMPACT EVALUATION OF NEW FEDERAL ACCOUNTING STANDARDS ON ECONOMIC SECURITY INDICATORS FOR BUSINESS ENTITIES

Alexey Yu. Popov

ORCID ID: [0000-0002-2200-0568](https://orcid.org/0000-0002-2200-0568), Researcher ID: [J-9503-2017](https://orcid.org/J-9503-2017), prepodpopov@yandex.ru

Ural State University of Economics (62, 8 Marta st., Ekaterinburg, 620144, Russia)

Abstract. Measures aimed to improve the efficiency of activities and ensure sustainable growth lead economic entities to a detailed analysis of economic security indicators, with the analysis based on reliable and representative information. Changes in accounting legislation call for adjustments in the methodology applied to assess economic security by the financial statements. The purpose of this paper is to illustrate the impact of new federal accounting standards on economic security indicators in order to develop efficient management and financial solutions. Methodologically, the paper considers national and international works in the field under study, the provisions of current legislation, as well as financial statements of the Russian companies. In the course of the work, general scientific and special methods of scientific research were applied: review, analysis, analogy, deduction, etc. The author's indicator-based approaches to assessing the economic security of enterprises revealed the need to standardize the methodology for uniformity and comparability of analytical data. The key principles of changing the reporting indicators which are aimed at improving the quality of financial information and its convergence with international rules are described. However, the new reporting rules significantly affect security indicators. This fact is illustrated by the case with two leasing companies. The conclusion is that the companies developing the programs for better financial stability and fewer threats to economic security should take a more detailed approach to analyzing the information base of financial statements, with its standardization calling for further scientific reasoning.

Keywords: *economic security, sustainable growth, federal accounting standards, liquidity, solvency, profitability, capital investments, fixed assets, investment property, right to use an asset, investment in rent*

For citation:

Popov A. Yu. Impact evaluation of new federal accounting standards on economic security indicators for business entities. *Perm University Herald. Economy*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 487–502. DOI: [10.17072/1994-9960-2022-4-487-502](https://doi.org/10.17072/1994-9960-2022-4-487-502)

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях хозяйствования, характеризующихся острыми кризисными явлениями, вызванными нарушением логистических цепочек, срывом условий поставок, недостатком высокотехнологичных ресурсов для обеспечения устойчивого импортозамещения, вопросы укрепления экономической безопасности предприятия выходят на первый план. Как отмечает И. И. Кохановская, «под экономической безопасностью понимается сложная индикативная система, поддерживающая устойчивый рост экономических показателей» [1, с. 56]. Вопросы оценки экономической безопасности предприятий достаточно подробно раскрыты в трудах как отечественных экономистов (в частности, И. М. Подмолодиной [2], А. А. Сергеева [3], О. А. Мироновой [4] и др.), так и зарубежных исследователей (например, С. М. Dent [5],

J. Raudeliūnienė с соавторами [6], М. Kahler [7] и др.). Для выработки эффективных решений, направленных на укрепление экономической безопасности и обеспечение устойчивого роста отечественного бизнеса, субъектам хозяйствования необходима достоверная и репрезентативная информация, являющаяся основой для выработки стратегии и тактики экономического поведения предприятия в рыночном поле. Как отмечает Н. А. Лукашук, «антикризисные мероприятия следует обосновывать экономическими расчетами, что будет способствовать принятию рациональных управленческих решений в области устойчивого развития» [8, с. 284]. Универсальной системой, генерирующей информацию о финансовом положении, финансовых результатах и иных ключевых показателях деятельности хозяйствующих субъектов, является система

бухгалтерского учета и финансовой отчетности, которая формируется в соответствии с действующим Федеральным законом от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете». При этом указанная система находится в постоянном развитии в целях повышения качества формируемой в учете информации. С 2016 г. действуют и обновляются программы разработки новых федеральных стандартов бухгалтерского учета, основанных на новейших достижениях учетной науки с акцентом на повышение репрезентативности данных. Последняя обновленная программа разработки утверждена Приказом Минфина РФ от 22.02.2022 № 23н. Она предполагает ввод в действие семи новых стандартов в ближайшие пять лет. Однако уже с бухгалтерской отчетности за 2022 г. вступили в силу четыре новых федеральных стандарта бухучета: ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды», ФСБУ 6/2020 «Основные средства», ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения» и ФСБУ 27/2021 «Документы и документооборот в бухгалтерском учете». Вопросы их практического применения достаточно подробно проанализированы в трудах отечественных экономистов: Т. Ю. Дружиловской [9], В. С. Плотникова [10], М. А. Городилова [11] и др. Особенности пересмотра показателей отчетности в связи с вводом указанных стандартов в действие рассматривают И. А. Лисовская [12], Л. В. Сотникова [13], Ю. И. Сигидов [14] и др. Однако влияние ввода стандартов учета на показатели финансовой отчетности в целях оценки экономической безопасности и устойчивого роста в современной научной литературе освещено недостаточно полно, вопросы определения индикаторов экономической безопасности нуждаются в уточнении с поправкой на пересмотренные статьи отчетности. Данные факторы свидетельствуют об актуальности рассматриваемых в настоящей статье вопросов и определяют ее цель – раскрытие особенностей и оценка влияния новых учетных стандартов на формирование индикаторов экономической безопасности современных предприятий с целью обеспечения устойчивого роста. Для достижения поставленной цели сформулированы и решены задачи проведения обзора системы индикаторов экономической безопасности, краткого рассмотрения изменений ста-

тей финансовой отчетности в связи с вводом в действие новых учетных стандартов, иллюстрации изменения индикаторов экономической безопасности предприятий в результате пересмотра статей отчетности и формулировки выводов и направлений совершенствования оценки экономической безопасности российских компаний в зависимости от меняющейся информационной базы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для обоснования влияния введенных учетных стандартов на индикаторы экономической безопасности предприятий необходимо провести их обзор. В данной работе основное внимание сосредоточено на финансовых индикаторах экономической безопасности; производственные и социальные, а также кадровые индикаторы, выделяемые рядом экономистов, выходят за рамки данного исследования. Обзор и группировка выделяемых финансовых индикаторов экономической безопасности хозяйствующих субъектов в соответствии с предлагаемыми авторскими методиками приведены в табл. 1. Согласно представленным в ней данным, в качестве финансовых индикаторов экономической безопасности исследователи используют ряд классических аналитических показателей финансового состояния, устанавливая по последним пороговые значения. Соответственно исчисленное по данным финансовой отчетности значение показателя в пределах порогового свидетельствует об определенном уровне безопасности организации, значение за пределами порогового – о наличии угроз безопасности.

Заслуживают внимания и инновационные авторские методики, в частности В. В. Лесняка, предлагающего в качестве основного индикатора, характеризующего состояние безопасности, базисную стоимость чистых активов предприятия с поправкой на эффект мероприятий, направленных на нивелирование угроз безопасности, в том числе реорганизационных процедур (организационно-структурных изменений), управления гарантийными отношениями, стратегических инициатив и направлений стратегической активности организации и результатов инновационной деятельности [19, с. 46].

Таблица 1. Обзор авторских подходов к исчислению индикаторов экономической безопасности предприятия

Table 1. Overview of original calculation approaches to company's economic security indicators

Индикатор	Автор, источник			
	А. В. Гукова, И. Д. Аникина [15]	А. У. Есембекова и соавторы [16]	И. Н. Санникова [17]	Т. Ю. Кротенко [18]
Общий для всех авторов	• Коэффициент текущей ликвидности (коэффициент покрытия). • Коэффициент финансовой независимости (коэффициент автономии). • Рентабельность активов (рентабельность производства)			
Общий для некоторых авторов	Уровень финансового левериджа: $У_{фл} = \frac{\text{Долгосрочные обязательства}}{\text{Собственный капитал}}$ Рентабельность собственного капитала – Рск = $= \frac{\text{Прибыль до налогообложения (чистая прибыль)}}{\text{Собственный капитал}}$		Капиталоемкость производства: Средняя сумма капитала, используемая для производства $К_{пп} = \frac{\text{Средняя сумма капитала, используемая для производства}}{\text{Объем производства}}$ Дебиторская и кредиторская задолженности, включая просроченные	
Выделяемый конкретным автором	• Коэффициент обеспеченности процентов к уплате. • Средневзвешенная стоимость капитала – WACC. • Показатель развития компании (отношение валовых инвестиций к амортизационным отчислениям). • Временная структура кредитов • Диверсификация покупателей / поставщиков (доля в выручке одного покупателя / поставщика). • Темпы роста прибыли, реализации продукции, активов. • Соотношение оборачиваемости дебиторской и кредиторской задолженности	• Коэффициент обеспеченности оборотных средств собственными оборотными средствами. • Уровень рентабельности продаж	• Объем «портфеля» заказов. • Коэффициент абсолютной ликвидности. • Коэффициент соотношения заемных и собственных средств (коэффициент капитализации)	• Объем заказов (предполагаемых продаж). • Уровень спроса. • Доля обеспеченности собственными оборотными средствами. • Требуемый и реальный объем инвестиций для простого и расширенного воспроизводства

Источник: составлено автором по данным [15–18].

Научный интерес представляет также методика А. Г. Светлакова [20, с. 259], предлагающего такой индикатор экономической безопасности (для предприятий АПК), как экономическая эффективность, исчисляемый по формуле

$$\text{Эу} = \text{Ц} \times d \times (\text{З}_{\text{ХР}} + \text{П}_{\text{ХР}}) / 100, \quad (1)$$

где Эу – экономическая эффективность;
Ц – цена единицы продукции, руб.;
d – доля необходимых страховых запасов по отношению к среднему урожаю;
З_{ХР} – приведенные запасы на хранение продукции в течение года, % к цене;
П_{ХР} – потери при хранении продукции в течение года, % к первоначальному количеству.

А. Г. Светлаковым и С. В. Васевым [20, с. 259] и другими исследователями, в частности Е. С. Митяковым [21, с. 13], В. Д. Кала-

чановым [22], М. В. Павлуцких [23], предложено использование интегрального показателя экономической безопасности, рассчитываемого по формуле

$$A_{\text{ЭБ}} = \sum_{i=1}^n k_i \times d_i, \quad (2)$$

где A_{ЭБ} – интегральный показатель экономической безопасности;
k_i – значение функциональных показателей экономической безопасности организации;
d_i – удельный вес значимости функциональных показателей;
n – количество функциональных показателей.

Указанный интегральный показатель подлежит сравнению с интегральным показателем пороговых значений Z, на основании

чего делается вывод об устойчивом либо неустойчивом состоянии.

По результатам проведенного обзора сделан вывод об отсутствии единой общепринятой методики оценки экономической безопасности российских компаний, что определяет направление дальнейших научных исследований в данной отрасли. В зависимости от целей оценки экономической безопасности внутренними либо внешними пользователями отчетности может быть сформирован собственный набор индикаторов по аналогии с методикой оценки кредитоспособности потенциальных и существующих заемщиков финансово-кредитными организациями (методика оценки кредитоспособности утверждается каждым банком на внутреннем уровне).

В настоящей работе акцент будет сделан на общепринятых показателях экономической безопасности предприятий, исчисляемых по данным открытой официальной финансовой отчетности, полученной с помощью Центра раскрытия корпоративной информации – агентства Интерфакс-ЦРКИ.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Для оценки влияния введенных в действие с 2022 г. федеральных стандартов бухгалтерского учета необходимо провести краткое рассмотрение наиболее существенных изменений, внесенных указанными стандартами, по сравнению с ранее применявшимся законодательством.

ФСБУ 6/2020 и ФСБУ 26/2020 утверждены единым Приказом Минфина РФ от 17.09.2020 № 204н. Они обозначили новый порядок формирования в учете и отражения в отчетности основных средств и капитальных вложений. В первую очередь уточнено определение капитальных вложений, под которыми в первоначальной редакции понимались затраты, связанные с приобретением, сооружением и изготовлением основных средств, но впоследствии стандарт расширил свое действие и на операции, связанные с приобретением, созданием, улучшением нематериальных активов. Внесенные Приказом Минфина РФ от 30.05.2022 № 87н изменения устранили разночтения действующего Плана счетов и ФСБУ 26/2020, установили соответствие

с принятым ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы», который вступит в силу с бухгалтерской отчетности 2024 г., но не исключено и его досрочное применение. Итак, методика отражения операций по поступлению и созданию внеоборотных активов длительного пользования, к которым относятся основные средства и нематериальные активы, а также по формированию их первоначальной стоимости на бухгалтерском счете 08 была актуализирована.

Общие подходы к оценке капитальных вложений в процессе их осуществления сохранили преемственность с ранее действующим Положением по бухучету долгосрочных инвестиций, а также ПБУ 6/01 «Учет основных средств», но при этом в отношении ряда операций методика претерпела принципиальные изменения.

Важным моментом при формировании стоимости объекта капитальных вложений является требование ее корректировки на суммы скидок, уступок, вычетов, премий, льгот, связанных с приобретением.

Принципиально новый подход предусмотрен стандартом в случае приобретения объекта на условиях длительной отсрочки либо рассрочки платежа, превышающей 12 месяцев. В указанном случае оценка приобретаемого объекта производится по стоимости, которая подлежала бы уплате на условиях немедленной оплаты, а разница между указанной стоимостью и номинальной суммой платежей подлежит учету в порядке, предусмотренном для учета процентов к уплате, то есть при завершении процесса приобретения указанная разница не включается в стоимость объекта, а уменьшает финансовый результат. Стандарт также закрепил норму включения в стоимость капитальных вложений величины оценочного обязательства, то есть обязательства с неопределенной суммой либо сроком исполнения, связанного с последующей утилизацией, демонтажом объекта и восстановлением окружающей среды. Иными словами, проблематика заключается в том, что указанные суммы на момент формирования стоимости объекта точно не известны и не подтверждены документально, однако организация их признает, основываясь в том числе на всей доступной информации, позволяющей наиболее точно спрогнозировать указанные суммы.

Более подробно особенности формирования первоначальной стоимости объектов капитальных вложений в отличие от ранее действующего порядка рассматриваются С. В. Козменковой [24], В. Ю. Никитиной [25], а также в работе автора, выполненной совместно с Т. В. Шутовой [26]. При этом их глубокое рассмотрение не входит в объект исследования настоящей работы.

Далее необходимо остановиться на особенностях оценки основных средств в бухгалтерском балансе, поскольку указанная статья занимает достаточно существенную долю в активах производственных и иных компаний и определяет значение ряда индикаторов экономической безопасности, в частности фондоотдачи. Стандарт ФСБУ 6/2020 по-прежнему предписывает отражать основные средства в балансе по остаточной стоимости, которая формируется вычитанием из первоначальной стоимости величины начисленной амортизации и, в отличие от ранее действующего порядка, суммы обесценения, учитываемого по правилам МСФО. При этом отражение обесценения основных средств является не правом организации, как в случае с правом проведения переоценки, а ее обязанностью, которая должна быть выполнена при наличии определенных признаков, таких как, например, моральное устаревание, осуществление на активном рынке значительного количества сделок по цене, существенно ниже балансовой стоимости объекта и др. Соответственно, за счет отражения обесценения стоимость объектов основных средств может быть значимо ниже, чем она признавалась до вступления в силу стандарта ФСБУ 6/2020. Важным моментом является изменение стоимостного критерия объектов, признаваемых основными средствами и не признаваемых таковыми: если ранее объект длительного пользования признавался основным средством в случае превышения его стоимости над лимитом в размере 40 тыс. руб., то с 01.01.2022 указанный лимит организация устанавливает самостоятельно в учетной политике. Так, при повышении указанного лимита до размера, например, 100 тыс. руб. большая часть объектов подлежит исключению из состава основных средств, что уменьшит общую величину стоимости внеоборотных активов.

Важной новацией является изменение порядка амортизации основных средств. Если ранее действующий порядок предусматривал начисление амортизации до полного погашения стоимости, то текущий порядок не позволяет сформировать нулевую стоимость объекта, поскольку в учетную практику введено понятие ликвидационной стоимости, то есть стоимости, которая может быть получена в результате выбытия объекта по окончании срока его эксплуатации. Логически у любого объекта есть ликвидационная стоимость (например, устаревшее оборудование может быть сдано на металлолом, а бывший в употреблении автомобиль может быть реализован), однако оценка ликвидационной стоимости на сегодняшний момент является одной из проблем не только учета, но и экономических дисциплин в общем: к примеру, при росте стоимости автотранспортных средств, несмотря на изнашиваемость, их стоимость возрастает, и по истечении, допустим, пятилетнего срока эксплуатации автомобиль может быть продан по цене выше, чем он был приобретен. Следовательно, амортизацию по данному объекту начислять не следует.

Научный и практический интерес представляет также введение в учетную практику новой категории – инвестиционной недвижимости, то есть недвижимости, приобретаемой субъектом как для целей сохранения и приумножения средств в результате роста стоимости недвижимости вследствие рыночных факторов, так и для сдачи данной недвижимости в аренду. Важным акцентом является право отражать указанную инвестиционную недвижимость по справедливой стоимости, аналогом которой может считаться рыночная стоимость, а значит, амортизация по указанной инвестиционной недвижимости не начисляется, корректировка же стоимости включается в состав доходов либо расходов. Иные особенности оценки основных средств и инвестиционной недвижимости описаны О. В. Елисевой [27], В. К. Копыловой [28] и автором в совместной с А. С. Малявиной работе [29]. Всестороннее раскрытие указанных особенностей выходит за рамки данного исследования.

Необходимо также остановиться на принципиальных изменениях, внесенных ФСБУ 25/2018 в практику учета, утвердившую новые

объекты, которые существенно влияют на показатели финансовой отчетности, а следовательно, и на индикаторы экономической безопасности и роста. Для арендаторов такими объектами являются права пользования активами, которые признаются в составе внеоборотных активов и учитываются по правилам, предусмотренным для основных средств, а также обязательства по аренде, учитываемые по аналогии с заемными средствами, по которым начисляются проценты с подразделением на долгосрочную и краткосрочную части. Принципиальной особенностью прав пользования активами является отсутствие права собственности на арендованный объект, но при этом переход на арендатора рисков и выгод, связанных с его использованием. Оценка указанных прав пользования активом производится в размере дисконтированной стоимости арендных платежей, подлежащих уплате за весь срок аренды, увеличенных на затраты, связанные с поступлением предмета аренды. В течение срока аренды право пользования активом подлежит амортизации по аналогии с основными средствами – с учетом ликвидационной стоимости. По обязательствам по аренде аналогично займам и кредитам в течение срока аренды начисляются проценты, но не по ставке, предусмотренной договором, а согласно ставке дисконтирования, определяемой организацией при принятии объекта аренды на учет исходя из его справедливой стоимости, срока и условий аренды и других факторов. Проблематику учета аренды развивают в научных работах Е. А. Железнякова [30], Л. И. Егорова [31], Э. С. Дружиловская [32], Т. В. Пашенко [33] и другие исследователи, при этом указанная практика на сегодняшний момент только складывается, поэтому на дату публикации настоящей работы проблемы учета аренды в полной мере не являются решенными.

Для арендодателей в случае сдачи объекта в операционную аренду порядок учета и отражения операций существенным образом не отличается от ранее установленного, а в случае неоперационной (финансовой) аренды новым объектом учета является инвестиция в аренду, учитываемая также в размере дисконтированной стоимости подлежащих получению арендных платежей в течение срока

аренды с учетом затрат на предоставление предмета в аренду. Стоимость указанной инвестиции в аренду увеличивается на сумму начисляемых по ставке дисконтирования процентов и уменьшается на сумму фактически получаемых арендных платежей. В зависимости от срока аренды указанная инвестиция в аренду, как правило, признается в составе внеоборотных активов и погашается к моменту истечения срока договора или списывается при его расторжении. Рассмотренные особенности, введенные федеральными стандартами учета в правила формирования финансовой отчетности, позволили раскрыть характер влияния новых объектов на индикаторы экономической безопасности и оценку роста хозяйствующих субъектов.

Для оценки влияния введенных стандартов учета на индикаторы экономической безопасности была рассмотрена финансовая отчетность ряда предприятий за 2021 г., составленная по правилам, действовавшим на момент ее формирования, то есть в соответствии с ранее применявшимися положениями по бухгалтерскому учету и до вступления в силу ФСБУ 6, 25 и 26. Рассмотрена также промежуточная отчетность предприятий за 2022 г. с учетом пересмотра вступительных остатков на конец 2021 – начало 2022 г. в связи с изменением учетной политики, основанной на введении в действие обозначенных стандартов учета. Другими словами, произведено сравнение данных, вызванных не осуществляемыми операциями в ходе обычной деятельности и внешними экономическими факторами, в частности пандемией COVID-19, санкционным давлением, критическим изменением курсов иностранных валют и т.д., а именно вызванных изменением бухгалтерских оценок в связи с вводом в действие новых учетных стандартов. Для иллюстрации в настоящей работе приведены показатели отчетности двух крупных лизинговых компаний: ООО «РЕСО-Лизинг» (ИНН 7709431786) и ООО «Элемент Лизинг» (ИНН 7706561875). Отрасль деятельности для иллюстрации была выбрана не случайно, поскольку влияние новых показателей отчетности, формируемых в соответствии с ФСБУ 6/2020 «Основные средства», 26/2020 «Капитальные вложения» и 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды», на индикаторы деятель-

ности лизинговой компании наиболее репрезентативно. В пояснениях к финансовой отчетности за 2021 г. компании раскрывают, что учетная политика была сформирована в соответствии с утвержденными Федеральным законом о бухгалтерском учете правилами и принципами, в частности принципами достоверности и правдивости, объективности, осмотрительности и сопоставимости. При этом пересмотр учетной политики в отношении вступления в силу с отчетности за 2021 г. нового ФСБУ 5/2019 «Запасы» осуществлен согласно нормам указанного стандарта без ретроспективного пересчета статей бухгалтерской отчетности. Данный принцип сформулирован с целью оптимизации учетных процедур и является упрощенным вариантом в сравнении с общеустановленным порядком, который предусматривает ретроспективный пересчет статей бухгалтерской отчетности таким образом, словно введенные в силу стандарты учета применялись хозяйствующим субъектом и до момента их введения. Указанный упрощенный подход частично допустим ФСБУ 6/2020, предписывающим произвести единовременную корректировку балансовой стоимости основных средств на начало 2022 г. без ретроспективного пересчета данных за 2021 и 2020 гг. При этом балансовой стоимостью основных средств на начало 2022 г. считается их первоначальная стоимость (с учетом переоценок) по данным учета указанных компаний, уменьшенная на сумму амортизации и обесценения, которая должна быть пересчитана в соответствии с ФСБУ 6/2020. Иными словами, если компания не учитывала ликвидационную стоимость при расчете амортизации либо некорректно устанавливала сроки полезного использования, например взяв за основу правила налогового учета, представленные в Постановлении Правительства РФ от 01.01.2002 № 1 «О классификации основных средств, включаемых в амортизационные группы» для целей налогообложения прибыли, и изменив тем самым балансовую стоимость основных средств и показатели нераспределенной прибыли, входящей в состав собственного капитала, то новая амортизация должна быть отражена в учете с корректировкой на нераспределенную прибыль. Кроме того, в учете компаний были отра-

жены объекты, которые до 2022 г. признавались основными средствами, такие как объекты длительного пользования стоимостью свыше 40 тыс. руб. за единицу, но с 1 января указанный стоимостной критерий компаний изменился до 100 тыс. руб. за единицу. Следовательно, указанные объекты при проведении корректировки должны быть списаны на уменьшение нераспределенной прибыли, снизив таким образом показатель статьи «Основные средства».

ФСБУ 25/2020 «Бухгалтерский учет аренды» предписывает провести ретроспективный пересчет показателей отчетности при переходе на данный стандарт, однако тоже предлагает возможность упрощенного перехода. Вместо ретроспективного пересчета арендаторы имеют право по каждому договору аренды единовременно признать на конец 2021 г. право пользования активом и обязательство по аренде с отнесением разницы на нераспределенную прибыль. При этом ретроспективное влияние на какие-либо другие объекты бухгалтерского учета не признается, сравнительные данные за год, предшествующий году, начиная с которого применяется ФСБУ, не пересчитываются [32, с. 19]. Стоимость права пользования активом в таком случае принимается равной его справедливой стоимости, стоимость же обязательства по аренде – приведенной стоимости остающихся не уплаченными арендных платежей, дисконтированных по ставке, по которой арендатор привлекал или мог бы привлечь заемные средства на сопоставимых с договором аренды условиях [30, с. 75].

В ходе настоящего исследования произведен расчет индикаторов экономической безопасности указанных лизинговых компаний по данным отчетности на конец 2021 г. и по данным пересчитанных показателей отчетности на указанную дату в соответствии с вводом трех ФСБУ, результаты которого представлены в табл. 2. Наряду с этим при исчислении ряда показателей использованы классические методики анализа отчетности (М. В. Мельник [34], В. Г. Когденко [35], О. В. Ефимова [36] и др.). Кроме того, раскрыт характер влияния пересмотра статей отчетности на индикаторы экономической безопасности.

Таблица 2. Иллюстрация влияния новых ФСБУ на индикаторы экономической безопасности (ЭБ) организаций

Table 2. Illustration of new FAS impact on companies' economic security indicators

Наименование индикатора ЭБ	Методика расчета	Норматив (пороговое значение)	ООО «РЕСО-Лизинг»				ООО «Элемент Лизинг»			
			Базовое значение	Пересчет	Изменение	Характер изменения на ЭБ)	Базовое значение	Пересчет	Изменение	Характер изменения на ЭБ)
Коэффициент абсолютной ликвидности	$\frac{\text{Денежные средства}}{\text{Краткосрочные обязательства}}$	$\geq 0,2$	0,04	0,04	0	Отсутствие изменений и влияния	0,11	0,11	0	Отсутствие изменений и влияния
Коэффициент быстрой ликвидности	$\frac{(\text{Оборотные активы} - \text{Запасы})}{\text{Краткосрочные обязательства}}$	$\geq 1,0$	4,09	3,74	-0,35	Снижение: отриц. влияние	0,23	0,23	0	Отсутствие изменений и влияния
Коэффициент текущей ликвидности (покрытия)	$\frac{\text{Оборотные активы}}{\text{Краткосрочные обязательства}}$	$\geq 2,0$	4,13	3,78	-0,35	Снижение: отриц. влияние	1,69	0,33	-1,36	Снижение: отриц. влияние
Коэффициент финансовой независимости	$\frac{\text{Собственный капитал}}{\text{Валюта баланса}}$	$\geq 0,5$	0,23	0,2	-0,03	Снижение: отриц. влияние	0,3	0,21	-0,09	Снижение: отриц. влияние
Уровень финансового левериджа	$\frac{\text{Долгосрочные обязательства}}{\text{Собственный капитал}}$	$\leq 3,0$	2,42	2,71	0,29	Рост: отриц. влияние	1,38	1,51	0,13	Увеличение: отриц. влияние
Коэффициент соотношения заемных и собственных средств (капитализации)	$\frac{\text{Заемный капитал}}{\text{Собственный капитал}}$	$\leq 1,0$	3,78	3,94	0,16	Рост: отриц. влияние	3,6	1,85	-1,75	Снижение: положитель. влияние
Коэффициент обеспеченности собственными средствами	$\frac{\text{Собственный оборотный капитал}}{\text{Оборотные активы}}$	$\geq 0,1$	0,13	0,15	0,02	Рост: положитель. влияние	0,04	-3,92	-3,96	Падение: крайне отриц. влияние
Рентабельность продаж	$\frac{\text{Прибыль от продаж}}{\text{Выручка}}$	–	0,42	0,42	0	Отсутствие изменений и влияния	0,08	0,08	0	Отсутствие изменений и влияния
Рентабельность активов	$\frac{\text{Чистая прибыль}}{\text{Активы}}$	–	0,03	0,05	0,02	Рост: положитель. влияние	0,05	0,05	0	Отсутствие изменений и влияния
Рентабельность собственного капитала	$\frac{\text{Чистая прибыль}}{\text{Собственный капитал}}$	–	0,15	0,23	0,08	Рост: положитель. влияние	0,23	0,25	0,02	Рост: положитель. влияние
Оборачиваемость дебиторской задолженности	$\frac{\text{Выручка}}{\text{Средняя дебиторская задолженность}}$	–	0,48	0,57	0,09	Ускорение: положитель. влияние	30,91	38,51	7,6	Ускорение: положитель. влияние
Оборачиваемость кредиторской задолженности	$\frac{\text{Выручка}}{\text{Средняя кредиторская задолженность}}$	–	3,11	0,74	-2,37	Замедление: положитель. влияние – для организации, отриц. влияние – для кредиторов	14,56	17,41	2,85	Ускорение: отриц. влияние – для организации и для кредиторов
Соотношение оборачиваемости дебиторской и кредиторской задолженности	$\frac{\text{Превышение периода оборота дебиторской задолженности над кредиторской}}{\text{над кредиторской}}$	≥ 0	1,76	0,4	-1,36	Снижение длительности финансового цикла: положитель. влияние	-0,04	-0,03	0,01	Увеличение длительности финансового цикла: отриц. влияние
Чистые активы, тыс. руб.	–	–	16 584 056	19 302 578	2 718 522	Рост: положитель. влияние	3 369 799	3 112 294	-257 505	Снижение: отриц. влияние

Источник: рассчитано автором по [15; 34–36] на основе данных Центра раскрытия корпоративной информации для ООО «РЕСО-Лизинг» (<https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=31827&type=3>) и для ООО «Элемент Лизинг» (<https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=8392&type=3>).

Результаты исследования показали, что ввод в действие новых ФСБУ оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на индикаторы экономической безопасности субъектов бизнеса. По данным обеих лизинговых компаний можно увидеть, что пересчет показателей оборотных активов и краткосрочных обязательств отрицательно повлиял на показатели быстрой и текущей ликвидности за счет перегруппировки долгосрочной и краткосрочной дебиторской задолженности в новую статью – «Чистая инвестиция в аренду», рассчитанную в сумме дисконтированных арендных платежей, подлежащих получению от лизингополучателей, в отличие от ранее отражаемой суммы задолженности по номиналу (в размере подлежащих получению по договору средств без учета дисконтирования). Данный пересчет учитывает временную стоимость денежных потоков, подлежащих получению в течение периода более 12 месяцев после отчетной даты, и учитывает факторы инфляции, риска неплатежеспособности дебитора и др. По обеим организациям также видим негативные результаты в отношении снижения финансовой устойчивости. Коэффициент автономии снизился, так как в результате пересчета показателей бухгалтерского баланса существенно уменьшилась величина собственного капитала, отражаемого в том числе в составе специфичной статьи «Доходы будущих периодов» в виде разницы между суммой подлежащих получению лизинговых платежей и стоимостью приобретения предмета лизинга (Приказ Минфина РФ от 17.02.1997 № 15 «Об отражении в бухгалтерском учете операций по договору лизинга», действующий до момента ввода ФСБУ 25/2018, предусматривал именно данный порядок). Кроме того, снижение собственного капитала существенным образом произошло за счет пересчета стоимости основных средств в сторону уменьшения и реклассификации статьи «Доходные вложения в материальные ценности», отражавшие ранее стоимость предметов лизинга, а сейчас учитываемые в составе инвестиций в аренду. Аналогичная ситуация сложилась и с динамикой показателя финансового левериджа.

Коэффициент соотношения заемных и собственных средств в рассмотренных компа-

ниях имеет противоположную динамику. Одной из причиной указанного тренда является пересчет показателей статей пассива баланса в отношении источников формирования имущества с корректировкой нераспределенной прибыли исключением из состава капитала доходов будущих периодов путем перегруппировки указанной статьи. Акцент при проведении анализа следует сделать на критическом падении коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами для организации ООО «Элемент Лизинг». В указанном случае компания осуществила перегруппировку статьи «Расходы будущих периодов» (расшифровка статьи «Запасы»), в составе которой учитывала инвестиционные затраты по лизинговым договорам в статье «Доходные вложения в материальные ценности» в составе внеоборотных активов. Данный пересчет требовался в связи с ФСБУ 25, поскольку Приказ Минфина РФ № 15, допускающий отражение затрат в составе расходов будущих периодов, утратил силу с 01.01.2022.

Объяснением роста показателей рентабельности собственного капитала в обеих компаниях является исключительно его снижение в результате проведения единовременных корректировок, что при формальном подходе к оценке экономической безопасности может быть оценено положительно, но при углубленном анализе и разработке мероприятий по укреплению должно быть подвергнуто сомнению, так как рост рентабельности связан не с ростом прибыли и расширением возможностей компаний, а лишь с учетными корректировками.

Интересный момент присутствует в оценке показателей оборачиваемости дебиторской и кредиторской задолженности по причине заинтересованности компании в ускорении оборачиваемости дебиторской задолженности: ее увеличение приведет к высвобождению оборотных средств для осуществления инвестиционных процессов. Если же говорить о кредиторской задолженности, то компании заинтересованы в ее замедлении, поскольку это позволит обеспечить определенный доход от временного инвестирования средств и снизить затраты на кредитование в случае необходимости. При этом в отношении кредиторов нужно отметить обратное: их интерес

заключается в ускорении оборачиваемости в целях скорейшего погашения долгов. Поэтому в данной ситуации результаты оценки экономической безопасности подлежат интерпретации с позиции того субъекта, в чьих интересах осуществляется указанная оценка (во внутренних целях или внешними заинтересованными пользователями).

Стоимость чистых активов как один из показателей финансовой устойчивости имеет принципиально важное значение в оценке финансового состояния и экономической безопасности компании, поскольку их рост свидетельствует о расширении инвестиционных возможностей и укреплении финансового потенциала. Поэтому для компании ООО «РЕСО-Лизинг» увеличение указанного показателя в результате ввода в действие ФСБУ 6, 25 и 26 оценено положительно, а снижение показателя для компании ООО «Элемент Лизинг» – отрицательно. В то же время при оценке показателя следует исключить формальный подход и выявить истинные причины роста либо снижения показателя в динамике. В нашем случае изменение связано исключительно с бухгалтерскими корректировками. Поэтому при проведении оценки финансового состояния, индикаторов экономической безопасности и формировании трендов развития отечественных предприятий следует более подробно изучать информационную базу анализа – пояснительную записку к бухгалтерской отчетности – и учитывать величину корректировок, которые связаны с изменением учетной политики в расчете экономических показателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд значимых выводов. В первую очередь необходимо отметить наличие существенной вариантности и большого количества авторских подходов к оценке индикаторов экономической безопасности предприятий. Поскольку указанное направление экономики не подлежит жесткой регламентации, как, например, методика формирования отчетности, для оценки экономической безопасности в каждом конк-

ретном случае необходимо адаптировать авторские подходы к оценке, включая уровень методических рекомендаций, поскольку это позволит обеспечить единообразие и сопоставимость аналитических данных. При проведении оценки нами использованы классические индикаторы, предлагаемые рядом авторов и исчисляемые по данным открытой финансовой отчетности: показатели ликвидности, финансовой независимости, рентабельности и чистых активов организаций.

Проведенный обзор изменения показателей отчетности в связи с новациями бухгалтерского законодательства, вступившими в силу с 2022 г., показал существенное повышение качества учетной информации и ее конвергенцию с принятыми на международном уровне правилами, но обнажил при этом ряд проблем практического применения бухгалтерских стандартов, которые хозяйствующим субъектам предстоит решать на уровне учетной политики, а совещательным органам при Минфине РФ – путем разработки методических указаний и рекомендаций по оценке и отражению в учете новых показателей отчетности: инвестиционной недвижимости, инвестиций в аренду, прав пользования активами, обязательств по аренде и др.

Иллюстрация влияния изменений показателей отчетности в результате пересмотра учетной политики в связи с вступлением в силу новых учетных стандартов продемонстрировала необходимость более подробного анализа информационной базы при разработке мероприятий, направленных на укрепление экономической безопасности и обеспечение устойчивого роста. Исчисляемые индикаторы экономической безопасности определяются по результатам осуществленной хозяйственной деятельности, но бухгалтерская интерпретация хозяйственных операций способна оказать существенное влияние на результаты, поэтому в указанной сфере дальнейшим направлением является тренд на унификацию учетных правил, которые позволяют получить достоверную и репрезентативную информацию о хозяйственной деятельности компаний для управления ими, достижения значимых результатов и обеспечения устойчивого роста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кохановская И. И., Баширова Р. Ф. Экономическая безопасность как основа устойчивого развития экономики региона // Региональное развитие. 2014. № 3-4. С. 55–60.
2. Подмолодина И. М., Воронин В. П., Коновалова Е. М. Подходы к оценке экономической безопасности предприятий // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2012. № 4. С. 156–161. [10.20914/2310-1202-2012-4-156-161](#)
3. Сергеев А. А. Критерии оценки экономической безопасности предприятия // Финансы и кредит. 2003. № 15 (129). С. 67–69.
4. Миронова О. А. Методология формирования учетно-аналитического обеспечения деятельности организации в области экономической безопасности // Инновационное развитие экономики. 2016. № 5. С. 152–155.
5. Dent C. M. Economic Security // A. Collins (ed.). Contemporary Security Studies. New York: Oxford University Press Inc., 2010. P. 239–255.
6. Raudeliūnienė J., Tvaronavičienė M., Dzemyda I. Towards economic security and sustainability: Key success factors of sustainable entrepreneurship in conditions of global economy // Journal of Security and Sustainability Issues. 2014. Vol. 3, no. 4. P. 71–79. doi: [10.9770/jssi.2014.3.4\(7\)](#)
7. Kahler M. Economic security in an era of globalization: Definition and provision // The Pacific Review. 2004. Vol. 17, iss. 4. P. 485–502. doi: [10.1080/0951274042000326032](#)
8. Лукашук Н. А. Экономическая безопасность предприятия: сущность, оценка, факторы роста в контексте концепции устойчивого развития // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. 2016. № 7 (189). С. 283–288.
9. Дружиловская Т. Ю., Дружиловская Э. С. ФСБУ 6/2020: решенные вопросы бухгалтерского учета основных средств и сохраняющиеся дискуссионные аспекты // Учет. Анализ. Аудит. 2021. Т. 8, № 1. С. 48–61. doi: [10.26794/2408-9303-2021-8-1-48-61](#)
10. Плотников В. С., Плотникова О. В. ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды» и МСФО (IFRS) 16 «Аренда»: сравнительный анализ основных положений // Учет. Анализ. Аудит. 2019. Т. 6, № 6. С. 42–51. doi: [10.26794/2408-9303-2019-6-6-42-51](#)
11. Городилов М. А. ФСБУ 5/2019 «Запасы»: анализ концептуальных изменений // Международный бухгалтерский учет. 2020. Т. 23, № 8. С. 844–863. doi: [10.24891/ia.23.8.844](#)
12. Лисовская И. А., Трапезникова Н. Г. Сложные вопросы применения ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды» // Международный бухгалтерский учет. 2019. Т. 22, № 11. С. 1208–1222. doi: [10.24891/ia.22.11.1208](#)
13. Сотникова Л. В. Учет основных средств и капитальных вложений как ключевой вопрос аудита отчетности // Аудитор. 2021. Т. 7, № 7. С. 28–42. doi: [10.12737/1998-0701-2021-7-7-28-42](#)
14. Сигидов Ю. И., Тахмазян Ю. Р. Изменения в учете основных средств в связи с принятием ФСБУ // Развитие инновационного потенциала современной экономики и ее информационное обеспечение: материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых и преподавателей вузов (Краснодар, 26–27 ноября 2020 г.). Краснодар: КубГАУ, 2021. С. 34–37.
15. Гукова А. В., Аникина И. Д. Индикаторы финансовой безопасности предприятия // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. Т. 3, № 2. С. 49–52.
16. Есембекова А. У., Боровинских В. А., Павлуцких М. В. Методика оценки уровня экономической безопасности организаций // Финансы и управление. 2016. № 2. С. 62–70. doi: [10.7256/2409-7802.2016.2.19104](#)
17. Санникова И. Н. Индикаторы экономической безопасности предприятия // Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы. 2017. № 2 (8). С. 204–209.
18. Кротенко Т. Ю. Методические подходы к разработке индикаторов экономической безопасности организации // Вестник университета. 2018. № 11. С. 18–22. doi: [10.26425/1816-4277-2018-11-18-22](#)
19. Лесняк В. В. Управленческие решения в системе обеспечения экономической безопасности организации // Проблемы современной экономики. 2018. № 1 (65). С. 43–47.
20. Светлаков А. Г., Васев С. В. Современное состояние и оценка экономической безопасности организаций АПК // Экономика региона. 2011. № 1. С. 256–260.
21. Митяков Е. С. Разработка математических методов анализа и прогнозирования поведения индикаторов экономической безопасности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Нижний Новгород, 2012. 23 с.

22. Калачанов В. Д., Ефимова Н. С., Рычагов М. С. Финансово-экономическая безопасность производства в высокотехнологичных отраслях промышленности (на примере авиастроения) // Вестник университета. 2015. № 9. С. 324–330.
23. Павлуцких М. В., Палий Д. В. Методика интегральной оценки финансовой безопасности на примере дорожно-строительной организации // Разработка стратегии социальной и экономической безопасности государства: сб. тр. конф. Лесниково: Курганская ГСХА им. Т. С. Мальцева, 2017. С. 186–190.
24. Козменкова С. В., Сушко И. Д. ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения»: особенности регулирования, проблемы и сравнительный анализ // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2021. № 14. С. 2–13.
25. Никитина В. Ю. Новый ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения» // Бухгалтерский учет. 2021. № 2. С. 5–9.
26. Попов А. Ю., Шутова Т. В. Новації в учете капитальных вложений // Теоретическая и прикладная экономика. 2022. № 1. С. 40–49. doi: [10.25136/2409-8647.2022.1.35271](https://doi.org/10.25136/2409-8647.2022.1.35271)
27. Елисеева О. В. Учет основных средств в соответствии с новым федеральным стандартом ФСБУ 6/2020 «Основные средства» // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 1 (43). С. 34–38.
28. Копылова Е. К., Копылова Т. И. ФСБУ 6/2020: дискуссионные аспекты применения элементов амортизации основных средств // Международный бухгалтерский учет. 2021. Т. 24, № 5. С. 548–574. doi: [10.24891/ia.24.5.548](https://doi.org/10.24891/ia.24.5.548)
29. Попов А. Ю., Малявина А. С. Особенности оценки инвестиционной недвижимости в бухгалтерском учете // Управленческий учет. 2021. № 4-1. С. 117–122. doi: [10.25806/uu4-12021117-122](https://doi.org/10.25806/uu4-12021117-122)
30. Железнякова Е. А. Сближенный бухгалтерский учет объектов аренды в МСФО (IFRS 16 «Аренда») и РСБУ (ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды») // Вестник Московской международной академии. 2019. № 2. С. 70–77.
31. Егорова Л. И. Бухгалтерский учет аренды у арендатора // Бухгалтерский учет. 2020. № 10. С. 5–11.
32. Дружиловская Э. С. Объекты учета аренды и их оценка в новом федеральном бухгалтерском стандарте // Бухучет в здравоохранении. 2019. № 5. С. 14–22.
33. Пащенко Т. В. Отражение в отчетности и интерпретация показателей аренды: новые подходы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 1-2 (83). С. 59–64. doi: [10.24412/2411-0450-2022-1-283-59-64](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-1-283-59-64)
34. Мельник М. В., Когденко В. Е., Когденко В. Г. Концепция экономического анализа, ориентированного на оценку цепочки создания стоимости // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 7. С. 2–9.
35. Когденко В. Г., Мельник М. В. Интегрированная отчетность: вопросы формирования и анализа // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 10 (304). С. 2–15.
36. Ефимова О. В. Анализ и оценка эффективности деятельности хозяйствующих субъектов в области устойчивого развития // Учет. Анализ. Аудит. 2014. № 1. С. 51–59.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Юрьевич Попов – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита, Уральский государственный экономический университет (Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45); prepodporov@yandex.ru

REFERENCES

1. Kokhanovskaya I. I., Bashirova R. F. Ekonomicheskaya bezopasnost' kak osnova ustoichivogo razvitiya ekonomiki regiona [The economic security as the base of sustainable development of regional economy]. *Regional'noe razvitiye* [Regional Development], 2014, no. 3-4, pp. 55–60. (In Russian).
2. Podmolodina I. M., Voronin V. P., Konovalova E. M. Podkhody k otsenke ekonomicheskoi bezopasnosti tekhnologii predpriyatiy [Approaches to an assessment of economic safety of the enterprises]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii* [Proceedings of the Voronezh State

University of Engineering Technologies], 2012, no. 4, pp. 156–161. (In Russian). doi: [10.20914/2310-1202-2012-4-156-161](https://doi.org/10.20914/2310-1202-2012-4-156-161)

3. Sergeev A. A. Kriterii otsenki ekonomicheskoi bezopasnosti predpriyatiya [Assessment criteria for enterprise's economic security]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2003, no. 15 (129), pp. 67–69. (In Russian).

4. Mironova O. A. Metodologiya formirovaniya uchetho-analiticheskogo obespecheniya deyatel'nosti organizatsii v oblasti ekonomicheskoi bezopasnosti [Methodology of formation of accounting and analysis support activity of the organization in the field of economic security]. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki* [Innovative Development of Economy], 2016, no. 5, pp. 152–155. (In Russian).

5. Dent C. M. Economic Security. *Contemporary Security Studies*, New York, Oxford University Press Inc., 2010, pp. 239–255.

6. Raudeliūnienė J., Tvaronavičienė M., Dzemyda I. Towards economic security and sustainability: Key success factors of sustainable entrepreneurship in conditions of global economy. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 2014, vol. 3, no. 4, pp. 71–79. doi: [10.9770/jssi.2014.3.4\(7\)](https://doi.org/10.9770/jssi.2014.3.4(7))

7. Kahler M. Economic security in an era of globalization: Definition and provision. *The Pacific Review*, 2004, vol. 17, iss. 4, pp. 485–502. doi: [10.1080/0951274042000326032](https://doi.org/10.1080/0951274042000326032)

8. Lukashuk N. A. Ekonomicheskaya bezopasnost' predpriyatiya: sushchnost', otsenka, faktory rosta v kontekste kontseptsii ustoichivogo razvitiya [Economic security of enterprise: Essence, evaluation, growth factors in context of sustainable development concept]. *Trudy BGTU. Seriya 5: Ekonomika i upravlenie* [Works by BGTU, Series 5: Economics and Management], 2016, no. 7 (189), pp. 283–288. (In Russian).

9. Дружиловская Т. Ю., Дружиловская Э. С. Druzhilovskaya T. Yu., Druzhilovskaya E. S. FSBU 6/2020: reshennye voprosy bukhgalterskogo ucheta osnovnykh sredstv i sokhranyayushchiesya diskussionnye aspekty [FAS 6/2020: Resolved issues of accounting for property, plant and equipment and ongoing controversial aspects]. *Uchet. Analiz. Audit* [Accounting. Analysis. Auditing], 2021, vol. 8, no. 1, pp. 48–61. (In Russian). doi: [10.26794/2408-9303-2021-8-1-48-61](https://doi.org/10.26794/2408-9303-2021-8-1-48-61)

10. Plotnikov V. S., Plotnikova O. V. FSBU 25/2018 «Bukhgalterskii uchets arendy» i MSFO (IFRS) 16 «Arenda»: sravnitel'nyi analiz osnovnykh polozenii [FSBU 25/2018 “Accounting for leases” and IFRS 16 “Leases”: A comparative analysis of key provisions]. *Uchet. Analiz. Audit* [Accounting. Analysis. Auditing], 2019, vol. 6, no. 6, pp. 42–51. (In Russian). doi: [10.26794/2408-9303-2019-6-6-42-51](https://doi.org/10.26794/2408-9303-2019-6-6-42-51)

11. Gorodilov M. A. FSBU 5/2019 «Zapasy»: analiz kontseptual'nykh izmenenii [Federal Accounting Standard 5/2019 – Inventories: An analysis of conceptual changes]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchets* [International Accounting], 2020, vol. 23, no. 8, pp. 844–863. (In Russian). doi: [10.24891/ia.23.8.844](https://doi.org/10.24891/ia.23.8.844)

12. Lisovskaya I. A., Trapeznikova N. G. Slozhnye voprosy primeneniya FSBU 25/2018 «Bukhgalterskii uchets arendy» [Federal Accounting Standard FSBU 25/2018 Accounting for Leases: Practical application issues]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchets* [International Accounting], 2019, vol. 22, no. 11, pp. 1208–1222. (In Russian). doi: [10.24891/ia.22.11.1208](https://doi.org/10.24891/ia.22.11.1208)

13. Sotnikova L. V. Uchet osnovnykh sredstv i kapital'nykh vlozhenii kak klyuchевой vopros audita otchetnosti [Accounting for fixed assets and capital investments as a key issue in the audit of financial statements]. *Auditor* [Auditor], 2021, vol. 7, no. 7, pp. 28–42. (In Russian). doi: [10.12737/1998-0701-2021-7-7-28-42](https://doi.org/10.12737/1998-0701-2021-7-7-28-42)

14. Sigidov Yu. I., Takhmazyan Yu. R. Izmeneniya v uchete osnovnykh sredstv v svyazi s prinyatiem FSBU [FAS-induced Changes in fixed assets accounting]. *Razvitie innovatsionnogo potentsiala sovremennoi ekonomiki i ee informatsionnoe obespechenie* [Development of Innovative Potential of Modern Economy and its Information Support]. Krasnodar, KubGAU Publ., 2021, pp. 34–37. (In Russian).

15. Gukova A. V., Anikina I. D. Indikatory finansovoi bezopasnosti predpriyatiya [Indicators of enterprise's financial security]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Securities], 2007, vol. 3, no. 2, pp. 49–52. (In Russian).

16. Esembekova A. U., Borovinskiy V. A., Pavlutskiy M. V. Metodika otsenki urovnya ekonomicheskoi bezopasnosti organizatsii [Assessment methodology for economic security level in a company]. *Finansy i upravlenie* [Finance and Management], 2016, no. 2, pp. 62–70. (In Russian). doi: [10.7256/2409-7802.2016.2.19104](https://doi.org/10.7256/2409-7802.2016.2.19104)

17. Sannikova I. N. Indikatory ekonomicheskoi bezopasnosti predpriyatiya [Indicators of enterprise's economic security]. *Upravlenie sovremennoi organizatsiei: opyt, problemy i perspektivy* [Management of a Modern Organization: Experience, Problems and Prospects], 2017, no. 2 (8), pp. 204–209. (In Russian).

18. Krotchenko T. Yu. Metodicheskie podkhody k razrabotke indikatorov ekonomicheskoi bezopasnosti organizatsii [Methodological approaches to the development of the economic security indicators of the organization]. *Vestnik universiteta* [Vestnik Universiteta], 2018, no. 11, pp. 18–22. (In Russian). doi: [10.26425/1816-4277-2018-11-18-22](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-11-18-22)

19. Lesnyak V. V. Upravlencheskie resheniya v sisteme obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti organizatsii [Managerial decisions in the system of providing economic security of organizations]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of Modern Economics], 2018, no. 1 (65), pp. 43–47. (In Russian).
20. Svetlakov A. G., Vasev S. V. Sovremennoe sostoyanie i otsenka ekonomicheskoi bezopasnosti organizatsii APK [Modern condition and assessment of economic security of the agricultural enterprises]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 2011, no. 1, pp. 256–260. (In Russian).
21. Mityakov E. S. *Razrabotka matematicheskikh metodov analiza i prognozirovaniya povedeniya indikatorov ekonomicheskoi bezopasnosti*: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk [Development of mathematical methods of analysis and forecasting the behavior of economic security indicators. Cand. econ. sci. author. diss.]. Nizhny Novgorod, 2012. 23 p. (In Russian).
22. Kalachanov V. D., Efimova N. S., Rychagov M. S. Finansovo-ekonomicheskaya bezopasnost' proizvodstva v vysokotekhnologichnykh otraslyakh promyshlennosti (na primere aviastroeniya) [Financial economic security of manufacturing in high-tech industries (exemplified by aircraft engineering)]. *Vestnik universiteta* [Vestnik Universiteta], 2015, no. 9, pp. 324–330. (In Russian).
23. Pavlutsikh M. V., Palii D. V. Metodika integral'noi otsenki finansovoi bezopasnosti na primere dorozhno-stroitel'noi organizatsii [Technique of integrated assessment of financial safety on the example of the road-building organization]. *Razrabotka strategii sotsial'noi i ekonomicheskoi bezopasnosti gosudarstva* [Development of State Social and Economic Security Strategy]. Lesnikovo, Kurganskaya GSKhA im. T. S. Mal'tseva Publ., 2017, pp. 186–190. (In Russian).
24. Kozmenkova S. V., Sushko I. D. FSBU 26/2020 «Kapital'nye vlozheniya»: osobennosti regulirovaniya, problemy i sravnitel'nyi analiz [FAS 26/2020 Capital Investments: Regulations, concerns, and comparative analysis]. *Bukhgalterskii uchët v byudzhetykh i nekommercheskikh organizatsiyakh* [Accounting in State-Funded and Non-Profit Companies], 2021, no. 14, pp. 2–13. (In Russian).
25. Nikitina V. Yu. Novyi FSBU 26/2020 «Kapital'nye vlozheniya» [New FAS 26/2020 Capital Investments]. *Bukhgalterskii uchët* [Accounting], 2021, no. 2, pp. 5–9. (In Russian).
26. Popov A. Yu., Shutova T. V. Novatsii v uchete kapital'nykh vlozhenii [Innovations in capital investment accounting]. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika* [Theoretical and Applied Economics], 2022, no. 1, pp. 40–49. (In Russian). doi: [10.25136/2409-8647.2022.1.35271](https://doi.org/10.25136/2409-8647.2022.1.35271)
27. Eliseeva O. V. Uchet osnovnykh sredstv v sootvetstvi s novym federal'nym standartom FSBU 6/2020 «Osnovnye sredstva» [Fixed assets accounting in accordance with the new federal standard FSBU 6/2020 “Fixed Assets”]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii* [Bulletin of the Russian University of Cooperation], 2021, no. 1 (43), pp. 34–38. (In Russian).
28. Kopylova E. K., Kopylova T. I. FSBU 6/2020: diskussionnye aspekty primeneniya elementov amortizatsii osnovnykh sredstv [Federal Accounting Standard 6/2020: Disputable issues of using some aspects of depreciation of fixed assets]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchët* [International Accounting], 2021, vol. 24, no. 5, pp. 548–574. (In Russian). doi: [10.24891/ia.24.5.548](https://doi.org/10.24891/ia.24.5.548)
29. Popov A. Yu., Malyavina A. S. Osobennosti otsenki investitsionnoi nedvizhimosti v bukhgalterskom uchete [Features of investment property valuation in accounting]. *Upravlencheskii uchët* [Management Accounting], 2021, no. 4-1, pp. 117–122. (In Russian). doi: [10.25806/uu4-12021117-122](https://doi.org/10.25806/uu4-12021117-122)
30. Zheleznyakova E. A. Sblizhennyi bukhgalterskii uchët ob"ektov arendy v MSFO (IFRS 16 «Arenda») i RSBU (FSBU 25/2018 «Bukhgalterskii uchët arendy») [Close together accounting of rental objects in IFRS (IFRS 16 “Leases”) and RAS (FSBU 25/2018 “Accounting Leases”)]. *Vestnik Moskovskoi mezhdunarodnoi akademii* [Bulletin of the Moscow International Academy], 2019, no. 2, pp. 70–77. (In Russian).
31. Eropova L. I. Egorova L. I. Bukhgalterskii uchët arendy u arendatora [Lease accounting with a leaseholder]. *Bukhgalterskii uchët* [Accounting], 2020, no. 10, pp. 5–11. (In Russian).
32. Druzhilovskaya E. S. Ob"ekty ucheta arendy i ikh otsenka v novom federal'nom bukhgalterskom standarte [Leases accounting objects and their valuation in the new federal accounting standard]. *Bukhuchët v zdavookhraneni* [Accounting in Healthcare], 2019, no. 5, pp. 14–22. (In Russian).
33. Pashchenko T. V. Otrazhenie v otchetnosti i interpretatsiya pokazatelei arendy: novye podkhody [Financial reporting and lease analysis methodology: New approaches]. *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika* [Journal of Economy and Business], 2022, no. 1-2 (83), pp. 59–64. (In Russian). doi: [10.24412/2411-0450-2022-1-283-59-64](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-1-283-59-64)
34. Mel'nik M. V., Kogdenko V. E., Kogdenko V. G. Kontseptsii ekonomicheskogo analiza, orientirovannogo na otsenku tsepochnoi sozdaniia stoimosti [Concept of economic analysis for chain value evaluation]. *Ekonomicheskii analiz: teoriia i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], 2010, no. 7, pp. 2–9. (In Russian).

35. Kogdenko V. G., Mel'nik M. V. Integriruvannaia otchetnost': voprosy formirovaniia i analiza [Integrated reporting: Formation and analysis issues]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet* [International Accounting], 2014, no. 10 (304), pp. 2–15. (In Russian).

36. Efimova O. V. Analiz i otsenka effektivnosti deiatel'nosti khoziaistvuiushchikh sub"ektov v oblasti ustoichivogo razvitiia [Analysis and evaluating sustainable development effectiveness of entities]. *Uchet. Analiz. Audit* [Accounting. Analysis. Auditing], 2014, no. 1, pp. 51–59. (In Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey Yurievich Popov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Accounting and Auditing, Ural State University of Economics (62, 8 Marta st., Yekaterinburg, 620144, Russia); prepodpopov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 31.08.2022, принята к печати 01.11.2022

Received August 31, 2022; accepted November 01, 2022

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ «ЭКОНОМИКА»
= PERM UNIVERSITY HERALD. ECONOMY». ТОМ 17. 2022

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

№ 1

Сухарев О. С.

Структурные исследования современной российской экономической
школы: основные подходы и перспективы

5–26

№ 3

Веретенникова А. Ю., Козинская К. М.

Шеринг-экономика в обеспечении устойчивого развития общества:
межстрановой анализ

271–287

Титова Н. Ю.

Обзор методических подходов к оценке уровня устойчивого развития
и циркулярной экономики

288–303

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

№ 2

Шимановский Д. В.

Инновации как фактор экономического роста регионов России:
эконометрический анализ

145–160

РЕГИОНАЛЬНАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

№ 1

Артемова О. В., Логачева Н. М.

Методика оценки доступности инфраструктуры образования в регионах
Российской Федерации

27–48

Лапин А. В., Митюшкина Е. Н.

Методика расчета платы за земельные участки, предоставляемые органами
публичной власти региона в аренду без торгов

49–64

№ 2

Кощеев Д. А., Миролюбова Т. В.

Оценка взаимовлияния региона и индустриального кластера:
системно-пространственный подход

161–184

Мухин М. А., Урасова А. А.

Территориальное общественное самоуправление в развитии системы
управления социально-экономическими процессами в регионе

185–196

Фомина В. Ф.

Социо-эколого-экономическая устойчивость северного региона на основе
модели «окно устойчивости»

197–220

№ 3

Алферова Т. В.

Теоретико-методологический базис измерения устойчивого развития
региональных систем

304–320

Котомина О. В.

Оценка функционирования системы высшего образования в интересах
устойчивого развития региона

321–337

Курушина Е. В., Дружинина И. В.

Выявление закономерностей динамики устойчивого развития
регионального пространства России с использованием метода
главных компонент

338–350

Лобова Е. С., Таскаева А. А., Пащенко Т. В., Жуковская С. Л.

Проектирование системы интегральных параметров попарной оценки
устойчивого развития региона в условиях реализации концепции
«низкоуглеродной» экономики

351–368

№ 4

Зазерская В. В.

Тенденции развития региональных интеграционных союзов:
методологический аспект

375–390

Морошкина М. В., Мяки С. А.

Подходы к оценке трудового потенциала действующих особых
экономических зон и территорий опережающего развития

391–403

Семячков К. А.

Дерево исследований умных городов

404–428

Теребова С. В., Устинова К. А., Крюков И. А.

Формирование сектора самозанятых в регионах: условия и перспективы

429–452

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ

№ 1

Белошицкий А. В., Череповицын А. Е.

Перспективы развития российского нефтесервиса в условиях перехода к «зеленой энергетике»

65–76

Боев А. Г., Пузаков А. Г.

Модель стратегии институциональных преобразований промышленных комплексов в условиях цифровизации

77–99

Ильенкова К. М.

Механизмы категорийного менеджмента при реализации ассортиментной политики компании на всех стадиях жизненного цикла ассортимента

100–124

№ 4

Караваева Н. М., Гончарова Н. В., Дайнеко Л. В., Юрасова И. И.

Редевелопмент и реконцепция избыточной торговой недвижимости

453–473

Ибрагимова Р. С., Головкин Д. С.

Экономический потенциал как концепция стратегического управления промышленным предприятием

474–486

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА, АУДИТА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

№ 1

Пашенко Т. В.

Подготовка бухгалтеров-экспертов: мировой опыт и проблемы начала XXI в.

125–139

№ 2

Аксентьев А. А.

Отложенные налоги в российской и зарубежной практике: проблемы и предложения по их решению

221–244

Мурашова Ю.Г., Кокоулина Е.А.

Амортизационная политика бухгалтерского учета: содержание и подходы к формированию

245–261

№ 4

Попов А. Ю.

Оценка влияния новых федеральных стандартов бухгалтерского учета на индикаторы экономической безопасности субъектов бизнеса

487–502

Научное издание

**Вестник Пермского университета.
СЕРИЯ «ЭКОНОМИКА»
= Perm University Herald. ECONOMY
2022. Том 17. № 4**

Редактор *Е. И. Герман*
Компьютерная верстка *Т. В. Новиковой*
Специалист-переводчик *В. В. Барсукова*
Секретарь *О. Н. Беляева*

Подписано в печать 26.12.2022. Формат 60×84^{1/8}.
Дата выхода в свет 27.12.2022.
Усл. печ. л. 15,8. Тираж 500. Заказ № 85/2022

Редакция научного журнала
«Вестник Пермского университета. Серия «Экономика»
= Perm University Herald. ECONOMY»
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Экономический факультет
Тел. (342) 233-19-69

Издательский центр Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел. (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ИП Серегина О. Н.
Адрес: 614107, г. Пермь, ул. Металлистов д. 21, кв. 174

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте
«Пресса России. Объединенный каталог»:
<https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/e41030>
Подписной индекс: 41030

Распространяется бесплатно и по подписке

